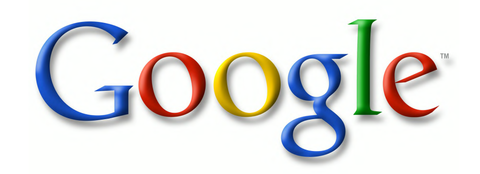
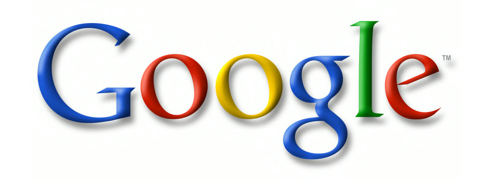
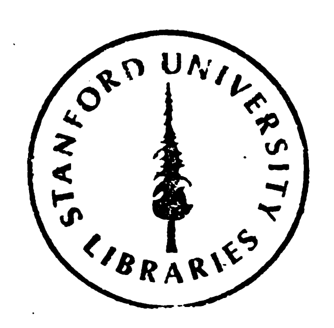

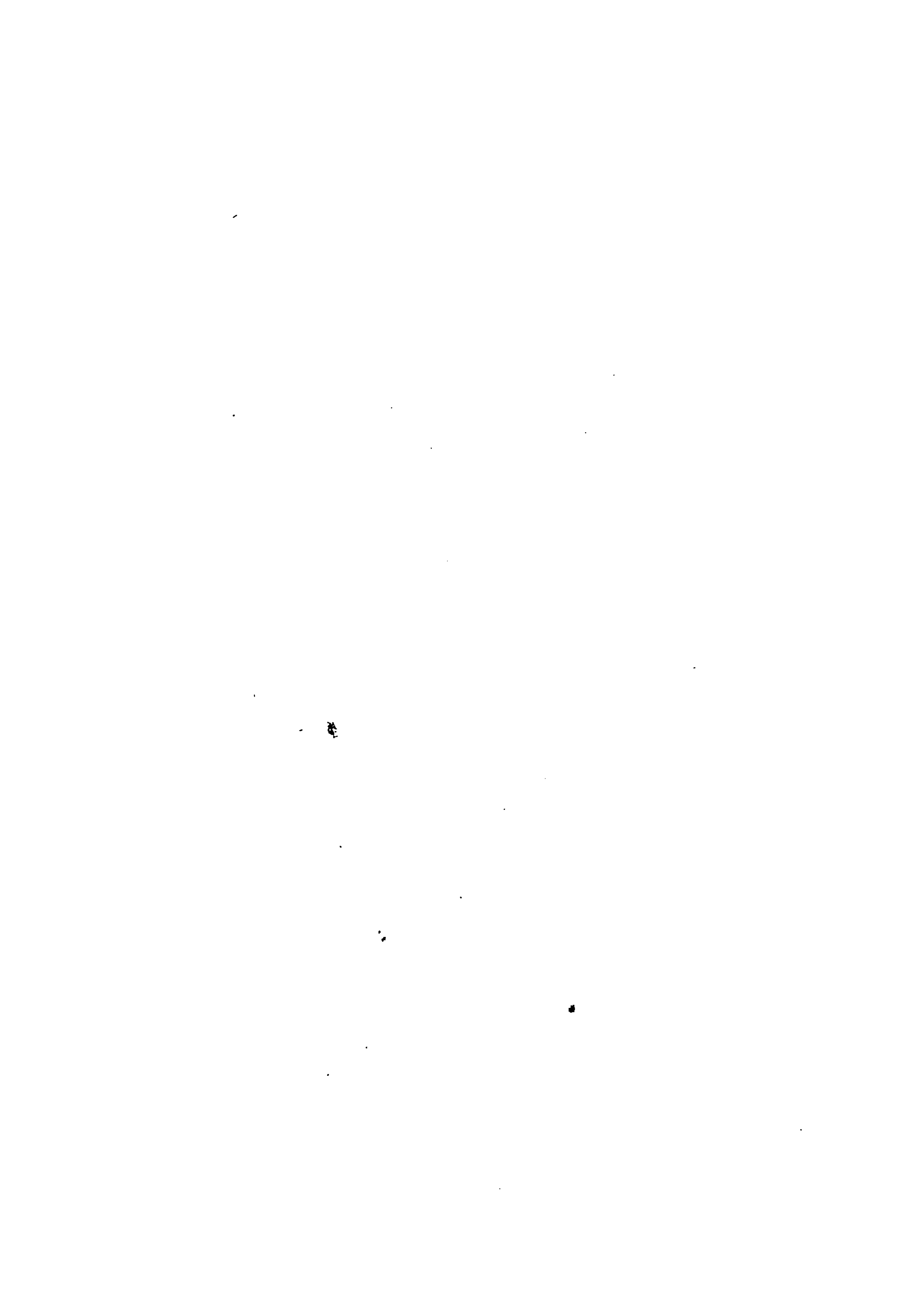

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЗАПИСКИ

ОБЪ ОСАДѢ

СЕВАСТОПОЛЯ.

ЗАПИСКИ

ОБЪ ОСАДѢ

СЕВАСТОПОЛЯ

Н. БЕРГА.

СЪ ДВУМЯ ПЛАНАМИ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Цѣна за два тома 2 руб. 50 коп. сер.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и К°.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 25 августа 1857 г.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

VI.

Возвращеніе на Коварну. — Церковь перенесена изъ Михайловскаго собора въ Николаевскую батарею. — Открытіе торговаго отдѣленія въ батареѣ. — Замѣчательный ударъ бомбы. — Екатерининская улица въ это время.— Постройка моста съ Сѣверной стороны на Южную. — Боченокъ-бомба. — Бомбы на Сѣверной сторонѣ. — Черезъ часъ по ложкѣ. — Перегрузка спирту на фрегатъ Коварну. — Пожаръ транспорта Березани. — Послѣдняя бомбардировка. — Почта. — Пожаръ Коварны.

—

Я воротился на фрегатъ вечеромъ, раздѣлся въ первый разъ послѣ того, какъ простился со своими, легъ и проспалъ 16 часовъ сряду, на одномъ боку, не видя никакихъ сновъ.

Нечего говорить, что пораженіе на Черной грустно отозвалось въ Севастополѣ. Утро 4-го августа — это были послѣднія минуты нашей жизни и нашей надежды. Къ вечеру все умерло... Мы стали прощаться съ Севастополемъ. То, чего не высказывали до тѣхъ поръ, что̀ копилось впродолженіи многихъ дней, — вырвалось наружу...

5-го августа непріятель открылъ новую бомбардировку обоихъ нашихъ фланговъ, и продолжалъ ее, съ разными разстановками, до 11-го.

Въ Михайловскій соборъ (еще 2-го числа, въ часъ обѣдни) ударила бомба, пробила крышу, полъ, и разорвалась въ подвалѣ, гдѣ хранилось 85 пудовъ свѣчей. Часть ихъ подняло взрывомъ на воздухъ и разбросало кругомъ. Многія иконы попадали со стѣнъ и нѣсколько человѣкъ прихожанъ ранено. Въ послѣдствіи довольно долго, на сосѣднихъ дворахъ и крышахъ, находили свѣчи.

Это произшествіе заставило перенести церковь въ Николаевскую батарею, для чего очистили два каземата, въ нижнемъ этажѣ, не подалеку отъ главнаго входа. Но все-таки это была весьма небольшая церковь, гдѣ никакъ не помѣщались всѣ приходившіе молиться. Нѣкоторая часть постоянно стояла въ дверяхъ и въ коридорѣ, между наружными арками и стѣнкой.

Лавки также перешли въ Николаевскую батарею, немного правѣе отъ церкви. Даже явилась надпись на черной доскѣ бѣлыми буквами: *Торговое отдѣленіе*. Тамъ оставались до конца купцы: Поповъ, торговавшій бакаліей; Гахъ — краснымъ товаромъ; Коломейцевъ — галантерейными и офицерскими вещами; Кефели — краснымъ товаромъ, и Ветчинкина — краснымъ же товаромъ. Всѣ они выбрались только за недѣлю до оставленія Севастополя.

Вскорѣ туда перешелъ и военный губернаторъ города, вице-адмиралъ Новосильскій, жившій до того времени въ домѣ Нахимова.

Николаевская батарея была, кажется, единственное зданіе на всей Южной сторонѣ, котораго не пробивали бомбы [1]). Мнѣ

---

[1]) Можетъ быть еще Александровская батарея имѣла такую же прочность.

случалось заходить къ пріятелю, занимавшему одинъ изъ казематовъ въ нижнемъ ярусѣ батареи. У него собиралась по вечерамъ большая компанія, играли на фортепьянахъ, пѣли, «гнули, Богъ ихъ прости, отъ пятидесяти — на сто», и нерѣдко вошедшій новый гость возвѣщалъ, что надъ нами, на крышу упала бомба: мы никогда не слыхали ни малѣйшаго звука. И такое зданіе, въ полверсты длиной, взлетѣло, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на воздухъ, какъ одинъ небольшой камень!

Въ Корабельной подобное непробиваемое зданіе была единственно Павловская батарея.

Всѣ остальныя строенія, какъ на Южной, такъ и въ Корабельной, бомбы пронизывали насквозь, отъ потолка до фундамента. Я помню одинъ замѣчательный ударъ бомбы въ Александровскія казармы: бомба упала на крышу главнаго корпуса, обращеннаго фасадомъ къ Южной бухтѣ, прошла 4 этажа, и остановилась въ подвалѣ, гдѣ ее не пустилъ дальше каменный полъ. Тамъ въ это время жило одно матросское семейство: мужъ и жена съ двумя дѣтьми. Мужа не было, а жена спала, вмѣстѣ съ малютками, въ углу, на кровати, и конечно ей, защищенной четырьмя потолками, не снилась смерть... бомба тихо подкатилась подъ кровать и подняла ее на воздухъ, причемъ однимъ осколкомъ пробило два потолка вверхъ.

Я ходилъ нарочно въ казармы посмотрѣть на слѣды этого любопытнаго удара, и видѣлъ всѣ пробоины. Въ одномъ этажѣ бомбѣ попались на дорогѣ какіе-то сундуки, лежавшіе въ нѣсколько рядовъ, — и все это прорѣзала она, какъ листъ бумаги, только скрипнули однимъ общимъ скрипомъ всѣ 4 пола.

Страшнѣе и страшнѣе становилось въ Севастополѣ. Екатерининская улица опустѣла совсѣмъ. Это была на ту пору дорога бомбъ и ядеръ, которыя неслись вдоль ея, какъ-бы

изъ невидимой пасти. Пройдя по маленькой площадкѣ мимо дворца Государыни Екатерины [1]), невольно поворачивалъ голову налѣво, въ улицу, и заглядывалъ въ эту пасть. Уже никого не двига ›сь тамъ. Развѣ-развѣ гремѣла широкая фурштатская телега, нагруженная турами, которыя везла на бастіонъ. Стоило любаго сраженія пройтиться въ эти дни по какой угодно улицѣ Севастополя.

Между тѣмъ черезъ главную бухту, отъ Николаевскихъ казармъ къ Михайловской батареѣ, повели мостъ. Это не было для насъ неожиданностью: постройка моста рѣшена была еще въ іюнѣ.

23 іюня генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ (начальникъ инженеровъ) получилъ приказаніе главнокомандующаго отправиться для закупки лѣса на разныхъ пристаняхъ Новороссіи. Его закупили въ городѣ Херсонѣ и въ деревняхъ: Каховкѣ, Каменкѣ и Иваненковѣ, за 60 тысячъ руб. серебромъ, съ доставкой, всего 1,200 бревенъ, каждое въ 6 сажень длины и до 7-ми вершковъ толщины въ вершинѣ.

Первый транспортъ прибылъ на лошадяхъ 14 іюля и тогда же, для примѣра, сплоченъ первый плотъ. Къ августу стали подвозить матерьялы на волахъ, безостановочно, и 2 августа началась постоянная работа. Работало 40 саперъ и 60 армейскихъ солдатъ, всего 100 человѣкъ, дѣлая въ день около 10 плотовъ. Желѣзо для оковки приготовлялось въ кузницахъ: артиллерійскихъ, инженерныхъ и полковыхъ. 14 числа мостъ былъ конченъ. Онъ состоялъ изъ 6-ти участковъ, въ 14 плотовъ каждый (всѣхъ плотовъ съ пристанями было 86), имѣя въ длину 430 сажень и 20 сажень пристанѣй. Полотно было шириною въ 3 сажени [2]).

---

[1]) Остатки его можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, на рисункѣ № 24.

[2]) Въ Севастопол. Альбомѣ рисунокъ 17-й.

Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ плотовыхъ мостовъ, какіе когда-либо наводились для переправы войскъ. Онъ изумилъ быстротою постройки даже нашихъ европейскихъ учителей, которые всѣми мѣрами старались помѣшать его наведенію, пуская по немъ и вмѣстѣ по стоящимъ вокругъ кораблямъ около 500 навѣсныхъ ядеръ въ сутки; но не причинили ему почти никакого вреда. Я слышалъ, что въ мосту, подъ конецъ осады, оказалось только 27 пробоинъ. Хоть бы вчетверо столько! Ядро дѣлало въ полотнѣ едва замѣтную дыру — и больше ничего.

15 августа, въ Успеньевъ день, послѣ обѣдни, мостъ открытъ и освященъ — и по немъ пошли и поѣхали цѣлыми толпами. Странно было слышать топотъ лошадей и громъ телегъ посрединѣ бухты, надъ зыбью волнъ, никогда не носившихъ на себѣ такого пояса. Огромныя бревна, торчавшія изъ-подъ полотна, скоро покрылись длинными свѣтлозелеными космами подводной травы, и въ этихъ космахъ, похожихъ на красивую, расчесанную на двѣ стороны бороду, гуляла постоянно мелкая рыба, какъ будто въ лѣсу, играя на солнцѣ подобно блестящимъ клинкамъ. Я часто засматривался на игры этой рыбки и на волненіе зеленыхъ бородъ, которые выростали у богатыря съ каждымъ часомъ длиннѣе и длиннѣе.

Сначала по мосту пускали съ билетами, но это оказалось неудобно и задерживало длинные обозы у пристаней. Стали пускать такъ. Было, говорятъ, забавное происшествіе съ однимъ билетомъ: какой-то матросъ попался на мосту офицеру, приставленному смотрѣть за порядкомъ. — «Билетъ есть?» — Есть! — «Давай сюда!» — Матросъ вынулъ состряпанную имъ самимъ записку, въ которой было сказано, что «по приказанію саперскаго адмирала Бухмеріуса дозволяется такому-то проходить черезъ мостъ во всякое время.»

Съ 16-го на 17-е число взлетѣлъ у непріятеля пороховой погребъ на Камчатскомъ редутѣ. Говорятъ, этотъ взрывъ сдѣланъ былъ бомбой, пущенной съ Будищевой батареи [1]), и вотъ какимъ образомъ. Надо знать, что отъ извѣстнаго до извѣстнаго часа выпускалось съ каждой батареи опредѣленное число снарядовъ. Командиръ батареи, лейтенантъ Будищевъ, спросилъ ночью, поздно, когда уже думалъ прекратить стрѣльбу: «сколько послано бомбъ по спускѣ флаговъ?» — Ему отвѣчали: 9. — «Валяй 10-ю для четнаго числа!» — и это четное число подняло погребъ!

Вскорѣ послѣ этого взрыва, который занималъ насъ впродолженіи нѣсколькихъ минутъ, былъ найденъ во рву, за 3-мъ бастіономъ, дубовый боченокъ, обитый желѣзными обручами и начиненный разнымъ горючимъ матеріяломъ. Это былъ первый гостинецъ въ этомъ родѣ [2]). Впослѣдствіи непріятель кидалъ изрѣдка подобные боченки на 1-й и 2-й бастіоны и на Малаховъ курганъ, но эти снаряды не причиняли большаго вреда. Кромѣ того, еще позже, Французы пускали къ намъ кошолки съ мелкими гранатами, числомъ отъ 10 до 15 гранатокъ. Мы придумали въ этомъ родѣ большія жестяныя коробки, куда вкладывалось отъ 20 до 30 гранатъ.

23 августа непріятель поставилъ на Камчатскомъ редутѣ двѣ мортиры и началъ пускать бомбы по судамъ, расположеннымъ противъ Сѣверной балки, гдѣ находился, какъ уже извѣстно читателямъ, и нашъ фрегатъ «Коварна». Первая бомба перелетѣла черезъ насъ и упала за гауптвахтой. Я помню, съ какимъ удивленіемъ смотрѣли мы на эту первую гостью Сѣвернаго берега. Намъ не вѣрилось, что это бомба. «Да не

---

[1]) Батарея, начинающая 3-е отдѣленіе, отъ Доковой балки вправо.

[2]) Очеркъ его приложенъ къ Морскому Сборнику, 1855, октябрь, № 10.

ядро ли?» спрашивали мы у матросовъ. — Какое ядро: разорвалась! отвѣчалъ вахтенный.

Черезъ часъ прилетѣла другая и упала тамъ же. Матросы разглядѣли уже и батарею: «съ Катчатки палитъ!» сказали они намъ.

Это случилось въ обѣдъ. Потомъ бомбы стали падать вокругъ фрегата. Къ ужину вахтенный офицеръ уже изучилъ полетъ новыхъ бомбъ и замѣтилъ, что ихъ пускаютъ черезъ часъ. Мы примѣнили къ этому аптечное выраженіе: «черезъ часъ по ложкѣ», и послѣ ужина вышли на палубу наблюдать за новыми посѣтительницами. Такъ-какъ прописываемый рецептъ былъ извѣстенъ, то намъ не стоило никакого труда приготовиться къ выжиданію въ надлежащую минуту.

Мы стали смотрѣть въ сторону Камчатки: тамъ чертили по небу сотни бомбъ; иныя взвивались высо́ко, и намъ часто казалось, что вотъ жалуетъ на фрегатъ, но вахтенный офицеръ говорилъ, что нѣтъ. «Вотъ къ намъ, такъ къ намъ!» сказалъ онъ вдругъ, и не ошибся: бомба взвилась совершенно вертикально (въ этомъ и было главное ея отличіе отъ другихъ, подымавшихся болѣе или менѣе косвенно), и ту же минуту стала выше и ярче всѣхъ, и скоро повисла у насъ въ зенитѣ. Мы невольно придвинулись къ гротъ-мачтѣ. Бомба достигла высшей точки, будучи отъ насъ больше нежели въ верстѣ, и потомъ начала опускаться, взявъ немного направо и гудя съ каждымъ мигомъ сильнѣе и страшнѣе. Чувствовалось, что несется нѣчто разрушающее; съ гуломъ смѣшивался рѣзкій свистъ и какъ-бы трескъ... вотъ, вотъ она въ трехъстахъ, въ двухъстахъ саженяхъ отъ насъ, яркая, зыблющаяся звѣзда — и потомъ вдругъ что-то свиснуло мимо борту и въ бухтѣ закипѣла вода... невозможно уловить конца полета: точно его кто перерывалъ, обрѣзывалъ и бомба куда-то терялась...

Всѣ бомбы въ этотъ разъ ложились очень близко отъ фрегата, направо, или налѣво, но одна напугала насъ порядкомъ: ставши въ зенитѣ, она не повернула никуда, а ринулась прямо на насъ. Мы прилегли къ гротъ-мачтѣ. Бомба ударила подлѣ бушприта и отбила обѣ головы у золотаго орла. Фрегатъ долго качался.

Но что всего страннѣе: въ этотъ самый день, когда къ намъ стали падать бомбы, кому-то вздумалось сгрузить на фрегатъ слишкомъ 200 бочекъ спирту, принадлежавшаго морской провіантмейстерской части, а потомъ переѣхала къ намъ и самая провіантмейстерская часть. Въ каютъ-компаніи устроили присутствіе, поставили зерцало и начали заниматься.

Разумѣется, чиновники не знали, что переѣзжаютъ подъ бомбы и ядра, и когда увидѣли, что на фрегатѣ также не безопасно, какъ и въ городѣ, принялись толковать между собою: нельзя ли кого попросить, чтобы ихъ свели оттуда на Сѣверную, или еще подальше.

Въ моей каютѣ было слышно всѣ бесѣды чиновниковъ. Однажды какой-то изъ нихъ сказалъ: «какъ быть съ запутаннымъ дѣломъ 45-го года?» — Э, братецъ, отвѣчалъ другой: стóитъ теперь безпокоиться о такихъ пустякахъ: дѣлá лежатъ въ бочкахъ, на берегу, — попала бомба и сожгла бочку, гдѣ былъ 45-й годъ, вотъ и все!

Собственно, бумаги лежали на фрегатѣ; чиновникамъ и въ голову не приходило, что скоро участь, предоставленная ими одному 45-му году, постигнетъ всѣ запутанные и незапутанные года.

24 августа, утромъ, открылась послѣдняя, страшная бомбардировка, какой, конечно, не было нигдѣ и никогда. Весь Севастополь (Южная и Корабельная стороны) потонули въ дыму, который поднимался сначала рѣдкими бѣлыми столбами,

но потомъ слился въ одно сѣрое, сплошное облако, и три дни сряду висѣло это облако надъ городомъ. Солнца на Южной сторонѣ вовсе не видали, хоть оно и свѣтило на небѣ. Иногда, среди безпрерывнаго, ровнаго гула, раздавались потрясающіе залпы многихъ орудій. Это были такіе громы, что мы, кажется уже достаточно привыкшіе ко всему подобному, не могли выдерживать и выскакивали изъ палатокъ посмотрѣть, что̀ это такое: не разверзается-ли земля? И это еще въ лагерѣ, за нѣсколько верстъ отъ Севастополя! Что жь было тамъ? Конечно все, что̀ выдумала наука разрушеній, пошло въ дѣло. Но сколько бы я ни разсказывалъ, я не передамъ почти никакого понятія о томъ, что̀ мы тогда видѣли и слышали.

Вечеромъ того-же дня (24 августа) въ 6 часовъ, мы пили съ однимъ офицеромъ чай въ капитанской каютѣ фрегата. Вдругъ раздался ударъ бомбы. «Какъ будто въ Березань [1])?» сказалъ онъ. Мы подошли къ порту [2]) и увидѣли, что надъ Березанью дѣйствительно идетъ дымъ: обыкновенное явленіе послѣ паденія бомбы. Судно загорается всегда, но пожаръ тушатъ ведромъ воды, если бомба ударитъ въ одно дерево и нѣтъ по близости сала, или чего-нибудь другаго, способствующаго усиленію пламени. Мы отошли отъ порта и снова стали пить чай. Черезъ нѣсколько минутъ взглянули опять: дымъ не унимался. Все кругомъ засуетилось. На кораблѣ Чесьмѣ, стоявшемъ рядомъ съ Березанью, начали готовить помпы. Около транспорта явились катера и лодки, для принятія людей и грузу; вслѣдъ за тѣмъ прибыли два парохода и стали вблизи. Дымъ валилъ около часу, перекинувшись черезъ бухту чернымъ

---

[1]) Транспортное судно, стоявшее неподалеку отъ насъ, вправо, если глядѣть на Севастополь.

[2]) Квадратное отверзтіе, въ родѣ окна, противъ котораго ставится орудіе. Число портовъ зависитъ отъ числа орудій.

изогнутымъ столбомъ. Потомъ хлеснуло пламя и прежде всего обхватило ванты фокъ-мачты. Мы поднялись на палубу. Было часовъ 8, когда пламя вошло въ свою силу и всѣ поняли, что судно должно погибнуть. Тогда нѣсколько катеровъ бросились завозить якорныя цѣпи, чтобы отдѣлить Березань отъ Чесьмы и Маріи. Но цѣпи не подавались и Березань сыпала столбы искръ на Марію, которая стояла у нея подъ вѣтромъ. Все на кораблѣ пришло въ движеніе: десятки ведеръ опускались въ море, и потомъ поднимались вверхъ и обливали борта. Уже огромныя якорныя цѣпи перебиты, канаты завезены... однако желтѣютъ отъ огня бѣлыя бока бортовъ; искры липнутъ къ вантамъ... но вотъ тихо двинулся корабль, буксируемый пароходомъ, и выплылъ въ безопасное пространство.

Всѣ обратились къ пожару. Удивительное зрѣлище! Уже ванты фокъ-мачты обгорѣли и повисли съ высоты огненными лѣстницами, по которымъ перебѣгало и струилось золото пламени. Съ воздухомъ произошло что-то особенное: какой-то матовый, близкій къ вечернему, свѣтъ разлился повсюду. Имъ озарилось все небо съ его звѣздами, которыя, казалось ушли еще дальше въ глубь и мерцали чуть замѣтными синими огоньками. Имъ озарился и берегъ, съ толпящимся народомъ, и бѣлыя стѣны 4-го номера, и фигуры людей въ катерахъ; и ближніе корабли, обрисовавшіеся на темномъ фонѣ ночи во всѣхъ подробностяхъ: ярко стояли въ высотѣ бѣлые столбы ихъ мачтъ, какъ бы раскаленные, и отчетливо чертились въ воздухѣ переплеты вантовъ, гдѣ глазъ разглядывалъ каждую петлю. Тѣмъ же особеннымъ свѣтомъ озарились и далекія горы съ ихъ батареями и разнообразными зданіями. Прибавьте къ этому трескъ пламени, шумъ множества веселъ, крики народу, и рѣзкій свистъ ядеръ и бомбъ, которыя стали падать чаще и чаще...

Какъ обыкновенно бываетъ при большихъ пожарахъ, лѣсныя

птицы пробудились явленіемъ этой мнимой зари. Два стада куликовъ кружили все время надъ пламенемъ, то пропадая въ облакахъ дыма, то являясь опять, озаренные огнемъ, и зыблясь въ воздухѣ подобно пущенному капральству...

Часу въ 10-мъ запылала гротъ-мачта и бизань-мачта.

Транспортъ горѣлъ до утра и сгорѣлъ весь, по мѣдную оковку. Отправляясь на другой день въ лагерь, я увидѣлъ на водѣ одно черное, дымящееся днище. Кое-гдѣ перебѣгалъ еще огонь.

На обратномъ пути мнѣ вздумалось заѣхать въ 4-й номеръ, къ доктору Тарасову, который находился тамъ при госпиталѣ.

Когда я сталъ спускаться отъ Сѣвернаго укрѣпленія подъ гору, въ берегъ ударили два прицѣльныя ядра, подлѣ самаго 4-го номера. Это была новость: прицѣльныхъ ядеръ до тѣхъ поръ черезъ бухту не летало.

Поворотивъ къ батареѣ, я увидѣлъ передъ самыми воротами свѣжую дыру, сдѣланную ядромъ. «Откуда это?» спросилъ я у часоваго. — А вотъ сейчасъ непріятель поставилъ 2 орудія на Забалканской батареѣ; всего только и сдѣлалъ выстрѣловъ десятокъ [1]). — Я взглянулъ черезъ бухту: едва была видна небольшая батарейка. Черезъ минуту показался бѣлый клубъ, и почти въ тоже мгновеніе ядро свиснуло надъ нами и пробило ворота.

Я прошелъ къ Тарасову. Послѣ трехъ первыхъ словъ онъ

---

[1]) Постановка этой батареи дорого стоила Французамъ: мы совершенно уничтожали рабочихъ выстрѣлами съ 1-го и 2-го бастіоновъ. Плѣнные говорили, что у нихъ платилось тройное жалованье тѣмъ, кто шелъ туда работать, только едва ли кто-нибудь получилъ это жалованье: если за нимъ и приходили, то немногіе. Однакоже Французы взяли свое: когда ослабѣлъ огонь окрестныхъ нашихъ верковъ, — батарея возникла вдругъ, какъ фениксъ.

замѣтилъ мнѣ о новыхъ ядрахъ. «А вѣдь вамъ придется уѣзжать съ Коварны, сказалъ онъ потомъ: переѣхали-бы вы въ Сѣверное укрѣпленіе: тамъ есть у моего пріятеля палатка, — хотите, я напишу ему и онъ отдастъ вамъ ее охотно.»

— Напишите!

Онъ написалъ тогда же. Пріятель, о которомъ говорилъ Тарасовъ, былъ уже извѣстный мнѣ человѣкъ, командиръ парохода Херсонесъ, Иванъ Григорьевичь Рудневъ, большой хозяинъ. Его предусмотрительность приготовила, на всякій случай, подлѣ Сѣвернаго укрѣпленія, палатку, или скорѣе помѣстительный балаганъ, который дожидался его съ командой, если бы оказалась надобность оставить пароходъ.

Простившись съ Тарасовымъ и раздумывая о предстоящемъ переѣздѣ, я пошелъ тихо берегомъ, по направленію къ знакомой балкѣ (лошадь моя была отпущена съ кучеромъ еще прежде). Ядра съ Забалканской батареи безпрестанно лепили въ берегъ и неслышно врѣзывались въ суда. Я чувствовалъ, что дѣйствительно пришла пора убираться съ фрегата, а между тѣмъ все-таки не хотѣлось. Я любилъ Коварну и привыкъ къ ней, какъ не привыкалъ ни къ одному дому, и потому, размышляя о переѣздѣ, колебался: то переѣзжалъ, то снова располагалъ остаться.

Когда я прибылъ на фрегатъ, мнѣ показали двѣ свѣжихъ пробоины, сдѣланныя Забалканскими гостями. Одно ядро пронеслось надъ палубой, пробивъ оба бо̀рта, а другое ударило въ чанъ съ водой, въ кухнѣ. Его насилу отыскали и тотчасъ свѣсили: оказалось пудъ и 23 фунта.

На слѣдующій день, 26 августа, я имѣлъ странное предчувствіе: мнѣ пришло въ голову: что̀, если фрегатъ загорится въ то время, когда я бываю въ лагерѣ? Правда, эта мысль безпокоила меня и прежде, еще до открытія непріяте-

лемъ мортирной батареи на Камчаткѣ, потому что бомбы, хоть и рѣдко, а все таки залетали къ намъ съ другихъ батарей, преимущественно съ Херсонеса, однако я, подумавъ, тутъ же забывалъ объ этомъ и не дѣлалъ никакихъ распоряженій.

На этотъ же разъ мысль о пожарѣ представилась мнѣ гораздо ярче. Собравшись въ лагерь, я кликнулъ человѣка и далъ ему приказаніе, въ случаѣ несчастія, спасать прежде всего мои бумаги. Потомъ я вышелъ изъ каюты и поднялся на верхъ, чтобы сѣсть въ лодку и ѣхать... какъ вдругъ вспомнилъ, что часть моихъ бумагъ заперта въ кушеткѣ, и тутъ же подумалъ: неужели, однако, фрегатъ загорится именно сегодня?... Я готовъ былъ сѣсть въ лодку, но что-то тянуло меня назадъ: я не выдержалъ, воротился въ каюту, досталъ бумаги и выложилъ ихъ наружу, на комодъ. Эта странная минута спасла мнѣ тотъ свертокъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ моихъ записокъ.

Потомъ я сѣлъ на двойку и быстро переѣхалъ небольшое, весьма знакомое пространство бухты, не замѣтивъ, какъ двойка ткнулась въ доски пристани. Я былъ очень разсѣянъ. Впрочемъ помню, что когда я сталъ выходить, гдѣ-то далеко свистѣло ядро. Это былъ мигъ; въ слѣдующій мигъ я опять не слыхалъ ничего; въ головѣ бродили разныя мысли; я ступилъ на пристань, ядро щелкнуло сзади въ доски, но я этого не замѣтилъ: мнѣ показалъ кучеръ, подававшій лошадь. Я молча оглянулся, безъ малѣйшаго страху, потомъ остановилъ глаза на палаткѣ, гдѣ жилъ мой кучеръ: она вся была изорвана осколками бомбъ. Черезъ минуту, недалеко впереди, упала новая бомба. Все это, съ припоминаніемъ вчерашняго, убѣдило меня, что время переѣзжать съ фрегата. Но прежде всего я рѣшился заняться судьбою кучера: мнѣ пришло на мысль устроить его въ Сѣверномъ укрѣпленіи, при жандармскомъ эскадронѣ, котораго

командиръ мнѣ былъ хорошо знакомъ, и потому я отдумалъ ѣхать въ лагерь, а поднялся прямо, въ крѣпость.

Жандармскій капитанъ жилъ въ одной комнаткѣ длиннаго барака, принадлежавшаго почтѣ. Онъ принялъ меня подружески и согласился въ ту же минуту пристроить моего кучера и лошадь. Я вышелъ оттуда совершенно въ другомъ настроеніи духа. «Дай зайду на почту: нѣтъ ли чего мнѣ?»

Я уже описалъ во 2-й главѣ этого отдѣла особенный баракъ, гдѣ хранились посылки. Съ той поры онъ не измѣнился ни чуть. Такіе же вороха̀ лежали на столахъ, на лавкахъ и на полу. Я прошелся вдоль комнаты, безъ всякой надежды что-нибудь отыскать, какъ вдругъ на меня взглянула посылка на мое имя изъ-за границы. Я даже узналъ руку пріятеля, которая надписывала адресъ. Нечего говорить, что подобныя вещи занимали въ Севастополѣ во сто разъ больше, нежели гдѣ нибудь. Я отыскалъ чиновника, спавшаго тутъ же, за тюками. Онъ надѣлъ вицъ-мундиръ, висѣвшій подлѣ, на стулѣ, спросилъ мою фамилію и выдалъ посылку безъ всякого затрудненія.

Я уже вовсе отложилъ поѣздку въ лагерь, воротился на фрегатъ и вскрылъ посылку: это были книги, и я сталъ ихъ тотчасъ разрѣзывать и читать.

Такъ читалъ я вплоть до обѣда, не слыша свисту ни старыхъ, ни новыхъ ядеръ. Пообѣдавши очень весело, вмѣстѣ со всѣми (бо̀льшею частію мнѣ приходилось обѣдать одному), я опять спустился къ себѣ въ каюту, сѣлъ у моего столика и снова сталъ читать, не раздѣваясь, потому-что хотѣлъ въ 3 часа ѣхать къ Рудневу. Я часто поглядывалъ на часы: стрѣлка вступила на половину втораго... вдругъ раздался ударъ и затѣмъ взрывъ. Я находился въ какомъ-то странномъ, сонно-послѣобѣденномъ настроеніи духа. Я и не пошевелился и не

думалъ пойдти посмотрѣть, чтò тамъ такое. Къ тому же паденіе бомбъ было дѣло знакомое. Сколько падало ихъ къ намъ и на окрестныя суда... сгорѣла одна Березань, и то дымъ шелъ болѣе часу... стало-быть все успѣли спасти... эти мысли пробѣжали во мнѣ мгновенно, или, лучше сказать, были со мною всегда. Я забылъ о выгруженномъ спиртѣ и продолжалъ спокойно читать и разрѣзывать книгу... немного погодя послышались чьи-то стоны и потомъ крики матросовъ: «воды! воды! горимъ!» Но и тутъ я не пошевелился и ожидалъ, чтò будетъ дальше. Крики увеличивались. Я услышалъ явственно быстрое бѣганье матросовъ по лѣстницамъ — и все-таки сидѣлъ безъ движенія. Истинно была странная минута и я до сихъ поръ не могу ее понять. Нѣтъ сомнѣнія, что я могъ бы спасти по крайней мѣрѣ половину моихъ вещей, если бы подумалъ объ этомъ заранѣе, но я не думалъ ни о чемъ, и не воображалъ, что мы въ опасности. Черезъ минуту ко мнѣ вбѣжалъ мой человѣкъ, въ сюртукѣ, надѣтомъ въ одинъ рукавъ: «мы горимъ: надо спасать вещи!» — Пойдемъ, взглянемъ прежде на пожаръ, сказалъ я ему все еще спокойный, однако же схватилъ свертокъ бумагъ, выложенный поутру, а человѣкъ мой взялъ попавшуюся подъ руку шкатулку (думая вѣроятно, что тамъ деньги, а тамъ было нѣсколько кусковъ сахару и четверть фунта чаю), и мы выбѣжали изъ каюты и поднялись на верхъ. Пламя лилось со стороны бака рѣкою (бомба попала въ спиртъ); матросы бѣжали на середину, бросивъ тушить. Увидѣвъ это, я вдругъ потерялся; не помню, какъ сбѣжалъ по трапу на двойку; человѣкъ мой очутился рядомъ со мною; мы оба, стоя на ногахъ, смотрѣли на негорѣвшую часть фрегата, гдѣ находилась каютъ-компанія и моя каюта; люминаторъ ея глядѣлъ на насъ своимъ глазомъ. «Позвольте мнѣ сбѣгать туда, сказалъ мой человѣкъ: можетъ, я чтò и спасу!» Я подумалъ, что онъ погонится за какимъ нибудь

вздоромъ и какъ-разъ останется въ огнѣ, а потому и рѣшился сбѣгать въ каюту самъ. Я снова пришелъ въ себя. Но не было никакой возможности подняться на фрегатъ: матросы, одинъ за другимъ, сыпались по трапу [1]) на двойку и на стоявшую рядомъ съ ней шаланду [2]) и катеръ; лѣзли кучами въ портá, ухвативъ каждый что̀ попало: какую-нибудь подушку, койку, старую куртку, сундучишка... одинъ матросъ (и я не могу забыть этого умилительнаго зрѣлища), приставленный смотрѣть за церковною утварью, не подумалъ о своемъ добрѣ, а схватилъ образъ, ризы, паникадило и книги, и со всѣмъ этимъ священнымъ имуществомъ, едва едва обхватывая его руками, пробирался въ шаланду. Мы были осѣнены внезапно ликомъ Спасителя... черезъ мигъ на фрегатѣ уже не было никого. Я свободно взбѣжалъ по трапу, спустился съ одной лѣстницы, думая уже не о бумагахъ, а о своихъ штуцерахъ... хотѣлъ было спуститься на вторую, но меня охватило горячимъ дымомъ, я кинулся назадъ, пробѣжалъ палубу, уже совсѣмъ пустую, и снова явился на двойкѣ. Пламя било изъ половины портовъ; загорѣлись ванты и штагъ. Мы тихо отчалили, буксируя катеромъ и двойкой шаланду. О, какъ долгъ показался намъ этотъ небольшой переѣздъ, столько всѣмъ знакомый! Непріятель открылъ учащенную стрѣльбу, и ядра, въ перемежку съ бомбами, ныряли поминутно около насъ въ воду. Народъ толпился у берега. Я замѣтилъ моего кучера, который искалъ меня глазами... и вотъ мы вышли на берегъ; я грустно оглянулся назадъ: фрегатъ пылалъ весь, и зеленое пламя

---

[1]) Трапъ былъ обыкновенный; парадный сбитъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ налетѣвшимъ на насъ ночью пароходомъ Грозный, при чемъ одного солдата бросило съ парохода къ намъ на палубу, но онъ сталъ на ноги и не ушибся нисколько.

[2]) Шаланда была подведена, чтобы сгружать спиртъ, но успѣли сгрузить только 5 бочекъ.

спирта на̀чало взвиваться клубами по направленію къ мыску. Я не могъ смотрѣть на гибель моего гнѣзда. Это была не Березань, гдѣ мы хладнокровно слѣдили всѣ моменты пожара, съ часами въ рукѣ. На доскахъ Коварны я провелъ много такихъ минутъ, какихъ не будетъ никогда. Я велѣлъ тотчасъ запрягать лошадь; меня бѣсила медленность кучера...

VII.

Переѣздъ въ лагерь. — Взрывъ шаланды ночью. — 27-е августа. — Приступъ. — Оставленіе Севастополя. — Переходъ войскъ на Сѣверную. — Уборка моста. — Затопленіе кораблей. — 28 августа. — Пожаръ города. — Затопленіе пароходовъ. — Послѣдніе взрывы. — Севастополь послѣ пожара. — Сѣверное укрѣпленіе въ это время. — Вступленіе непріятеля въ городъ. — Переходъ Главнаго штаба въ Орта-Каралезъ и потомъ въ Бахчисарай.

—

Когда мы поѣхали, и я увидѣлъ себя въ моей тележкѣ, тутъ только я почувствовалъ, что у меня осталась всего навсе одна эта тележка. Смотря въ огонь пожара, я видѣлъ только огонь, гибель и больше ничего. Столько было различныхъ, тревожныхъ чувствъ, быстро смѣнявшихъ одно другое, что какъ-то не пришлось осмотрѣться и подумать, что въ этомъ огнѣ гибнетъ у меня все: и мой Севастопольскій дневникъ, и рисунки, стоившіе мнѣ большихъ трудовъ и перенесенія опасностей; гибнутъ письма друзей и многое другое,

что̀ пишется однажды въ жизни, чему нѣтъ возврата, какъ молодости... Но тутъ, когда суета пожара, выстрѣлы и опасность остались позади, и я катился въ моей обѣднѣвшей тележкѣ по пустыному берегу: все это припомнилось до малѣйшихъ мелочей. Картина пожара такъ и стояла передъ моими глазами. Я спускался въ каюту... вотъ она, милая моя каюта: направо комодъ, налѣво койка, прямо столикъ и люминаторъ... Я беру тетради, штуцера... и опять, и опять повторялось передо мной то же самое... мнѣ было невыразимо-грустно!

Я вошелъ въ палатку одного изъ моихъ товарищей, А. Я. Коробчица, съ которымъ обыкновенно вмѣстѣ работалъ. «Что это васъ не было утромъ?» спросилъ онъ; я разсказалъ все. Въ сосѣднихъ палаткахъ услыхали мои разсказы, и скоро вокругъ меня собралась большая кучка добрыхъ товарищей. Они приняли во мнѣ самое живое участіе. Я никогда не забуду ихъ братскихъ услугъ. Кто предлагалъ теплую шинель, кто бѣлья, кто звалъ ночевать, и я мигомъ почувствовалъ себя богатымъ...

А Коварна между тѣмъ дымилась и дымилась. Я вывелъ моихъ друзей изъ палатки и показалъ имъ на этотъ дымъ, для одного меня краснорѣчивый. Вечеромъ мы увидѣли зарево. Фрегатъ горѣлъ до утра.

Ночью того же дня, въ 12-мъ часу, двѣ большія шаланды, нагрузясь порохомъ на Павловскомъ мыскѣ, отчалили къ Графской пристани и когда стали къ ней подплывать, въ одну шаланду попала ракета — и все это поднялось на воздухъ. Взрывъ былъ такъ силенъ, что не только въ ближайшихъ домахъ на Южной, но даже и въ Корабельной, за бухтой, полопались стекла. На Графской поваляло статуи и приподняло одно бомбическое орудіе, лежавшее на самомъ

берегу. Даже на Сѣверной сторонѣ отозвался этотъ взрывъ: въ 4 номерѣ отворило нѣсколько дверей въ домахъ и двинуло ближайшія ко входу кровати [1]).

Всю ночь непріятель пускалъ ракеты. Одна какимъ-то необыкновеннымъ случаемъ воткнулась въ вершину крана [2]) и зажгла его. Мы никакъ не могли объяснить себѣ до утра, что̀ это за факелъ горитъ въ воздухѣ, и освѣщаетъ Севастополь.

Всѣ эти пожары, взрывы, и даже этотъ странный факелъ были грустными предвѣстниками давно ожидаемой развязки. Все, казалось, клонится къ тому, чтобы намъ оставить Севастополь. На всѣхъ лицахъ читалось одно и то же.

Утромъ, 27-го августа, какъ будто еще усилились разрушительные громы, но въ 12 часовъ все стихло. Нашъ лагерь пришелъ въ движеніе: тамъ и тамъ сѣдлали коней. Нѣсколько всадниковъ уже неслись по дорогѣ въ городъ. — Непріятель повелъ приступъ...

Многіе изъ нашихъ поднялись на гору, гдѣ стоялъ Инкерманскій телеграфъ, а я отправился въ Голландію [3]), спустился внизъ, въ кусты, и сталъ смотрѣть. Прямо противъ меня, черезъ бухту, были видны 1-й и 2-й номеръ и Малаховъ курганъ, — для незнающихъ мѣста: го̀ры, изрѣзанныя траншеями и загроможденныя валами батарей. Дальше — тянулась равнина, покрытая камнями и кустами, и по ней,

---

[1]) Это послѣднее разсказывалъ мнѣ майоръ Охотскаго полка, В. К. Мольскій, находившійся въ минуту взрыва въ 4-мъ номерѣ.

[2]) Машина, для постановки на корабли мачтъ. Она помѣщалась на одномъ изъ береговъ Доковой бухты. Издали кранъ похожъ на бабу, которою вбиваютъ сваи.

[3]) Балка близь Кладбищенской горы, сходившая къ рейду и покрытая хуторами.

скорымъ шагомъ, немного нагнувшись впередъ, шли колонны Французовъ шли великолѣпно. У меня теперь еще захватываетъ духъ, когда воображу себѣ картину неудержимаго, одушевляющаго движенія этихъ массъ. Вѣтеръ дулъ имъ въ лицо[1]), полы сюртуковъ раздувались, что̀ придавало имъ еще болѣе быстроты. Наши бомбы ложились въ ихъ ряды, взвивая пыль, но шли и шли безподобно-храбрые Французы.

Я смотрѣлъ пристально, стараясь разгадать, что̀ дѣлается на Малаховомъ, но дымъ орудій застилалъ все. Вотъ немного прояснило: идутъ и идутъ синіе ряды; стелются по равнинѣ наши бомбы... на Малаховомъ бой; видно двѣ линіи ружейныхъ огней... и опять дымъ, соединенный съ пылью. Еще темнѣе даль. Все слилось. Едва замѣтно волнообразное движеніе массъ.

Но здѣсь я оставлю свои наблюденія. Я только хотѣлъ набросить легкій очеркъ штурма, какимъ онъ казался наблюдающему съ Сѣверной стороны. Обыкновенно думаютъ о сраженіяхъ, что все это видно какъ на ладони, какъ потомъ нарисуютъ имъ на картинкѣ, и рѣдкому приходитъ на мысль взять въ разсчетъ разстояніе, длину боевыхъ линій; рвы, горы, зданія, и что̀ всего неизбѣжнѣе въ битвѣ — дымъ и пыль, покрывающіе все. Такъ что, кто подойдетъ ближе, увидитъ меньше всѣхъ и ровно ничего не разскажетъ потомъ какому нибудь Горацію Вернету.

Перенесемся въ непріятельскій лагерь за нѣсколько времени назадъ.

Мы уже не видимъ гвардейскаго генерала, который коман-

---

[1]) Вѣтеръ въ этотъ день былъ очень силенъ. Онъ произвелъ въ морѣ большое волненіе и воспрепятствовалъ непріятельскимъ кораблямъ сняться съ якоря и дѣйствовать по городу, за одно съ сухопутными батареями. Это можно видѣть въ рапортѣ Пелиссье военному министру.

довалъ атакой 6-го іюня. Боске́ опять изучаетъ мѣстность передъ Малаховымъ курганомъ и окружающими его батареями.

Французы подошли своими аппрошами на 30 метровъ [1]) къ Малаховой башнѣ и съ трудомъ выносятъ огонь нашихъ верковъ. Все заговорило о штурмѣ. Даже Ніель, котораго считали немного нерѣшительнымъ, требовалъ приступа.

22 августа (3 сентября) собрался у главнокомандующаго французской арміи совѣтъ изъ генераловъ: Ніеля, Боске́, Тири, Мартемпре, Фроссара и Англійскаѓо генерала сэръ Гарри Джонса. Предположено штурмовать городъ въ самомъ скоромъ времени, но дня не назначено.

Генералу Боске́ ввѣрено командованіе войсками праваго фланга атаки.

Воротясь съ совѣта въ свою Главную квартиру, онъ составилъ тотчасъ планъ предполагаемыхъ дѣйствій и сообщилъ его секретно генераламъ Бѐрѐ и Фроссару.

Планъ былъ слѣдующій: сначала открыть атаку праваго фланга (нашего лѣваго) непріятельскихъ укрѣпленій, ударивъ въ одно время на 3 пункта: на Малый редантъ (2-й бастіонъ), на Куртину, посредствомъ которой редантъ соединяется съ Малаховымъ и со второю оборонительною линіею, извѣстною подъ именемъ Черныхъ верковъ (Генрихова батарея съ окрестными валами) и на самый Малаховъ.

Справа пойдетъ дивизія Дюлака, имѣя въ резервѣ бригаду Маролля, (изъ дивизіи д'Орелля), и батальонъ гвардейскихъ стрѣлковъ.

Въ центрѣ двинется дивизія де-Ламоттъ-Ружа.

---

[1]) Мы считали отъ батареи Панфирова до головы ближайшей французской сапы $12\frac{1}{2}$ сажень.

Слѣва — дивизія Макъ-Магона, имѣя въ резервѣ бригаду Вимпфена, изъ дивизіи Каму, и 2 батальона гвардейскихъ зуавовъ.

Гвардія (главный резервъ) займетъ старыя французскія и русскія траншеи, около редута Брансьона (бывшій Камчатскій.)

Такъ-какъ ей предстоитъ нанести рѣшительный ударъ, для чего она должна двинуться въ массѣ, — то и сдѣлано между траншеями сообщеніе въ 40 метровъ ширины (около 18-ти сажень), замаскированное турами и землянымъ валомъ.

Двѣ легкихъ батареи 5-й дивизіи 2-го корпуса (майоръ Сути) станутъ у Ланкастерской батареи. Четыре другихъ въ резервѣ, у редута Викторіи.

Имъ для проѣзда можетъ служить тотъ же путь, который назначенъ для гвардіи.

Кромѣ того приготовлены отряды саперъ, въ 60 человѣкъ каждый, подъ начальствомъ одного батальоннаго командира и 3-хъ офицеровъ, дабы идти во главѣ атакующихъ колоннъ, съ лѣстницами и лопатами въ рукахъ. Они облегчаютъ войскамъ переходъ черезо рвы и траншеи.

Наконецъ, при каждой колоннѣ, слѣдуетъ 50 артиллеристовъ, подъ командой капитана, или поручика. Артиллеристы, въ минуту занятія войсками батарей, заклепываютъ орудія, или обращаютъ ихъ въ сторону непріятеля, смотря что̀ будетъ удобнѣе и выгоднѣе.

Атака 3-го отдѣленія предоставлена Англичанамъ, такъ-какъ они имѣли свои верки противъ этой мѣстности.

Атака лѣваго фланга поручена генералу де-Саллю.

Таковъ былъ планъ Боске (принятый и утвержденный впослѣдствіи главнокомандующимъ).

Днемъ приступа генералъ Пелиссье назначилъ 8-е сентября (у насъ 27-е августа), но это было извѣстно только двумъ-тремъ лицамъ во всей арміи.

Дабы ослабить передъ штурмомъ, какъ можно болѣе, огонь нашихъ верковъ, непріятель долженъ былъ открыть бомбардировку города и Корабельной. Эта послѣдняя, самая страшная бомбардировка, началась, какъ видѣли, 24-го августа (5-го сентября) утромъ, и продолжалась безостановочно. Днемъ былъ сильнѣе прицѣльный огонь, ночью мортирный. Противъ Малахова кургана, во время ночи, стрѣляли постоянно одна, или двѣ батареи; болѣе всего 15-ти орудійная, между Камчатскимъ редутомъ и Малаховымъ, но въ помощь ей вывозили около 20-ти полевыхъ орудій.

Вотъ перечень всѣмъ французскимъ и англійскимъ батареямъ и орудіямъ, дѣйствовавшимъ въ эти дни.

У Французовъ, *на лѣвомъ флангѣ*, была 51 батарея — 346 орудій, кои были расположены такимъ образомъ:

Противъ 4-го бастіона 19 батарей — 129 орудій.

Противъ 5-го бастіона 19 батарей — 134 орудія.

Противъ 10-го нумера 13 батарей — 83 орудія.

На правомъ флангѣ было 34 батареи — 267 орудій.

Сверхъ того редуты: «5-е ноября» и «Канроберовъ» имѣли 4 батареи — 14 орудій [1]).

Итого, на правомъ и на лѣвомъ флангахъ, у Французовъ 72 батареи — 627 орудій.

У Англичанъ *на лѣвомъ флангѣ* было 17 батарей — 71 орудіе.

На правомъ 15 батарей — 108 орудій.

Итого 32 батареи — 179 орудій.

---

[1]) Эти 4 батареи въ послѣднюю бомбардировку молчали.

Всего у Французовъ и Англичанъ — 806 орудій.

Дѣлая изъ всѣхъ этихъ орудій по 100 выстрѣловъ въ сутки на каждое, составится 80 тысячъ выстрѣловъ, но непріятель дѣлалъ гораздо больше. Наши счетчики, поставленные на разныхъ пунктахъ, уже не могли считать и сбивались, показывая приблизительно за 100 тысячъ выстрѣловъ въ сутки [1]).

26-го августа (7-го сентября), послѣ полудня, Боскѐ собралъ у себя всѣхъ дивизіонныхъ, бригадныхъ, инженерныхъ и артиллерійскихъ генераловъ своего корпуса и объявилъ имъ, что приступъ назначенъ завтра: 27-го августа (8-го сентября), въ 12 часовъ дня.

Въ день приступа всѣмъ быть въ полной парадной формѣ.

Сигнала никакого не будетъ. Часы корпусныхъ и дивизіонныхъ командировъ должны быть поставлены по часамъ главнокомандующаго.

Бо̀льшая часть всѣхъ этихъ распоряженій оставались для насъ неизвѣстными до послѣдней минуты, но нѣкоторыя изъ нихъ мы знали и потому стали ждать штурма.

Самая бомбардировка, какой не было до тѣхъ поръ, ясно говорила, къ чему надо готовиться.

Въ это время на всѣхъ пунктахъ нашего лѣваго фланга, то-есть во всей Корабельной и на Пересыпкѣ, едвали находилось 20 тысячъ штыковъ.

Половина всего народу была постоянно на 1-й линіи, а другая въ резервѣ, на 2-й, и частію за домами Корабельной и другими укрытіями.

---

[1]) Надо замѣтить, что выстрѣлы непріятеля во время осады считались ежедневно, для чего наряжались особыя команды людей, по нѣскольку человѣкъ на пунктъ, дабы одинъ повѣрялъ другаго и не было вымышленныхъ показаній. До послѣдней бомбардировки счетъ велся довольно вѣрно.

1-я линія войскъ дѣлилась на 3 части: одна треть стояла на банкетахъ, въ ружьѣ; другая исправляла поврежденія, а третья отдыхала, и такъ чередовались. Двѣ же половины всего войска чередовались разъ въ недѣлю, то-есть бывшая на 1-й линіи уходила въ резервъ на 2-ю, а 2-я становилась на мѣсто 1-й.

Поступившему въ резервъ солдату дозволялось перемѣнить бѣлье и выкупаться, даже требовалась отъ него всевозможная чистота. На 1-й же линіи войскà всю недѣлю не раздѣвались.

Таковъ былъ вообще порядокъ, заведенный начальникомъ лѣваго фланга генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ; но разумѣется въ послѣдніе три – четыре дня многое перемѣнялось, смотря по надобности.

Иногда, преимущественно на 4-мъ отдѣленіи, въ случаѣ ночныхъ усиленныхъ работъ, весь резервъ, или иначе вторая линія, являлась на помощь первой.

На 5-мъ отдѣленіи, по ночамъ, двѣ трети резерва постоянно приходили на работу на 1-ю линію.

Словомъ, можно сказать, не только исполнялось въ точности все, чтó было предписано, но даже дѣлалось гораздо больше.

Войскà, съ 26-го на 27-е, на лѣвомъ флангѣ находились слѣдующія:

На 3-мъ отдѣленіи, на 1-мъ участкѣ, иначе на Пересыпкѣ, отъ лѣваго фаса 4-го бастіона до батареи Перекомскаго, включительно, — Охотскій полкъ (до 1200 ч.) подъ командой полковника Малевскаго, онъ же и начальникъ участка.

На 2-мъ, или Центральномъ участкѣ, отъ батареи Перекомскаго до праваго фаса 3-го бастіона, — сводный резервный Минско-Волынскій батальонъ (около 500 человѣкъ) на батареѣ лейтенанта Артюхова, подъ командой майора Маслова; и Камчатскій полкъ (около 900 ч.), подъ командой подполковника

Артемьева (онъ же и начальникъ участка), на батареяхъ лейтенантовъ: Потемкина, Катруцы, Усова и Палеолога, и капитана 1-го ранга Никонова.

На 3-мъ участкѣ, или на самомъ 3-мъ бастіонѣ [1]) — Владимірскій полкъ (около 1,100 или 1,200 ч.), подъ командой полковника Мезенцова, онъ же и начальникъ участка.

На 4-мъ, или Лѣвомъ участкѣ, отъ 3-го бастіона до батареи лейтенанта Маколинскаго (прежде бывшей Яновскаго) — Суздальскій полкъ (до 1,100 ч.), подъ командой полковника Дарагана, и наконецъ на батареѣ лейтенанта Прокофьева (прежде бывшей Будищева), Якутскій полкъ (до 900 ч.), подъ командой полковника Велька, онъ же и начальникъ участка.

Кромѣ того, на 3-мъ отдѣленіи, находилась 43-я дружина Курскаго ополченія [2]).

Въ резервѣ 3-го отдѣленія стоялъ Селенгинскій полкъ, расположенный слѣдующимъ порядкомъ: 1-й сводный батальонъ [3]) (около 450 ч.) сзади 3-го бастіона, у такъ называемой Люблинской стѣнки, фронтомъ къ 4-му бастіону, подъ командой маіора Торнау. 2-й сводный батальонъ того же полка (около

---

[1]) Такъ обыкновенно называли на мѣстѣ эту часть, а собственно это былъ только исходящій уголъ 3-го бастіона. Въ городѣ, нерѣдко, все 3-е отдѣленіе называли 3-мъ бастіономъ.

[2]) Въ дружинѣ въ это время считалось, круглымъ числомъ, отъ 800 до 1000 человѣкъ. — Всѣ эти цыфры, (я разумѣю всю книгу) требуютъ конечно, провѣрки. Я могу сказать только одно, что собралъ ихъ на мѣстѣ, отъ людей, которымъ нельзя было много ошибиться. Цыфры войскъ на Малаховомъ курганѣ я имѣлъ возможность провѣрить тщательнѣе другихъ.

[3]) Это значитъ, составленный изъ 2-хъ обыкновенныхъ батальоновъ, 1-го и 3-го; а 2-й сводный батальонъ составляется изъ 2-го и 4-го. Такимъ образомъ изъ четырехъ-батальоннаго состава въ полку дѣлается двухъ-батальонный. Роты въ этихъ батальонахъ также сводныя. — Всѣ полки, бывшіе въ Севастополѣ сначала осады, имѣли въ это время двухъ-батальонный сводный составъ.

450 ч.) по Камчатской стѣнкѣ [1]), фронтомъ къ Доковому оврагу, подъ командой майора Пршевалинскаго.

Кромѣ того, между 3-мъ и 2-мъ отдѣленіемъ стояла 40-я дружина Курскаго ополченія, а между 3-мъ и Малаховымъ 53-я.

Все 3-е отдѣленіе, по части работъ и по артиллеріи, подчинялось капитану 1-го ранга Перелешину 1-му, а войска отдѣленія зависѣли отъ генералъ-лейтенанта Павлова.

На 4-мъ отдѣленіи находились слѣдующія войска:

На батареѣ Жерве — Егерскій В. К. Михаила Николаевича полкъ, который называли кратко: «полкомъ Его Высочества» (около 420 ч.).

Командовалъ батареей лейтенантъ Левицкій-Рогаль (самъ Жерве былъ въ это время раненъ).

На Малаховомъ курганѣ: отъ Горжи вверхъ до Реданта [2]), Замосцкій полкъ (около 300 ч.), отъ Реданта до Тыльной обороны — Модлинскій полкъ (до 280 ч.), на Тыльной оборонѣ — Прагскій полкъ [3]) (до 300 ч.).

Кромѣ того, на работахъ внутри бастіона, были Сѣвцы, которыхъ часть, утромъ 27-го августа, за нѣсколько минутъ до штурма, отправилась на 2-ю линію и встрѣтилась у Горжи съ 47-ю дружиной Курскаго ополченія — и тутъ начался штурмъ.

---

[1]) Такъ назывались двѣ оборонительныя стѣнки, выстроенныя по приказанію генерала Хрулева, одна Люблинскимъ полкомъ, а другая Камчатскимъ, съ тою цѣлію, чтобы 3-й бастіонъ, въ случаѣ занятія непріятелемъ праваго и лѣваго фасовъ 3-го отдѣленія, не потерялъ своей самостоятельности, и войскà, находящіяся на немъ, могли, подъ защитою этихъ стѣнокъ, отразить нападеніе, или ретироваться.

[2]) На 4-мъ отдѣленіи, вправо отъ Малахова къ батареѣ Жерве, былъ небольшой редантъ, который и носилъ это имя.

[3]) Всѣ 3 полка 15-й резервной дивизіи.

Въ потернѣ и въ минахъ работали 2 роты Люблинскаго полка [1]), съ поручикомъ Павловскимъ, нѣсколько ополченцевъ и, передъ самымъ приступомъ, явилось туда же 2 роты Ериванцевъ, съ прапорщикомъ Антоновымъ.

Отъ Малахова кургана до Рогатки стоялъ Муромскій полкъ (до 500 ч.). Батареей Рогатки, въ 26 орудій (12 крѣпостныхъ, 4 полевыхъ, двѣ 5-ти пудовыя мортиры, двѣ 2-хъ пудовыя и 6 малыхъ полупудовыхъ мортиръ) — командовалъ лейтенантъ Никифоровъ.

Всего гарнизону на Малаховомъ курганѣ и на батареѣ Жерве, съ 25-го по 27-е Августа, было 1,450 человѣкъ. На одномъ Малаховомъ 880 ч. [2])

Въ резервѣ 4-го отдѣленія находилась 9-я пѣхотная дивизія. Потомъ пришла 47-я дружина Курскаго ополченія и егерская бригада 4-й пѣхотной дивизіи (полки Шлиссельбургскій и Ладожскій.)

Все это было подчинено, по части работъ, капитану 1-го ранга Керну и капитанъ-лейтенанту Карпову, которые смѣняли другъ друга черезъ недѣлю. Въ послѣднюю недѣлю командовалъ Карповъ.

Артиллеріей завѣдывалъ лейтенантъ Лазаревъ.

---

[1]) Изъ нихъ, при штурмѣ, захвачено въ плѣнъ 81 человѣкъ. Всего въ минахъ взято въ плѣнъ до 300 человѣкъ (Люблинцы, Ериванцы и ополченные). На Малаховомъ курганѣ, на батареѣ Жерве и у Рогатки взято до 250 ч., а во всемъ Севастополѣ — 22 штабъ и оберъ-офицера, 11 юнкеровъ и 630 человѣкъ нижнихъ чиновъ. (Слышалъ отъ нашихъ плѣнныхъ, бывшихъ у Французовъ и видѣвшихъ подробные списки).

[2]) Записано со словъ разныхъ лицъ, командовавшихъ тогда отдѣльными частями на Малаховомъ. Показанія ихъ всѣхъ, (собранныя въ разное время) были совершенно сходны. Значитъ, эти цыфры повторялись въ послѣдніе дни всѣми, какъ имѣвшія для бастіона важное значеніе, и, безъ сомнѣнія, — вѣрны.

Начальникомъ войскъ 4-го отдѣленія былъ генералъ-майоръ Буссау.

На 5-мъ отдѣленіи:

Отъ Рогатки до 2-го бастіона, по стѣнкѣ, стояли 2 батальона Олонецкаго полка. 2 другіе батальона того же полка на самомъ 2-мъ бастіонѣ.

На Лабораторной батареѣ и по стѣнкѣ, соединяющей 2-й бастіонъ съ 1-мъ — Полтавскій полкъ.

Отъ Лабораторной батареи до 1-го бастіона и на самомъ 1-мъ бастіонѣ — Алексопольскій егерскій полкъ.

Въ траншеѣ отъ 1-го бастіона до бухты — 48-я дружина Курскаго ополченія.

Въ резервѣ, на склонѣ Ушаковой балки, — Забалканскій полкъ и нѣсколько правѣе Кременчугскій.

5-е отдѣленіе подчинялось капитану 1-го ранга Микрюкову и капитанъ-лейтенанту Ильинскому. Помощникомъ у нихъ былъ 1-й артиллерійской бригады поручикъ Врченскій.

Войсками командовалъ вмѣсто заболѣвшаго генералъ-адъютанта князя Урусова, генералъ-майоръ Сабашинскій.

Орудій на всемъ лѣвомъ флангѣ было около 325, а именно: на 3-мъ отдѣленіи до 130. [1])

---

[1]) Мнѣ извѣстно въ подробности количество и калиберъ орудій только 2-го участка 3-го отдѣленія:

На батареѣ Никонова было 42 орудія (40 24-хъ-фунтовыхъ, одно бомбическое и одна мортира).

На батареѣ Палеолога: 5 орудій (4 24-хъ-фунтовыя и одна мортира).

На батареѣ Усова — 32 орудія (всѣ 24-хъ-фунтовыя).

На батареѣ Катруцы 7 орудій (6 24-хъ-фунтовыхъ и одна 5-ти-пудовая мортира).

На батареѣ Потемкина 10 орудій (4 бомбическія и 6 небольшихъ фальконетовъ).

На 4-мъ — 93.

На 5-мъ — съ небольшимъ 100.

На этомъ послѣднемъ отдѣленіи оставались почти тѣ же орудія, какія были при штурмѣ 6-го іюня, только прибавилась небольшая батарея Скарятина, около бухты, за траншеей, гдѣ поставлено 2 пудовыхъ и 2 полупудовыхъ единорога и двѣ мортиры. Еще дальше, на косогорѣ устроена, батарея въ 3 пушки-карронады, и за нею еще батарея, въ 3-же пушки-карронады, 24-хъ фунтоваго калибра, для обстрѣливанія Скарятинской батареи. Обѣ послѣднія батареи могли дѣйствовать только картечью.

Наконецъ, около Аполлоновой балки, стояло 3 орудія средняго калибра (фунтовъ въ 18). Эта батарея уже входила во 2-ю оборонительную линію.

Кромѣ того на лѣвомъ, или восточномъ углу Лабораторнаго двора устроена батарея въ 2 полупудовые единорога; направо отъ нея батарея въ двѣ пушки-карронады, 24-хъ фунтоваго калибра, и позади, на 2-й линіи, Генрихова батарея въ 6 орудій.

Рядомъ съ Генриховой батареей, за валомъ, принадлежавшимъ ко 2-й линіи 4-го отдѣленія, поставлено было 7 орудій (3 крѣпостныхъ, въ амбразурахъ, коихъ приготовлено всего-на-все 11; и 4 полевыхъ на барбетѣ, немного позади.)

Но бо́льшая часть этихъ орудій, къ концу дня, переставали дѣйствовать, мерлоны осыпа̀лись, а иногда и вовсе были сры-

---

На батареѣ Артюхова 5 орудій (4 24-хъ-фунтовыя и одна мортира. Кромѣ того было одно полевое, которое, въ минуту нападенія, ставили на барбетъ).

(Записано со словъ тогдашняго начальника участка. Одинъ офицеръ, находившійся на томъ-же отдѣленіи, увѣрялъ меня, что на Никоновой и Усовой батареяхъ было только по 12-ти орудій).

ваемы непріятельскими выстрѣлами. Все это чинилось по ночамъ, съ неимовѣрными усиліями и потерею людей; наконецъ не стало доставать рукъ, и притомъ перевѣсъ артиллерійскаго огня со стороны осаждающихъ былъ такъ великъ, что иныя батареи прекращали стрѣльбу намѣренно, какъ вовсе безполезную.

И этимъ-то перевѣсомъ, не въ орудіяхъ, а въ снарядахъ, взялъ непріятель. А штыковъ его мы не боялись.

Войскà убывали у насъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ; можно сказать, таяли, какъ снѣгъ.

Потеря на обоихъ флангахъ, въ послѣдніе три дня, была неслыханная: изъ строю выбывало около 4-хъ тысячъ человѣкъ въ сутки.

На одномъ 2-мъ участкѣ 3-го отдѣленія, съ утра 26-го къ 11 часамъ ночи, въ Камчатскомъ полку, изъ 900 человѣкъ осталось только 700. Изъ своднаго Минско-Волынскаго батальона (500 ч.) осталось около 300 ч.; Когда этотъ батальонъ воротился на Сѣверную, въ немъ было только 50 человѣкъ.

Болѣе другихъ, однакоже, страдали 2-й бастіонъ и Малаховъ курганъ, въ особенности Малаховъ.

Еще въ середу, 25 августа, начальникъ 4-го отдѣленія, капитанъ-лейтенантъ Карповъ, писалъ въ Главную квартиру, что курганъ пришелъ въ самое крайнее положеніе и требуетъ усиленія въ рабочихъ и прислугѣ къ орудіямъ [1]). При этомъ Карповъ предсказывалъ, что если не пришлютъ рабочихъ и оставятъ все идти такимъ-же порядкомъ, то курганъ возьмутъ въ *пятницу*. (Это такъ и случилось.)

---

[1]) У орудій 4-го отдѣленія не доставало прислуги человѣкъ до полутораста. Почти то же было и на другихъ отдѣленіяхъ лѣваго фланга.

Съ 25-го на 26-е, ночью, огонь непріятельскихъ батарей былъ въ особенности силенъ. На батареѣ лейтенанта Панфирова, съ двухъ выстрѣловъ бомбами, убило въ одной амбразурѣ 25 человѣкъ.

Впрочемъ такіе случаи повторялись въ эти дни на разныхъ батареяхъ.

Къ утру 26-го, курганъ былъ въ худшемъ состояніи, чѣмъ наканунѣ. Это было *первое* такое утро во всю осаду. Обыкновенно къ утру поврежденія исправлялись и батареи глядѣли свѣжѣе, чѣмъ ввечеру.

Изъ 63-хъ орудій Малахова кургана (я считаю мортиры и полевыя орудія) осталось не подбитыми на переднемъ фасѣ только 8, и 14, обращенныхъ къ городу, которыя хоть и могли дѣйствовать, но въ этотъ день не стрѣляли вовсе.

Кромѣ того оказался недостатокъ въ бомбахъ и гранатахъ. На батареѣ Жерве хотя и были бомбы, но безъ трубокъ. Ядеръ было довольно: отъ 120 до 160 на орудіе [1]).

Ходили слухи и ходятъ до сихъ поръ, что Малаховъ «прозѣвали, прообѣдали.»

Здѣсь справедливо только то, что въ это время на курганѣ дѣйствительно *обѣдали*, какъ и на всѣхъ другихъ батареяхъ, потому что былъ часъ обѣда. Но обѣдала только часть войскъ, часть спала, обнявши ружья (спали также, какъ обѣдали,

---

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить, что снаряды вообще доставлялись на батареи въ самомъ ограниченномъ числѣ, не только въ это время, но и въ началѣ осады. Нѣкоторые батарейные командиры умѣли экономить такъ, что у нихъ были всегда, про черный день, и бомбы, и картечь, и все. А другіе не умѣли этого дѣлать. Много значилъ и чинъ начальника артиллеріи на отдѣле[illegible]. Капитанъ 1-го ранга скорѣе выпрашивалъ снаряды у командующаго [illegible]сей артиллеріей въ Севастополѣ, чѣмъ лейтенантъ. Спрашивается, [illegible]жно-ли было, при такихъ странныхъ условіяхъ, держаться городу?

вовсе не тайкомъ, а регулярно, въ одни и тѣ-же часы, чередуясь по командамъ, чтобы ночью бодрствовать *всѣмъ.*) А третья часть стояла на банкетахъ и могла ежеминутно призвать къ ружью какъ обѣдающихъ, такъ и спящихъ. Минуту нападенія знать было невозможно: нельзя же было для этого не спать и не обѣдать.

Обо всемъ этомъ хорошо разсуждать, сидя въ мягкихъ креслахъ, а еслибы заглянулъ строгій судья, хоть на одно мгновенье, въ тотъ смертельный огонь, въ какомъ Малаховцы *жили* постоянно, — то вѣрно-бы сталъ снисходительнѣе.

Взятъ Малаховъ не потому, что обѣдали, а потому, что противъ полутора тысячъ усталыхъ, изнуренныхъ солдатъ шло болѣе десяти тысячъ самаго отборнаго войска. Это такъ просто. Когда же прибыли подкрѣпленія, мы не могли отбить Малахова по причинѣ замкнутой горжи. О недостаткѣ артиллерійскихъ снарядовъ уже было сказано.

Что̀ же касается до того, былъ-ли порядокъ и бдительность на курганѣ, это покажетъ слѣдующее почти «почасовое» описаніе послѣдняго дня, сдѣланное по вѣрнымъ источникамъ.

26-го числа, днемъ, часа въ 4 послѣ обѣда, видѣли съ Малахова движеніе войскъ и обозовъ около дома Уптона и вообще противъ 5-го бастіона, къ морю и отъ моря. [1])

Въ началѣ ночи, съ 26-го на 27-е августа, было замѣчено съ кургана, что противъ 3-го бастіона подвезена артиллерія и что-то блеститъ при лунѣ, какъ будто латы.

Объ этомъ тотчасъ дали знать генералу Хрулеву, на Павлов-

---

1) Это была военная хитрость Пелиссье: онъ двигалъ Пьемонтскія войска, дабы заставить насъ думать, что приступъ будетъ съ нашего праваго фланга и чтобы мы сдвинули туда свои войска. Но это не достигнуто: мы остались на прежнихъ мѣстахъ.

скій мысокъ [1]), и онъ послалъ своего ординарца, подпоручика Негребецкаго, къ начальнику 3-го отдѣленія Перелешину 1-му, сказать, чтобы онъ принялъ мѣры предосторожности.

Негребецкій прибылъ туда въ 11 часовъ ночи и нашелъ у Перелешина начальниковъ двухъ участковъ (3-го и 2-го), полковника Мезенцова, и подполковника Артемьева. Послѣдній только-что пришелъ просить у Перелешина одну, или двѣ роты Владимірскаго полка, для очищенія рва въ своемъ участкѣ, передъ батареей лейтенанта Артюхова. Перелешинъ назначилъ одну роту.

Услыхавъ донесеніе Негребецкаго, подполковникъ Артемьевъ отправился на свой участокъ и снялъ съ банкета 1-ю роту Камчатскаго полка, приказавъ ей, въ случаѣ штурма, быть готовой идти на 3-й бастіонъ.

Вслѣдъ за первымъ донесеніемъ, генералъ Хрулевъ получилъ съ Малахова второе, что противъ минной головы кургана слышна у непріятелей работа.

Утромъ 27-го, въ 8-мъ часу, замѣчено съ Малахова сильное движеніе въ непріятельскихъ траншеяхъ, о чемъ дано знать Хрулеву [2]).

---

[1]) Хрулевъ, въ началѣ іюня мѣсяца, переѣхалъ въ Павловскую батарею.

[2]) Это движеніе было приготовленіемъ къ бою. Войскà вооружались. Имъ прочли слѣдующій приказъ генерала Боскé:

«Солдаты 2-го корпуса и резерва!

7-го іюня (26 мая) вамъ досталась честь нанести первые удары въ сердце русской арміи. 16 Августа (4-го) вы восторжествовали надъ ихъ вспомогательными силами. (Такъ называли Французы нашу армію, находившуюся на Сѣверной сторонѣ.) Сегодня ваша твердая рука, столь извѣстная непріятелю, нанесетъ Русскимъ послѣдній, смертельный ударъ, исторгая у нихъ линію верковъ, обороняющихъ Малаховъ; между тѣмъ какъ наши товарищи, Англичане, и 1-й корпусъ, произведутъ атаку Большаго редана и Центральнато бастіона.

Въ 9 часовъ начальникъ 4-го отдѣленія послалъ къ генералу Хрулеву адъютанта своего лейтенанта Вульферта, съ донесеніемъ, что сборъ Французскихъ войскъ въ траншеяхъ противъ кургана несравненно болѣе противъ обыкновеннаго.

Хрулевъ отправилъ Вульферта къ князю Васильчикову, котораго тотъ встрѣтилъ на мосту черезъ Южную бухту [1]). Васильчиковъ послалъ его въ Главную квартиру за подкрѣпленіемъ.

Въ 10 часовъ [2]) увидѣли съ Малахова, какъ за Камчатскій редутъ проѣхала непріятельская артиллерія, полемъ, а не траншеями.

Вскорѣ послѣ этого прилетѣло на курганъ 3 бочки: одна разорвалась на Гласисной батареѣ, отчего обсыпался брустверъ; другая въ серединѣ кургана; третья не разорвалась.

Въ 11 часовъ капитанъ-лейтенантъ Карповъ послалъ къ Хрулеву съ однимъ юнкеромъ донесеніе, что непріятель подноситъ къ кургану лѣстницы и доски.

Лишь только юнкеръ отправился, какъ пріѣхалъ на Мала-

Это будетъ одинъ всеобщій приступъ, армія противъ арміи! Это будетъ долгопамятная побѣда, которая увѣнчаетъ юныхъ орловъ Франціи. Ребята, впередъ! Малаховъ и Севастополь — наши! и да здравствуетъ Императоръ!»

[1]) Первый мостъ черезъ Южную бухту былъ построенъ въ половинѣ сентября 1854, на тендерахъ и другихъ судахъ. Я говорю о немъ въ первомъ отдѣлѣ Записокъ, на стран. 53. — 28 марта, 1855, въ бомбардировку, непріятель потопилъ 6 тендеровъ. Тогда выстроили новый мостъ на плотахъ и бочкахъ. Изображеніе послѣдняго можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, рисунокъ 1-й.

[2]) Въ это время у Французовъ было уже все готово.

Генералъ Боске прибылъ на свой постъ, въ 6-ю паралель, самую ближайшую къ намъ.

Главнокомандующій французской арміи пріѣхалъ со штабомъ на Камчатскій редутъ.

ховъ флигель-адъютантъ Воейковъ. Карповъ повелъ его по батареямъ и желая показать, какъ все это, вслѣдствіе пробоинъ и другихъ поврежденій, сдѣлалось рыхло и непрочно, толкнулъ плечомъ одинъ мерлонъ на Редантѣ и свалилъ его въ ровъ.

Потомъ они воротились къ башнѣ и вошли въ блиндажъ [1]), гдѣ Карповъ отдалъ Воейкову докладную записку о бѣдственномъ состояніи кургана, для передачи ея главнокомандующему. Воейковъ положилъ ее въ карманъ... вдругъ раздался взрывъ и за тѣмъ крикъ на курганѣ: « Французы! »

Карповъ сказалъ только Воейкову: «ступайте, вамъ теперь здѣсь нечего дѣлать! » [2]) а самъ выскочилъ изъ блиндажа и велѣлъ ударить тревогу, но барабанщикъ былъ убитъ. Тревогу протрубилъ уже гарнистъ.

Карповъ взбѣжалъ на Гласисную батарею и увидѣлъ, что три густыя колонны непріятелей идутъ къ лѣвому флангу кургана и нѣсколько Французовъ уже пробираются рвомъ къ Реданту.

За тѣмъ грянуло на курганѣ 6 выстрѣловъ: три изъ нихъ сдѣланы были со Штурмовой батареи, начальникомъ артиллеріи 4-го отдѣленія, лейтенантомъ Лазаревымъ, собственноручно; одинъ комендоромъ; потомъ раздался выстрѣлъ съ лѣваго фланга Гласисной батареи, сдѣланный юнкеромъ Колчакомъ, изъ 68-ми-фунтоваго орудія, мелкой картечью съ ядромъ, и наконецъ, шестой, съ Рогатки, навѣсно картечью изъ подбитаго орудія, поставленнаго на-попа.

---

[1]) Въ эту минуту прибылъ юнкеръ, посыланный къ Хрулеву, и сказалъ, что подкрѣпленіе будетъ.

[2]) Воейковъ, обнаживъ саблю, прошелъ по кургану благополучно и спустился внизъ. Черезъ часъ, или около того, онъ смертельно раненъ, при отбитіи кургана.

Это были единственные въ тотъ день и *послѣдніе* наши выстрѣлы съ Малахова кургана...

Карповъ сбѣжалъ опять внизъ и увидѣлъ на батареѣ Панфирова трехцвѣтный Французскій флагъ [1]). Черезъ нѣсколько минутъ Французы показались на лѣвомъ флангѣ Гласисной батареи, а наши, послѣ небольшой стычки (въ которой пали командиръ Модлинскаго полка, полковникъ Аршеневскій, одна изъ первыхъ жертвъ, и майоръ того же полка Кованько) отступили съ этого пункта вправо, въ числѣ 60 человѣкъ, съ поручикомъ Анкудовичемъ, и спустились внизъ, ко входу въ башню.

Карповъ, увидя ихъ и замѣтивъ, что Французы еще не овладѣли Гласисной батареей, упросилъ Анкудовича воротиться.

Въ эту минуту, шагахъ въ 15-ти отъ башни, показался генералъ Буссау, съ маленькой шкатулкой въ рукахъ, окруженный кучкой ополченцевъ (человѣкъ 12), побросавшихъ ружья и взявшихся за палки и топоры.

Буссау былъ совершенно безоруженъ и кидалъ въ непріятелей камнями... вдругъ пуля ударила его въ грудь и онъ упалъ...

Французы уже были на Гласисной батареѣ и стрѣляли оттуда по нашимъ. На башнѣ также развѣвался ихъ трехъ-цвѣтный флагъ.

Спустя нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ палъ Буссау, по той же маленькой площадкѣ пробѣжалъ лейтенантъ Лазаревъ, схватясь рукой за животъ и молча раскланиваясь съ Карповымъ. Вѣроятно, онъ прощался съ нимъ на-всегда: пуля

---

[1]) Вотъ точка (батарея Панфирова) гдѣ непріятель показался прежде всего. Впрочемъ, мы ожидали этого, частію по близости непріятельской сапы, частію потому, что въ этой батареѣ была брешь. — Инженеръ-поручикъ Орда видѣлъ не флагъ, а знамя, съ золотымъ орломъ, которое могло явиться послѣ.

ударила ему въ животъ и вышла въ правый бокъ. (Это случилось въ то время, когда онъ стрѣлялъ со Штурмовой батареи [1]).

---

[1]) Мы можемъ послѣдовать за Лазаревымъ: онъ пошелъ по направленію къ Горжѣ, теряя болѣе и болѣе силы, и близь самой Горжи, когда наши отступали и Французы были уже въ нѣсколькихъ саженяхъ, встрѣтилъ инженернаго поручика Орду, который уходилъ вмѣстѣ со всѣми. «Проведите меня пожалуйста въ спокойное мѣсто!» сказалъ онъ Ордѣ. Спокойнаго мѣста нигдѣ не было, да и не до того было Ордѣ: онъ спѣшилъ убраться по добру по здорову и могъ считать себя почти внѣ опасности: 5 шаговъ — и онъ за курганомъ... Французы наступаютъ. . а тутъ проситъ о помощи раненный товарищъ! Доброе сердце одолѣло мгновенно всякія другія размышленія. Онъ взялъ подъ руку Лазарева и отвелъ въ первый взглянувшій на него блиндажъ, положилъ на койку и перевязалъ ему рану его-же носовымъ платкомъ. Въ томъ-же блиндажѣ очутился саперный подпоручикъ Ноздреевъ, 3 солдата Ериванскаго полка и 1 саперъ 6-го батальона. Кромѣ того 4 солдата тяжелораненныхъ. Здоровымъ конечно хотѣлось уйти, но высунувшись, они увидѣли, что Малаховъ уже занятъ непріятелемъ и нашихъ не видно. Французы влѣзли на брустверъ у Горжи и открыли огонь. Разумѣется, нашимъ пришлось воротиться въ блиндажъ. Они притаились и просидѣли такъ до 2-хъ часовъ по полудни. Перестрѣлка гремѣла неумолкаемо. Слышно было наше приближающееся ура. Французы отбѣжали назадъ и прилегли за разные блиндажи и траверсы. Потомъ опять раздалось vive l'empereur! И Французы посыпали къ Горжѣ. (Кажется это былъ моментъ, когда отбивалъ курганъ генералъ Лысенко, о чемъ будетъ разсказано ниже). Солдаты стали проситься у офицеровъ пострѣлять изъ блиндажа. Офицерамъ этого не хотѣлось, но они разрѣшили, махнувъ рукой. Противъ входа въ блиндажъ лежали Арабы (tirailleurs indigènes) съ темными, звѣрскими лицами, одѣтые въ свои красивые бѣлые плащи. Такое сосѣдство было вовсе непріятно: еслибъ они замѣтили выстрѣлы, то всѣмъ-бы нашимъ не сдобровать. Этотъ народъ шутить не любитъ Да и вообще, въ такую минуту, рѣдко даетъ пощаду любая нація. Къ счастію, никто не замѣчалъ, откуда сыплются пули. Арабы только похватывались, кто за бокъ, кто за ногу, а иной и вовсе растягивался по землѣ ни пикнувъ. Такъ наши стрѣляли болѣе часу. Вдругъ въ окошко влетѣло два ядра съ нашихъ батарей, или скорѣе съ пароходовъ, и одно ранило здороваго солдата осколкомъ щепы. На верху послышался шумъ и топотня; земля сыпалась на головы (Французы ставили на блиндажѣ мортиры), блиндажъ ходилъ ходенемъ; наши думали, что ломаютъ крышу и добираются до нихъ. Состояніе духа было не совсѣмъ ладно. Особенно грустилъ бѣдняга Орда,

Минутъ черезъ 10, съ праваго фланга Гласисной батареи, отступило нашихъ только 8 человѣкъ, изъ тѣхъ 60-ти, которые воротились туда съ поручикомъ Анкудовичемъ. Все остальное легло и самъ Анкудовичь (оставленъ замертво, но послѣ поднятъ. Ему отняли руку и онъ черезъ нѣсколько времени выздоровѣлъ).

Карповъ встрѣтилъ ихъ у самаго спуска, рядомъ со своимъ блиндажемъ, совершенно потерявшихся. Слѣдомъ за ними бѣжали 4 Француза. Карповъ старался удержать нашихъ, объясняя имъ, что ихъ восьмеро, а тѣхъ только четыре, но они ничего не слыхали. Французы нагрянули и перекололи ихъ всѣхъ. Безъ сомнѣнія, досталось-бы и Карпову, но онъ получилъ въ эту минуту ударъ сверху и повалился безъ чувствъ... Французы пробѣжали мимо.

Все это видѣли трое Модлинскихъ солдатъ, бывшіе неподалеку; они подошли къ Карпову, подняли его и отнесли въ его блиндажъ. Двое изъ нихъ были при этомъ смертельно ранены пулями, однако же, пока въ нихъ еще держалась жизнь,

---

бывшій въ 5-ти шагахъ отъ спасенія. Вдругъ вбѣжали къ нимъ 3 зуава, какъ будто ихъ кто втолкнулъ. Одного Ериванцы посадили на штыки, у другаго выбили ружье и связали ему руки; 3-й убѣжалъ и вѣроятно далъ знать своимъ: немного спустя явился офицеръ съ 6-ю волтижерами и спросилъ нашихъ, есть-ли между ними офицеръ. Орда подошелъ къ нему и сказалъ, что онъ офицеръ. «Вы сдаетесь?» спросилъ Французъ. Орда обернулся къ солдатамъ и спросилъ, намѣрены-ли они сдаться? Они согласились и положили ружья. Французы тотчасъ обратили вниманіе на раненныхъ, и убравши ихъ, повели Орду, Ноздреева и троихъ солдатъ на Камчатскій редутъ, черезъ батарею Панфирова, траншеями, набитыми народомъ, который провожалъ нашихъ косыми взглядами, бранью, а иные даже замахивались штыками. Офицеры, бывшіе тутъ-же, брали ихъ за руки и тихо отводили штыки въ сторону. — Лазаревъ впослѣдствіи выздоровѣлъ совершенно.

Что̀-же случилось съ поручикомъ Ордой на Камчатскомъ редутѣ, въ Главной французской квартирѣ и послѣ, любопытные могутъ прочесть въ 1-й книжкѣ Инженернаго журнала, за 1857-й годъ.

они думали только о битвѣ, и положивъ Карпова, затѣяли съ непріятелемъ перестрѣлку изъ блиндажа. Карповъ, очнувшись, нашелъ ихъ въ самой жаркой дѣятельности... но скоро двое ослабѣли и выпустили ружья, только одинъ долго еще мстилъ за своихъ товарищей, посылая Французамъ пулю за пулей...

Малаховъ былъ занятъ. Вокругъ башни и дальше, у орудій, а частію и межъ траверсами, происходила обыкновенная рѣзня и свалка, подобная всѣмъ другимъ, когда противники сойдутся близко и въ тѣснотѣ. Тутъ есть дѣло не только прикладамъ, палкамъ и камнямъ, но и пустымъ рукамъ и даже зубамъ... ополченцы ударили въ топоры...

То наши пробивались впередъ, и Карповъ слышалъ изъ блиндажа приближающіяся крики ура; то снова они удалялись и замолкали (это было, по всей вѣроятности, отбитіе Панфировой батареи Прагскимъ полкомъ, подъ командой полковника Фрейнда, раненнаго при этомъ въ обѣ руки). Вдругъ блиндажъ загорѣлся; Карповъ выскочилъ и ту же минуту былъ схваченъ шестерыми французскими солдатами, руки назадъ и за шиворотъ. Одинъ замахнулся на него штуцернымъ тесакомъ (sabre-baïonette). Карповъ молча опустилъ голову, но кто-то закричалъ, и солдаты выпустили его, а къ нему подошли двое офицеровъ и объявили, что онъ плѣнный [1]).

---

[1]) Послѣдуемъ за Карповымъ на Камчатскій редутъ, куда послали его, въ сопровожденіи одного солдата.

Проходя отъ своего блиндажа по направленію къ батареѣ Панфирова, подлѣ траверсовъ, ближайшихъ къ башнѣ, Карповъ замѣтилъ, что вокругъ лежитъ болѣе убитыхъ Французовъ, нежели Русскихъ. Только подлѣ орудій лежали одни Русскіе, рядами, а Французовъ тамъ почти не было.

Миновавъ батарею Панфирова, Карповъ пошелъ, по указанію солдата, мимо траншей, полемъ, и видѣлъ, какъ наша картечь поражала Французовъ, скрытыхъ въ траншеяхъ. Картечь, какъ замѣтно, ложилась со 2-го бастіона и съ пароходовъ, подошедшихъ къ Киленбалкѣ

Бой кипѣлъ кругомъ. Въ одно время съ занятіемъ Малахова, Французы бросились на батарею Жерве (кажется 1-й и 3-й зуавскіе полки и гвардейскій стрѣлковый батальонъ), оттѣс-

---

Близъ Камчатскаго редута Карповъ встрѣтилъ 4-хъ Русскихъ офицеровъ, которыхъ вели туда-же. Всѣ они вмѣстѣ прибыли на Камчатскій редутъ и были представлены главнокомандующему. Онъ спросилъ, офицеры-ли, и велѣлъ имъ дать отдохнуть. Ординарцы его предложили имъ вина и сигаръ. Въ эту минуту, какъ замѣтили наши, на Камчатскомъ редутѣ не оказалось снарядовъ: все было выстрѣляно. Бой сильно кипѣлъ еще на всѣхъ линіяхъ. Городъ и верки были въ дыму, и Французы, посматривая на часы, говорили: «вотъ ужь 5-й часъ, а все нѣтъ конца!» — Когда какой-то запыхавшійся офицеръ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что отбитъ 2-й бастіонъ, — кто-то изъ штабъ-офицеровъ замѣтилъ: «Русскіе скоро выгонятъ насъ и отсюда!» Нѣкоторые говорили, что на Малаховомъ держится еще одна часть укрѣпленій, и наши поняли изъ описанія, что это башня.

Отдохнувши, плѣнные пошли дальше, въ сопровожденіи четырехъ Французовъ; спустились въ Доковый оврагъ и увидѣли направо, противъ 3-го бастіона, лежащія колонны Арабовъ, отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человѣкъ. Вдругъ въ середину ихъ упала бомба и разорвалась. Одна колонна разбѣжалась въ разныя стороны и потомъ уже не собиралась.

Плѣнныхъ повели Доковой балкой, мимо Англійскаго перевязочнаго пункта, гдѣ къ нимъ стали тѣсниться кучки Англичанъ, не совсѣмъ дружелюбно, такъ что Французы должны были ихъ отгонять.

Потомъ наши поднялись на гору, мимо какой-то батареи, и подошли къ Киленбалкѣ, противъ Микрюкова хутора, который былъ весь разоренъ. На хуторѣ находился Французскій перевязочный пунктъ, и туда собирались всѣ Французы, раненные въ Корабельной. Наши ядра летѣли на хуторъ, рикошетируя черезъ бугоръ.

Затѣмъ плѣнные повернули Киленбалкой вправо, мимо Англійскаго лагеря, и пришли въ лагерь Боске. Было часовъ 6. Плѣнныхъ принялъ адъютантъ Боске, капитанъ Дампьеръ, приказалъ дать имъ обѣдать и обошелся съ ними самымъ учтивымъ образомъ. Они нашли тамъ еще 18 человѣкъ русскихъ офицеровъ, а вскорѣ привели туда-же лейтенанта Панфирова и поручика Орду. Кромѣ того постоянно приводили нашихъ солдатъ и матросовъ, взятыхъ въ Корабельной и на Южной.

28-го, утромъ, всѣхъ плѣнныхъ, собравшихся у Боске, отправили, въ сопровожденіи жандармовъ, въ Главную квартиру французской арміи, гдѣ они пробыли до 29-го.

нили егерей В. К. Михаила Николаевича и стали заклепывать орудія. Командиръ полка, полковникъ Китаевъ, былъ раненъ, и кромѣ того перебито много офицеровъ. Команду принялъ штабсъ-капитанъ князь Гингляттъ. Онъ привелъ въ порядокъ отступившіе батальоны и молодецки сбросилъ непріятеля въ ровъ.

На 3-й бастіонъ ударили Англичане.

Начальникъ отдѣленія Перелешинъ, обойдя всю линію своихъ верковъ, воротился, въ половинѣ 12-го, въ свой блиндажъ, и найдя тамъ полковника Мезенцова, завелъ съ нимъ разговоръ о разныхъ разностяхъ... вдругъ вбѣжалъ сигнальщикъ съ словами: «штурмъ! Французы!»

Перелешинъ, подпоясавъ живо саблю и схватя въ лѣвую руку трубу, а въ правую револьверъ, бросился къ блиндажу генерала Павлова (откуда открывался Малаховъ и Камчатка) и увидѣлъ, что Французы бѣгутъ въ большихъ массахъ къ кургану... Спустя нѣсколько мгновеній на немъ явился трехцвѣтный флагъ, потомъ упалъ опять... бѣжавшія массы остановились, колебались немного — и снова ринулись впередъ... на курганѣ явилось два флага.

Въ эту минуту Перелешину сказали, что непріятель атакуетъ и его отдѣленіе (видѣть атаки, за множествомъ траверсовъ и валовъ, было не возможно).

Перелешинъ, взявъ своего ординарца, матроса Зарубина, побѣжалъ на 3-й бастіонъ и тотчасъ встрѣтилъ нѣсколько солдатъ Владимірскаго полка, отступавшихъ съ бастіона къ батареѣ Усова. «Куда вы?» спросилъ онъ ихъ. — Сдѣлано такое распоряженіе, — отвѣчали солдаты. «Какое распоря-

---

29-го, въ половинѣ дня, послали ихъ въ Камышъ и оттуда перевезли на корабль Шарлемань, который отвезъ ихъ въ Константинополь.

женіе — пошли впередъ!» крикнулъ Перелешинъ, но все было напрасно: солдаты не слушались и уходили. Бросивъ ихъ, Перелешинъ прибѣжалъ на правую сторону 3-го бастіона и подлѣ первыхъ траверсовъ увидѣлъ еще кучку Владимірскихъ солдатъ, которые стрѣляли впередъ. Ничего нельзя было за ними видѣть, но не оставалось никакого сомнѣнія, что непріятель ворвался въ бастіонъ и находится очень близко. Пули свистали и наши солдаты падали... протѣснясь сквозь толпу, Перелешинъ дѣйствительно увидѣлъ Англичанъ, шагахъ въ 15-ти, много 20-ти, и крикнулъ своимъ: «ребята, впередъ!» но никто не тронулся ни шагу. Тогда Перелешинъ, надѣясь увлечь солдатъ своимъ примѣромъ, бросился впередъ, за нимъ послѣдовалъ его ординарецъ, матросъ Зарубинъ и еще одинъ солдатъ изъ кучки, но вся кучка осталась безъ движенія. Одинъ англійскій солдатъ прицѣлился въ Перелешина почти въ упоръ, но тотъ навелъ на него револьверъ и вѣроятно сконфузилъ: англійская пуля оторвала у храбраго капитана только два пальца на лѣвой рукѣ, въ которой онъ держалъ трубу. Едва почувствовавъ, что онъ раненъ, Перелешинъ уставилъ спокойно револьверъ въ Англичанина, цѣлилъ долго, но также промахнулся... Потомъ, показывая солдатамъ свою разбитую руку, онъ звалъ ихъ снова впередъ, и все-таки никто не двинулся. Тогда Перелешинъ зашелъ за одинъ траверсъ, направо, вмѣстѣ съ ординарцемъ и солдатомъ, и перевязалъ наскоро галстукомъ руку. Англичане подошли въ это время ближе и нѣсколько изъ нихъ очутилось за тѣмъ самымъ траверсомъ, за которымъ, съ другой стороны, стоялъ Перелешинъ. Взглянувъ наискось, онъ увидѣлъ красные мундиры, которыхъ каждое мгновеніе прибывало больше и больше. Покамѣстъ Перелешинъ перевязывалъ себѣ руку, бывшіе при немъ матросъ и солдатъ, затѣяли перекидываться съ непріятелемъ черезъ траверсъ камнями, но оттуда камней летѣло несравненно боль-

ше. Наши принуждены были выйдти изъ-за траверса. Перелешинъ, протѣснившись опять сквозь кучку Владимірцевъ, которые все стояли на томъ же мѣстѣ и стрѣляли, спустился влѣво горжевымъ рвомъ и увидѣлъ новую кучку Владимірскихъ солдатъ, сидѣвшихъ во рву, подъ защитою вала. Съ ними были и офицеры. Перелешинъ сталъ ихъ усовѣщивать и всячески понукать, чтобы они шли на выручку товарищей. Была-ли это другая кучка, или другая минута, только солдаты вскочили и полѣзли прямо на валъ — все мгновенно измѣнилось, и эта храбрая кучка, вѣроятно сейчасъ же погибшая за валомъ, одушевила всѣхъ и положила начало спасенію бастіона [1]).

Но въ этотъ удивительный мигъ, въ этотъ критическій переломъ битвы, я долженъ воротиться минутъ за 10 назадъ, на батарею Никонова, гдѣ подъ особымъ навѣсомъ только-что сѣло обѣдать нѣсколько офицеровъ Камчатскаго полка.

Стòитъ описать оригинальный навѣсъ храбрыхъ защитниковъ 3-го бастіона. Мы отдохнемъ хотя на минуту подъ этимъ навѣсомъ отъ кровавыхъ впечатлѣній.

Навѣсъ капитана Никонова былъ сгороженъ изъ досокъ и покрытъ слоемъ фашиннику для защиты отъ пуль. Онъ имѣлъ аршинъ 5 въ длину и аршина 4 въ ширину, и примыкалъ одной стороной къ валу, двумя къ блиндажамъ, а четвертая выходила внутрь батареи. Около этой послѣдней стороны, въ предохраненіе отъ осколковъ и отъ чего случится, поставлены

---

[1]) Перелешинъ, двинувъ черезъ валъ Владимірцевъ, пошелъ къ генералу Павлову просить, чтобъ поддержали этотъ натискъ, какъ увидѣлъ, что Селенгинцы уже идутъ... Чувствуя сильную слабость отъ истеченія крови, Перелешинъ уже не могъ воротиться на бастіонъ, а отправился прямо къ Павлову, доложилъ ему обо всемъ случившемся и сдавъ отдѣленіе капитану 1-го ранга Никонову, спустился къ Южной бухтѣ, берегомъ, мимо Александровскихъ казармъ, и дойдя до артиллерійскихъ складовъ, сѣлъ въ лодку и переѣхалъ на ближайшій пароходъ Бессарабію.

были въ одинъ рядъ туры, насыпанные землей, и кому-то вздумалось посадить туда георгины. Что̀ значитъ георгинъ во всякомъ другомъ мѣстѣ! онъ сталъ давно довольно-пошлымъ цвѣткомъ, но тамъ, на бастіонѣ, эти вещи получали совсѣмъ иное значеніе. Кругомъ закоптѣлыя лица, дымъ, выстрѣлы, разрушеніе и смерть — и тутъ же взглядъ встрѣчаетъ живой цвѣтокъ, смѣло простирающій въ воздухъ свои тонкіе, изящные стебли... на ту пору эти многоцѣнные стебли были въ полномъ цвѣту. За такой оригинальной оградой виднѣлось два стола, одинъ простой, для обѣда, а другой ломберный, для игры въ карты, и нѣсколько длинныхъ скамеекъ. Играли бо̀льшею частію въ ералашъ [1]). Кромѣ того, подъ тѣмъ же навѣсомъ, умывались, писали приказы и раздавали жалованье. Словомъ, это былъ очень важный пунктъ всего участка. Разумѣется, досчатая крыша не могла защитить отъ бомбы, или ядра; она плохо защищала и отъ пули. Однажды пуля, пробивъ доски, упала прямо на ломберный столъ, когда офицеры играли въ карты. Всѣ захохотали, а пуля пошла за марку. Въ другой разъ доложили офицерамъ, что бомба съѣла ихъ жаркое. Впрочемъ, въ это время на бомбы приносилось

---

[1]) Здѣсь можно кстати упомянуть, что у непріятелей замѣчены были свои развлеченія. Всякое воскресенье, послѣ 4-хъ часовъ, на бугрѣ, между главнымъ англійскимъ лагеремъ и редутомъ Викторія, собиралась большая толпа народу, болѣе тысячи человѣкъ, снимали мундиры и играли въ чихарду. Наши вздумали однажды послать имъ съ 3-го бастіона «мячикъ» — 5-ти пудовую бомбу, но такъ-какъ разстояніе было очень велико (болѣе 4-хъ верстъ) то и зарядили мортиру, вмѣсто 10-ти фунтовъ, 12-ю фунтами пороху, на авось: разорветъ, такъ разорветъ, а можетъ и долетитъ. Бомба хлопнулась прямо въ народъ: кто прилегъ, кто побѣжалъ; а когда ее разорвало, чихарда пошла опять своимъ порядкомъ. Мы послали еще «мячикъ», — та-же исторія! Съ этихъ поръ (съ половины іюля) всякое воскресенье посылали играющимъ пару «мячиковъ», но только пару, чтобы показать, что мы видимъ ихъ потѣхи, могли-бы помѣшать, но не мѣшаемъ.

много и несправедливыхъ жалобъ. Больше ничего не случилось подъ этимъ счастливымъ навѣсомъ, который былъ устроенъ моряками и сталъ называться «Морскимъ», съ того времени, какъ неподалеку отъ него явился другой навѣсъ, поставленный офицерами Камчатскаго полка и названный «Сухопутнымъ».

Сухопутный былъ менѣе счастливъ. Однажды, именно 6-го августа, ударила въ него бомба, пронесла крышу и разбила столъ, за которымъ играли въ карты: прапорщикъ Пётровскій, штабсъ-капитанъ Михайловскій, капитанъ Вто́ровъ, поручикъ Дмуховскій, подпоручикъ По́пель и прапорщикъ Дымо́вскій. Когда раздался взрывъ, на мѣстѣ навѣса явилась куча мусору и досокъ. Деньщикъ Пётровскаго подбѣжалъ къ начальнику участка, подполковнику Артемьеву, упалъ на колѣни и закричалъ: «ваше высокоблагородіе, спасите барина!» Артемьевъ, игравшій подъ Морскимъ шалашомъ, бросился къ Сухопутному навѣсу, или, лучше сказать, къ мѣсту, гдѣ былъ навѣсъ за минуту передъ тѣмъ; велѣлъ разбросать землю и доски, и вытащить оттуда офицеровъ. Первый показался Дымо́вскій, жестоко израненный: ему оторвало правую ногу выше колѣна и правую руку выше локтя, наискось, такъ-что, какимъ-то страннымъ случаемъ, уцѣлѣлъ большой палецъ. Дымо́вскій былъ въ полномъ присутствіи духа и говорилъ какъ здоровый. Онъ вынулъ лѣвой рукой саблю и сказалъ горько: «не случилось тебѣ больше послужить!» и съ этими словами взмахнулъ ею и отсѣкъ себѣ оставшійся на правой рукѣ палецъ.

Другіе офицеры, засыпанные обломками навѣса, были также переранены, только легче, и выздоровѣли всѣ до одного.

И съ этой минуты не стало «Сухопутнаго» шалаша; жилъ и дышалъ только одинъ «Морской» со своими георгинами, и отслужилъ службу до конца.

Подъ нимъ-то собрались было офицеры пообѣдать, (а объ-

дали они хорошо, это можно заключить отчасти изъ того, что покойница Прасковья Ивановна любила этотъ участокъ, въ часъ обѣда, больше всѣхъ).

За обѣдъ сѣли: капитанъ 1-го ранга Никоновъ, подполковникъ Артемьевъ, поручикъ Ивановъ, прапорщикъ Олендзскій, лейтенантъ Саковичь и мичманъ Штевенъ.

Подали щи, и лишь только были опустошены нѣкоторыя тарелки, какъ вдругъ вбѣжалъ флейщикъ Камчатскаго полка, съ словами: «Малаховъ взятъ! У непріятеля вѣтрянка ходитъ!» [1])

Всѣ вскочили и бросились къ своимъ постамъ.

Подполковникъ Артемьевъ, подпоясывая саблю, послалъ своего ординарца унтеръ-офицера Христенку за первой ротой Камчатскаго полка (которую онъ снялъ съ банкета въ 11 часовъ ночи, о чемъ сказано выше), а самъ побѣжалъ на 3-й бастіонъ и дорогой узналъ, что убитъ полковникъ Мезенцовъ [2]), упредившій Артемьева въ появленіи на бастіонѣ какой-нибудь минутой.

Камчатская рота явилась тутъ же. Это было то счастливое мгновеніе, когда Владимірцы, возбужденные Перелешинымъ, перескочили черезъ валъ; ихъ было очень мало; имъ нужна была помощь — и съ этой-то помощью, (которая важна только въ извѣстное мгновеніе) подоспѣлъ лихой и распорядительный Артемьевъ. Велѣвъ ударить наступленіе, онъ крикнулъ: «съ Богомъ, ребята, въ штыки!» Всѣ кинулись; къ Камчатской ротѣ и бившимся уже впереди Владимірцамъ присоединились и тѣ, которые перестрѣливались съ непріятелемъ съ самаго начала, на правой сторонѣ бастіона; — завязался рукопашный бой... одинъ англійскій солдатъ выстрѣлилъ въ Артемьева

---

[1]) Онъ принялъ это за сигналъ.

[2]) Двумя пулями въ грудь. Портретъ его въ Художествен. Листкѣ 1857, № 12.

въ 10-ти шагахъ, но пуля скользнула по лѣвому плечу, не тронувъ кости. Этого солдата Владимірцы подняли на штыки. Юнкеръ Филиповъ, увидавъ, что Артемьевъ раненъ, подбѣжалъ и наскоро перевязалъ ему руку своимъ шейнымъ платкомъ. Артемьевъ снова явился передъ солдатами. Они бились, какъ только можно было биться въ такой тѣснотѣ и при такихъ малыхъ силахъ... минута была роковая... ряды нашихъ пустѣли больше и больше... Англичанъ прибывало, и нѣкоторые уже сидѣли на орудіяхъ и заклепывали ихъ... Еще нѣсколько мгновеній — и прощай 3-й бастіонъ! но въ эту роковую минуту явилось отъ Люблинской стѣнки 3 роты Селенгинцевъ и тогда только наши почувствовали возможность ударить въ штыки — ринулись и мигомъ опрокинули непріятеля въ ровъ.

При этомъ натискѣ взято полтораста человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ одинъ раненный полковникъ [1]) и нѣсколько офицеровъ.

Попавъ снова подъ ружейный и артиллерійскій огонь, Англичане отступили въ безпорядкѣ къ своимъ траншеямъ.

Подполковникъ Артемьевъ, поднявшись на валъ, распоряжался войсками до тѣхъ поръ, пока непріятель не оставилъ своихъ покушеній на 3-й бастіонъ [2]).

Было около половины втораго, когда Артемьевъ явился въ блиндажъ генерала Павлова и доложилъ ему объ отбитіи штурма, прося позволенія итти съ Камчатскимъ и Селенгин-

---

[1]) По фамиліи Гаммондъ. У него было 9 штыковыхъ ранъ, одна изъ нихъ по черепу.

[2]) «Траншеи были до того завалены тѣлами. говоритъ генералъ Симпсонъ въ депешѣ своей отъ 28 августа (9 сентября), что я не могъ предпринять вторичной атаки, въ которую готовились-было Горцы (highlanders), подъ командой сэра Колинъ-Кемпбеля, уже сформировавшаго свои резервы, кои должна была поддержать 3-я дивизія генерала сэра Вильяма Эйра».

скимъ полкомъ на помощь Малахову кургану, отъ батареи Жерве, съ которой непріятель былъ уже сброшенъ.

Павловъ не согласился. «Лучше перевяжите свою рану!» сказалъ онъ Артемьеву.

Поручикъ Ивановъ, съ деньщикомъ, приступили къ перевязкѣ, схвативъ съ неубраннаго стола прованское масло. Въ 4 часа была сдѣлана другая надлежащая перевязка вольнымъ фельдшеромъ Титомъ Степановымъ [1]), который служилъ на 3-мъ отдѣленіи по своей охотѣ. Артемьемъ, придя къ нему и увидя тамъ англійскаго полковника, просилъ Тита Степанова перевязать напередъ полковника, а потомъ ужь его, такъ-какъ тотъ и чиномъ, и ранами старше, да къ тому же и гость; но Титъ Степановъ не согласился, отшучиваясь и говоря, что свой во всякомъ чинѣ нужнѣе, особенно такой, какъ онъ [1]),

---

[1]) Титъ Степановъ Сапожниковъ, Петербургскій 2-й гильдіи купецъ, прибылъ въ Севастополь въ половинѣ іюля, 1855, и просилъ назначить его на какой-либо изъ бастіоновъ, въ должность фельдшера, причемъ представилъ медицинское свидѣтельство, что онъ можетъ исправлять эту обязанность. Его послали на 3-е отдѣленіе, гдѣ онъ и оставался до послѣдняго дня, являясь немедля всюду, гдѣ только нужна была его помощь. Онъ перевязывалъ раненныхъ подъ самымъ сильнымъ огнемъ. 24-го августа былъ контуженъ камнемъ въ правое плечо, а 27-го раненъ осколкомъ бомбы въ лѣвую ногу, но впослѣдствіи выздоровѣлъ совершенно и нынѣ живетъ опять съ родными въ Петербургѣ. Онъ имѣетъ солдатскій георгіевскій крестъ и три медали: Севастопольскую, за компанію и особую, за храбрость.

[2]) Титъ Степановъ въ особенности любилъ Артемьева, и всякій разъ, послѣ сильной перестрѣлки, взрыва, или чего-нибудь такого, спрашивалъ прежде всего объ немъ: Василій Дмитричь живъ? — Живъ! — Ну, слава Богу!

Артемьева любили также и солдаты, какъ добраго, попечительнаго, расторопнаго и смѣлаго начальника.

Вотъ одинъ изъ тысячи случаевъ, доказывающій эту беззатѣйную, трогательную привязанность простаго человѣка.

Артемьевъ стоялъ за траверсомъ. Вдругъ по ту сторону упала бомба. Одинъ солдатъ, находившійся подлѣ него, заслонилъ собою своего командира,

и все-таки перевязалъ прежде подполковника, а потомъ полковника. Англичанинъ оправился скоро, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

На лѣвомъ фасѣ 3-го отдѣленія войска наши (полки Суздальскій, подъ командой полковника Дарагана и Якутскій, подъ командой полковника Велька) отразили Англичанъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, и здѣсь непріятель не могъ проникнуть въ наши ретраншаменты.

То же самое было и на штурмовыхъ батареяхъ [1]), исключая двухъ: Артюхова и Потемкина, гдѣ Англичане вскочили на брустверъ и поваляли станки у орудій, но тутъ же опрокинуты за валъ Минско-Волынскимъ батальономъ и Камчатскимъ полкомъ.

Опять загремѣлъ освобожденный бастіонъ и загремѣлъ еще громче.

Лейтенантъ Прокофьевъ [2]) повернулъ свои орудія на Малаховъ и началъ стрѣлять, выпуская послѣдніе заряды. Говорятъ, одна изъ его гранатъ взорвала пороховой погребъ, влѣво отъ кургана (что былъ взрывъ, это вѣрно). Французы бросились оттуда толпами, такъ-что генералъ Макъ-Магонъ насилу ихъ воротилъ.

и пригнувъ осторожно его голову къ самой стѣнкѣ, наложилъ на нее ладонь — и такъ замеръ. Когда бомба разорвалась и осколки пронеслись мимо, солдатъ пустилъ руку, взглянулъ въ лицо Артемьеву и спросилъ самымъ простодушнымъ тономъ, какъ-бы нянька у дитяти: «живъ»?

Въ Севастополѣ случалось не разъ, что солдаты и матросы, кучами, мгновенно, кидались заслонить собою любимаго начальника. Одинъ сказывалъ мнѣ, что его повалили четверо солдатъ и легли на него, въ ту минуту, когда подлѣ должна была разорваться бомба.

[1]) Такъ назывались батареи по правую руку отъ 3-го бастіона.

[2]) Командиръ самой крайней батареи 3-го отдѣленія, надъ Доковой балкой, противъ батареи Жерве, которая была по ту сторону балки.

Этотъ взрывъ, съ нѣсколькими послѣдующими, произвелъ то дѣйствіе, что непріятель не рѣшился насъ преслѣдовать, опасаясь встрѣтить всюду мины и фугасы, которыхъ, собственно, почти не было. Войскà порывались, но Пелиссье не пустилъ.

Совершенно въ одно время съ описанными атаками, дивизія генерала Дюлака двинулась на 2-й бастіонъ, и быстро оттѣснила нашихъ...

Генералъ Сабашинскій (начальникъ войскъ 5-го отдѣленія) говорилъ въ это время съ капитаномъ Генеральнаго штаба Черняевымъ, присланнымъ къ нему отъ Хрулева съ предложеніемъ, не смѣнить ли 8-ю дивизію 4-й, чтобы дать той отдохнуть.

«Ни за что не разстанусь съ 8-й дивизіей, сказалъ Сабашинскій, особенно въ такое время; если ее возьмутъ, я уйду самъ!»

Въ эту минуту доложили, что поданъ обѣдъ (вотъ другой обѣдъ, нисколько не помѣшавшій дѣлу).

«Давайте лучше закусимъ!» сказалъ генералъ Черняеву... вдругъ на 2-мъ бастіонѣ ударили тревогу.

1-й батальонъ Забалканскаго полка, подъ командой полковника Нейдгардта [1]), бросился впередъ, на помощь Олонецкому полку, расположенному по стѣнкѣ, отъ Рогатки до 2-го бастіона, а генералъ Сабашинскій, взявъ весь Кременчугскій полкъ, состоявшій подъ командой майора Вакгаузена (который тутъ же раненъ пулей въ ногу); 2 батальона Бѣлозерскаго полка, подъ командой майора Ярошевича (также раненъ, въ 2 часа, но остался до конца на своемъ мѣстѣ) и одинъ баталь-

---

[1]) Пропалъ безъ вѣсти.

онъ Забалканцевъ, пошелъ мимо стѣнки отъ 1-го бастіона ко 2-му, въ колоннахъ къ атакѣ, съ барабаннымъ боемъ [1]).

Французы уже хозяйничали на бастіонѣ, но увидя приближеніе нашихъ резервовъ, поспѣшно заклепали орудія и отступили, оставивъ въ нашихъ рукахъ 29 штабъ и оберъ-офицеровъ [2]) и потерявъ убитыми и раненными около полутораста человѣкъ.

Генералъ Сабашинскій тотчасъ разсыпалъ стрѣлковъ по банкетамъ, въ 6 шеренгъ, и велѣлъ имъ открыть усиленный ружейный огонь, при двухъ небольшихъ мортирахъ, оставщихся незаклепанными. Кромѣ того ему содѣйствовала 3-хъ (2-хъ) орудійная Лабораторная батарея.

Французы, отойдя шаговъ 200, построились опять, и бросились снова на бастіонъ, пользуясь лѣстницами, оставленными во рву послѣ перваго нападенія, и едва не вскочили на валъ.

У нихъ убитъ при этомъ генералъ Сенъ-Поль, командиръ 1-й бригады дивизіи Дюлака, и тяжело раненъ генералъ Биссонъ, командиръ 2-й бригады той же дивизіи.

Французы предпринимали послѣ этого еще 4 атаки, но всѣ разы отбиты Сабашинскимъ.

Во всѣ эти стычки оказалъ необыкновенную расторопность прапорщикъ Черноглазовъ, 48-й дружины Курскаго ополченія, ходившій болѣе восьми разъ, со своей командой, за патронами, подъ самымъ сильнымъ огнемъ.

Сабашинскому, при отбитіи атакъ, значительно помогали

---

[1]) Немного позже, часа въ 2, явился къ нему съ Лабораторной батареи одинъ батальонъ Полтавскаго полка, подъ командой подполковника Грушки.

[2]) Въ томъ числѣ полковника Дюпюи, командира 57-го линейнаго полка, и подполковника Маньяна, начальника штаба 4-й дивизіи 2-го корпуса.

пароходы [1]), подошедшіе къ Киленбалкѣ: Херсонесъ, прибывшій прежде всѣхъ, и потомъ Владиміръ и Одесса.

Часа въ 3, со стороны Камчатскаго редута, показалось 6 новыхъ колоннъ. Это была резервная бригада Маролля.

Спустившись въ ровъ передъ Малаховымъ курганомъ, они прошли сзади оборонительной стѣнки, достигли 2-го бастіона и кинулись на валы.

Одинъ зуавскій офицеръ, красивый молодой человѣкъ, въ свѣжемъ, блестящемъ мундирѣ, съ саблей на темлякѣ, держа въ одной рукѣ пистолетъ, а въ другой камень, вскочилъ на брустверъ, и за нимъ «4 бородача-зуава» съ ружьями и камнями въ рукахъ. Офицеръ, явясь на брустверъ, выстрѣлилъ въ генерала Сабашинскаго, почти въ упоръ, но не попалъ, и потомъ бросилъ камнемъ; зуавы также кинули въ нашихъ камнями, но тутъ же всѣ пятеро повалились, пробитые пулями нашихъ солдатъ, которые подошли къ нимъ очень близко и выстрѣлили совершенно спокойно, какъ въ мишень. Офицеръ и два солдата упали внутрь бастіона, а два другіе скатились въ ровъ.

Генералъ Сабашинскій скомандовалъ людямъ: «на валы!» и велѣлъ стрѣлять въ непріятеля, уже толпившагося во рву, и бросать туда чѣмъ попало: ядрами, гранатами, камнями и осколками. Минутъ 5 продолжалась эта странная битва — Французы не выдержали, выскочили изо рва и бросились бѣжать полемъ, подвергаясь нашему огню. Немногіе достигли

---

[1]) Диспозиція пароходамъ въ день штурма дана была слѣдующая: Одессѣ, Херсонесу и Владиміру итти къ Киленбалкѣ, для обстрѣливанія ея и Забалканской батареи. Крымъ и Эльборусъ должны были стать противъ Ушаковой балки, для дѣйствія по непріятелю, еслибы онъ прорвался сквозь линію нашихъ верковъ, между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ. Громоносецъ и Бессарабія должны были помѣститься въ Южной бухтѣ, для дѣйствія по непріятелю, еслибы онъ явился у Малаго моста.

во его ближайшаго плацдарма, бывшаго оттуда въ 41-й сажени. Все легло «какъ красный макъ». Генералъ Сабашинскій говорилъ, что «съ тѣхъ поръ, какъ живетъ, не видывалъ ничего подобнаго».

Въ этой стычкѣ Французы потеряли своего главнаго начальника генерала Маролля, который, въ минуту свалки, пропалъ неизвѣстно куда, и найденъ уже на другой день, утромъ, во рву передъ 2-мъ бастіономъ, покрытый множествомъ глубокихъ ранъ. Другой генералъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, какъ его называли Французы, — Понтеве́, также раненъ смертельно.

Послѣ этого пораженія непріятель уже не возобновлялъ атаки на 2-й бастіонъ.

На 1-й бастіонъ вовсе не было нападенія.

—

Дивизія де-Ламоттъ-Ружа бросилась изъ центра 6-й паралели на куртину, въ одно время съ движеніемъ Дюлака на 2-й бастіонъ.

Ей должно пробѣжать довольно большое пространство.

Войска̀ двинулись на куртину массой и тотчасъ овладѣли батареей Генриха, и заклепавъ орудія, прорвались за вторую линію. Отважный 11-й полкъ, съ полковникомъ Шаброномъ, достигъ Корабельной...

На Павловскомъ мыскѣ ударили тревогу.

Генералъ Хрулевъ былъ тогда въ одномъ изъ казематовъ Павловской батареи, вмѣстѣ со своими ординарцами и генералами Лысенкой и Рененкампфомъ. Они готовились обѣдать. Хрулевъ первый увидалъ штурмъ, вбѣжалъ въ столовую и сказалъ: «штурмъ! на коней!» Всѣ бросились...

Въ улицахъ Корабельной стояла тогда егерская бригада 4-й дивизіи. Хрулевъ собралъ ее и повелъ на Малаховъ. Наши встрѣтили Французовъ въ Слободкѣ, погнали ихъ въ штыки (это былъ 11-й полкъ Шаброна) и гнали вплоть до Рогатки, переколовъ человѣкъ 300. Хрулевъ, замѣтивъ отступленіе нашихъ отъ Малахова, послалъ, еще находясь въ Корабельной, ординарца своего ротмистра Макарова сказать генералу Лысенкѣ, чтобы онъ шелъ съ резервами отбивать курганъ Макаровъ поскакалъ. Хрулевъ продолжалъ движеніе и отразивъ непріятелей къ 1-й нашей линіи (къ Рогаткѣ), самъ съ бригадой остановился у 2-й, влѣво отъ Малахова, и велѣлъ начать перестрѣлку. Вскорѣ открыла огонь на томъ же пунктѣ легкая батарея графа Тышкевича [1]). Потомъ явился батальонъ Сѣв-

[1]) Въ послѣдствіи явилась передъ Малаховымъ 4-я легкая батарея 17-й артил. бригады, подъ командой капитана Глазенапа. Она пострадала жескоко. Командиръ и 4 офицера были убиты. Послѣднему офицеру, прапорщику Романовичу, пуля прошла сквозь шею; онъ выбылъ изъ строя, но остался живъ. Прислуга была также почти вся перебита. Потерявъ своихъ офицеровъ, уцѣлѣвшіе солдаты не упали духомъ. Командовалъ старшій унтеръ-офицеръ. Видя, что лошадей не стало и батарея подвергается опасности достаться непріятелю, онъ послалъ верховаго за лошадьми въ обозъ на Сѣверную (верстъ 6 въ одинъ конецъ). Лошадей привели и орудія были выручены, но людей, изъ 70-ти человѣкъ слишкомъ, воротилось только 20.

Кромѣ этой батареи дѣйствовало еще нѣсколько легкихъ батарей въ разныхъ пунктахъ, но я не имѣлъ случая узнать объ нихъ обстоятельно. Вотъ нѣкоторыя подробности о движеніи батареи графа Тышкевича. Прежде всего должно замѣтить, что 4 орудія его батареи оставались во всѣ дни послѣдней бомбардировки на прежнемъ мѣстѣ, за стѣнкой, вправо отъ Генриховой батареи (гдѣ стала вся 5-я батарея 11-й бригады послѣ 27-го мая, о чемъ уже сказано), а 4 отправлены генераломъ Хрулевымъ въ паркъ, за Аполлонову балку, для сохраненія людей и лошадей. Съ этими-то послѣдними 4-мя орудіями, Тышкевичь, по тревогѣ на Павловскомъ мыскѣ, двинулся лѣвымъ берегомъ Аполлоновой балки и потомъ, мимо Ушаковой балки, къ Генриховой батареѣ, съ намѣреніемъ соединиться съ тѣми своими орудіями, кои стояли у стѣнки. Но поравнявшись съ Ушаковой балкой, Тышкевичь увидѣлъ, что наши сбиты съ первой линіи и бѣгутъ, разсѣявшись, за вторую, а Фран-

скаго полка, подъ командой майора Львова. Сѣвцы нѣсколько разъ покушались перебѣжать пространство, отдѣлявшее ихъ отъ 1-й линіи, дабы вскочить на Малаховъ съ того угла, откуда вскочили Французы, но это оказалось не возможнымъ по причинѣ перекрестнаго огня съ лѣваго фаса кургана и съ 1-й линіи, изъ-за Рогатки. Сѣвцы ложились рядами...

Въ это время Хрулеву дали знать, что генералъ Лысенко, двинувшій къ Горжѣ охотниковъ Елецкаго (?) полка, смертельно раненъ. Хрулевъ поскакалъ къ Малахову и найдя передъ нимъ часть 9-й дивизіи, слѣзъ съ лошади и повелъ солдатъ 6-ти-ряднымъ строемъ, ибо иначе было нельзя: проходъ, оставленный въ Горжѣ, имѣлъ неболѣе 3-хъ саженъ въ ширину [1]). Все это мѣсто было завалено трупами. Брустверъ за рвомъ усѣянъ алжирскими стрѣлками, которые, стрѣляя, можно сказать, выбирали на выборъ.

цузы наступаютъ, стрѣляя изъ ружей на-ходу. Генрихова батарея была уже ими захвачена, а равно и 4 орудія Тышкевича, находившіяся за стѣнкой. Когда же отступавшіе солдаты замѣтили стройноподвигавшуюся батарею, мгновенно оправились и окруживъ орудія, тронулись рядомъ съ ними впередъ. Французы остановились и потомъ начали отступать за первую линію, гдѣ и засѣли, а наши, преслѣдуя ихъ, засѣли по сю сторону стѣнки и такъ оставались довольно долго, едвали не до вечера, раздѣляемые другъ отъ друга толщиною бруствера. Всякій, отбѣжавшій туда или сюда, непремѣнно погибалъ. Иные смѣльчаки подымались и стрѣляли въ противника въ упоръ, сверху черезъ валъ.

4 орудія Тышкевича построились первоначально противъ Генриховой батареи, гдѣ простояли около получаса, а потомъ, по приказанію Хрулева, соединились съ другими 4-мя орудіями той-же батареи, кои Тышкевичъ нашелъ не заклепанными и открылъ огонь изъ всѣхъ восьми.

[1]) Этотъ-то проходъ обыкновенно и называли *Горжей*. Собственно «горжей» называется задняя часть укрѣпленія, откуда входятъ. Севастополь вообще отличался неточностію какъ въ фортификаціонныхъ названіяхъ, такъ и во многомъ другомъ, что̀ однако-же нисколько не мѣшало дѣлу. — Ровъ направо и налѣво отъ Горжи былъ глубиною сажени 3, а брустверъ за рвомъ имѣлъ въ вышину $2^1/_2$ сажени, и въ толщину 2 сажени.

Хрулевъ шелъ впереди всѣхъ; едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ (до Горжи оставалось сажень 10) какъ пуля оторвала ему палецъ на лѣвой рукѣ; зажавъ рану, онъ прошелъ еще, какъ вдругъ былъ контуженъ въ голову гранатой... чувствуя, что не можетъ идти далѣе, генералъ велѣлъ своему ординарцу, штабсъ-капитану Павлову, скакать къ Сабашинскому, чтобы онъ явился принять отъ него команду. Павловъ поскакалъ, но дорóгой сбитъ съ лошади пулей въ лобъ [1]). Хрулевъ, не дождавшись Сабашинскаго и поручивъ командованіе прибывшему съ куртины капитанъ-лейтенанту Ильинскому, сѣлъ на лошадь и поддерживаемый двумя ординарцами, корнетомъ Янковскимъ и юнкеромъ Владыкинымъ, съ двумя жандармами напереди, понесся маршъ-маршемъ на Павловскій мысокъ. На пути ему встрѣтился Вульфертъ, возвращавшійся изъ Главной квартиры, куда былъ посланъ за подкрѣпленіемъ, какъ сказано выше. Хрулевъ остановилъ его словами: «будетъ подкрѣпленіе?» — Азовцы и Одессцы [2]) идутъ уже по мосту, отвѣчалъ Вульфертъ и поскакалъ дальше.

Войскà на Малаховомъ курганѣ, по отбытіи Хрулева, частію разбрелись по домикамъ, разсыпаннымъ вокругъ, частію стояли въ нестройныхъ кучахъ передъ Горжей и не двигались ни туда, ни сюда, какъ обыкновенно бываетъ съ потерявшимся и сконфуженнымъ солдатомъ.

Капитанъ-лейтенантъ Ильинскій сталъ совѣтоваться съ окружавшими его офицерами: флигель-адъютантомъ, ротмистромъ Воейковымъ, ротмистромъ Макаровымъ и капитаномъ Генеральнаго штаба Черняевымъ, — чтò дѣлать? Рѣшили послать къ главнокомандующему и просить войскъ и начальника. Вдругъ, со стороны батареи Жерве, показался генералъ

---

[1]) Умеръ черезъ нѣсколько дней въ Симферополѣ.

[2]) Оставлены на Южной сторонѣ.

Юферовъ. «Вотъ намъ начальникъ! сказали всѣ: ваше превосходительство, примите команду!»

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ онъ грустно, очень разстроенный и страдая отъ полученной незадолго передъ тѣмъ раны. Условились распорядиться такимъ образомъ: Юферовъ, набравъ охотниковъ, двинетъ ихъ съ горжи, а Воейковъ поведетъ другихъ справа, отъ батареи Жерве; Ильинскій же думалъ ударить слѣва, отъ куртины. «Только слѣзьте вы съ лошади, сказалъ онъ Воейкову, а то не долго на ней усидите!» (Воейковъ былъ на большой лошади. Ильинскій, совѣтуя ему слѣзть, самъ оставался верхомъ и такъ пробылъ до конца, оговариваясь тѣмъ, что у него лошадь маленькая, казацкая, не такъ видная.) Воейковъ послушался, слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ къ назначенному ему пункту, а Ильинскій поѣхалъ къ своему, влѣво, но еще не доѣхавъ до куртины услыхалъ, что Юферовъ убитъ (это случилось спустя часъ, или около того, по отъѣздѣ Хрулева). Ильинскій ту же минуту воротился къ горжѣ и тамъ узналъ, что и Воейковъ также убитъ [1])...

Заговоренный отъ пуль, со своимъ лихимъ конькомъ, Ильинскій остался опять старшимъ на курганѣ и разъѣзжалъ спокойно между убитыми, которыхъ прибывало съ каждой секундой

---

[1]) Собственно онъ былъ раненъ. Говорили, что набравъ человѣкъ 15 охотниковъ, онъ сталъ ихъ звать впередъ. Лѣзть съ такой кучкой на тысячи — дѣло больше чѣмъ отважное. На валахъ, за рвомъ, залегли французскіе стрѣлки и выжидали своихъ жертвъ. Наши солдаты, сколько ни было въ нихъ смѣлости, видя рѣшительную гибель, стояли какъ вкопанные. Одинъ сказалъ Воейкову: «а ну-ка, ваше благородіе, поди самъ!» Онъ бросился и тутъ-же пораженъ пулей въ грудь на вылетъ въ спину. Пуля повредила позвоночный хребетъ. Воейковъ жилъ двое сутокъ, не чувствуя большихъ болей, говорилъ какъ здоровый и надѣялся подняться. На третьи сутки его не стало. Это былъ прекрасный офицеръ, любимый всѣми. Портретъ его въ Художественномъ Листкѣ, 1856, № 9.

больше и больше. У Горжи образовался чистый бруствѣръ изъ мертвыхъ тѣлъ. Идти впередъ по той же дорогѣ, гдѣ легли эти храбрецы, — не было никакой возможности. Тогда ротмистръ Макаровъ поскакалъ къ главнокомандующему, въ Николаевскую батарею.

Князь находился въ квартирѣ начальника штаба севастопольскаго гарнизона. Макаровъ доложилъ ему обо всемъ, и онъ назначилъ командовать войсками генералъ-лейтенанта Мартинау, который тотчасъ и отправился, но не дойдя до кургана, раненъ пулей въ плечо, еще въ улицахъ Слободки, близь дома Тулубьевой...

Говорили, что подъ конецъ, гораздо позже появленія Мартинау, ходили отбивать Малаховъ 2 роты саперъ, съ полковникомъ Генрихомъ, который при этомъ раненъ. Кромѣ того, еще позже, пытались ворваться въ горжу пластуны, около ста чел., подъ командой сотника Гульскаго, но что̀ значили эти сотни тамъ, гдѣ ничего не могла сдѣлать цѣлая дивизія?..

Между тѣмъ Хрулевъ примчался къ воротамъ Павловской батареи, гдѣ былъ снятъ съ сѣдла докторомъ Дземишкевичемъ и ординарцемъ своимъ унтеръ-офицеромъ Степановымъ. Дземишкевичь сдѣлалъ тотчасъ перевязку и отвелъ генерала на ботъ, который и перевезъ его на Сѣверную.

Вслѣдъ за нимъ отправили одного полковника, все толковавшаго о Французахъ и просившаго найдти ботъ. Долго не находили. Полковникъ чуть не плакалъ. Наконецъ ботъ нашли, онъ отплылъ и уже былъ на серединѣ бухты, какъ вдругъ надъ нимъ разорвалась бомба и однимъ осколкомъ снесла полковнику голову.

Все, что̀ я описалъ на столькихъ страницахъ, произошло почти въ одно время; разница между «главными атаками» заключалась въ какихъ-нибудь минутахъ.

Генералъ Боске слѣдилъ за ходомъ битвы изъ 6-й паралели.

Бросимъ оттуда взглядъ на всѣ три пункта, атакованные Французами:

Дивизія Дюлака отступила отъ 2-го бастіона.

Де-Ламоттъ-Ружъ держится передъ куртиной, на 1-й линіи.

Дивизія Макъ-Магона отражаетъ Русскихъ отъ кургана.

Это могъ быть 2-й часъ дня.

Замѣтивъ колебаніе Дюлака и де-Ламоттъ-Ружа, Боске послалъ приказаніе майору Сути, (на редутъ Викторію) чтобы онъ спѣшилъ со своею артиллеріей къ Киленбалочной бухтѣ и открылъ огонь по пароходамъ, которыхъ дѣйствіе было гибельно для войскъ, направленныхъ ко 2-му бастіону.

Орудія понеслись въ галопъ, прямо, полемъ, и стали на берегу, но пароходы засыпали ихъ картечью и гранатами.

У Сути перебита нога. Капитанъ Рапатель, принявшій послѣ него команду, пораженъ смертельно. Больше двухъ третей офицеровъ и прислуги не стало. Но павшихъ смѣняютъ прибывающіе вновь. Батарея удержалась; пароходы принуждены удалиться. Когда они двинулись, въ Херсонесъ попала бомба съ бывшаго Волынскаго редута и разбила въ машинѣ подтрубокъ, передающій паръ въ золотники [1]), послѣ чего пароходъ остановился, и бросивъ якорь, началъ подавать сигналы въ Севастополь, но долго никто не являлся на помощь. Французы замѣтивъ, что пароходъ подбитъ, спустили къ водѣ своихъ стрѣлковъ и начали (по выраженію разскащика) «строчить по пароходу штуцерами». Дѣло было плохо. Наконецъ явился Крымъ и вывелъ своего пріятеля изъ-подъ огня батарей и штуцеровъ.

---

[1]) Притомъ все машинное отдѣленіе быстро наполнилось паромъ, такъ-что машинисты и кочегары едва успѣли выскочить, жестоко обозженные. Трое изъ нихъ бросились въ бассейнъ, полный водой, и на другой день умерли. Остальные выздоровѣли довольно скоро.

«Вотъ ужь точно я подалъ руку доброму товарищу, какъ, можетъ быть, никому не подавалъ!» разсказывалъ потомъ командиръ Херсонеса, описывая свою встрѣчу съ командиромъ Крыма, когда тотъ вступилъ къ нему на палубу, гдѣ страшно было пробыть одну минуту — и пріятели спокойно обнялисѣ на этой страшной палубѣ!

Боске́ поднялся на валъ траншеи, чтобы лучше слѣдить за дѣйствіемъ направленной имъ батареи, какъ вдругъ бомба разорвалась въ нѣсколькихъ шагахъ впереди его и одинъ большой осколокъ пронесся мимо лица начальника штаба 2-го корпуса, сбилъ пагонъ съ эполета майора Баланда, личнаго адъютанта Боске́ и ударилъ самого Боске́ въ правый бокъ, немного ниже плеча.

Чувствуя, что принужденъ будетъ оставить поле битвы, онъ приказалъ генералу Сиссею увѣдомить объ этомъ главнокомандующаго, а также и генерала Дюлака, какъ старшаго по немъ.

Долго спорили между собою офицеры его штаба, кому нести генерала, а онъ все еще не переставалъ распоряжаться. Его отнесли на Ланкастерскую батарею, гдѣ оказана ему первая помощь.

Былъ 3-й часъ.

Главнокомандующій французской арміи велѣлъ подать сигналъ на лѣвый флангъ генералу де-Саллю, чтобы онъ начиналъ атаку.

Главнымъ пунктомъ атаки былъ избранъ 5-й бастіонъ.

На немъ находилось 2 батальона Подольскаго полка, подъ командой полковника Аленникова и часть Бѣлостоцкаго полка, подъ командой майора Долгова.

Орудій было, считая и мортиры, — 28.

На окружающихъ его батареяхъ и редутахъ находились слѣдующія войска:

На редутѣ Шварца — Житомірскій полкъ (до 1,300 ч.); орудій съ мортирами до 12-ти.

На редутѣ Бѣлкина — батальонъ Подольскаго (400 ч.) орудій съ мортирами 28.

На Охотнической (или Бутакова) батареѣ — до 10-ти орудій.

На батареѣ Швана (Чесменскій редутъ) до 30-ти орудій.

На Ростиславскомъ редутѣ до 30-ти орудій.

На всемъ же 1-мъ отдѣленіи (5-й и 6-й бастіоны, редуты: Шварца, Ростиславскій, Бѣлкина, Чесменскій; батареи: Охотническая, Шемякина и №№ 7, 8, 9 и 10) — считалось до 280 орудій.

Непріятель на этомъ флангѣ расположился такъ:

Двѣ бригады дивизіи Левальяна, подъ командой генераловъ Трошю и Кустона, помѣстились въ задней паралели верковъ, прозванныхъ Французами «*Второе Мая*» въ память дня, когда они отбили у насъ эту позицію [1]).

Вправо оттуда (отъ непріятеля вправо) двѣ бригады дивизіи д'Отмара, генералы Ніоль и Бретонъ, — противъ 4-го бастіона.

Генералъ де-Салль находился со штабомъ въ центрѣ бывшихъ Шварцовыхъ ложементовъ.

Еще въ 9-мъ часу утра (27-го августа) было замѣчено съ редута Бѣлкина, что Французы перепрыгиваютъ изъ заднихъ траншей въ середнія (всѣхъ было 3 паралели, образованныя изъ нашихъ ложементовъ). Бѣлкинъ открылъ по нимъ огонь картечью изъ всѣхъ орудій, могущихъ стрѣлять въ эту сторону

---

[1]) По нашему «Шварцовы ложементы». Дѣло съ 19 на 20 апрѣля, страница 110.

(изъ 8-ми орудій) — и перепрыгиванье прекратилось. Однако человѣкъ до 300-тъ успѣло перемѣститься въ среднюю паралель, неся на себѣ туры и мѣшки съ землей.

Въ исходѣ 2-го часа Французы бросились на редутъ Шварца (ихъ раздѣляло отъ него разстояніе въ 45 шаговъ) — съ редута не успѣли выстрѣлить картечью. Непріятель ворвался въ ретраншементы частію черезъ амбразуры, частію въ отверстіе потерны, и тотчасъ заклепалъ 2 орудія.

Это былъ 9-й стрѣлковый батальонъ, подъ командой майора Рожье.

Наши, въ числѣ 100 человѣкъ (Житомірскаго полка), находившихся на первой линіи, (остальные до 1,200 скрывались сзади, за редутомъ Швана) отступили ко 2-й линіи и тамъ удержались, отстрѣливаясь изъ-за стѣнки. Когда подошелъ Минскій полкъ, съ генераломъ Хрущевымъ, стрѣлявшіе соединились съ нимъ и опрокинули непріятеля штыками за брустверъ, захвативъ до 100 человѣкъ въ плѣнъ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Въ то время, когда Французы бросились на редутъ Шварца, Бѣлкинъ успѣлъ ударить по нимъ картечью изъ 8-ми орудій: заднія ряды непріятеля смѣшались. Генералъ Трошю сталъ приводить въ порядокъ разстроенныя колонны и вдругъ пораженъ картечью въ ногу; множество офицеровъ выбыло изъ строю...

Непріятель рѣшился ту же минуту атаковать редутъ Бѣлкина, наносившій имъ такой вредъ: Французы устремились на него лощиной, мимо 5-го бастіона (который вредить имъ не могъ, ибо картечь проносилась надъ ихъ головами) и собрались, въ числѣ 2-хъ тысячъ, у обрыва, дабы оттуда вскочить въ ровъ редута, отстоявшій отъ послѣдняго на 12 сажень.

Бѣлкинъ имѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ залегли Фран-

цузы, фугасъ изъ 4-хъ гнѣздъ, въ 16 пудовъ пороху, съ электрическимъ проводникомъ. Фугасъ этотъ былъ заложенъ въ началѣ осады: надежды на него было не много. Однакоже, давши непріятелямъ собраться гуще на этомъ пунктѣ, сообщили искру: фугасъ взлетѣлъ и Французовъ уцѣлѣло только 200 человѣкъ; имъ оставалось броситься впередъ ко рву: въ эту минуту 5-й бастіонъ ударилъ картечью — и въ ровъ вскочило живыхъ только 84 человѣка. Бѣлкинъ послалъ туда подпоручика морской артиллеріи Назарова съ 6-ю матросами, вооруженными ружьями, а самъ Назаровъ взялъ съ собой пистолетъ, давно испорченный и нестрѣлявшій. Когда наши подошли, Французы положили ружья и сдались: 6 офицеровъ и 78 нижнихъ чиновъ. Назаровъ привелъ ихъ всѣхъ на редутъ. Въ это время французскія батареи открыли снова огонь, прекращенный въ минуту стычки.

Тѣмъ все и кончилось, и кончилось какихъ-нибудь въ полчаса.

Нѣкоторые изъ взятыхъ Французовъ были пьяны. У плѣнныхъ и убитыхъ находили кофейники и мѣшки съ провизіей: колбасами, галетами, кофеемъ, ромомъ и табакомъ [1]).

42-й и 46-й линейные полки спѣшили подать помощь войскамъ, отступавшимъ отъ 5-го бастіона. Генералъ Риве́ (начальникъ штаба 1-го корпуса) хотѣлъ двинуть еще бригаду Бретона, но въ траншеяхъ было такъ тѣсно, что оба эти генерала не могли никакъ пройдти впередъ, чтобы явиться во главѣ колоннъ, и въ нетерпѣніи выскочили изъ траншей: Риве́ пораженъ въ ту же минуту картечью въ ногу, а Бретонъ пулей въ голову.

---

[1]) На лѣвомъ нашемъ флангѣ почти вовсе не замѣчено пьяныхъ: это была самая трезвая атака. Самая пьяная была атака 11 февраля, на Волынскій редутъ. 26 мая также было много пьяныхъ. 6 іюня меньше и наконецъ 27 августа еще меньше.

Колонны отступили. —

4-й часъ...

Дивизія д'Отмара готовится къ новой атакѣ. Бригада Сардинцевъ, подъ командой генерала Чіальдини, ожидаетъ знака броситься на четвертый бастіонъ... но главнокомандующій французской арміи велѣлъ имъ остаться на мѣстахъ и сосредоточилъ свое вниманіе на Малаховомъ курганѣ, видя ясно, что занявъ его, онъ занимаетъ городъ.

Малаховъ курганъ сдѣлался для насъ неприступенъ.

2 батальона гвардейскихъ зуавовъ, бригада Вимпфена, батальонъ гвардейскихъ волтижеровъ и нѣсколько ротъ гвардейскихъ гренадеръ двинулись на помощь Макъ-Магону. Туда же повернули и войска, отраженныя отъ 2-го бастіона и Куртины. Такимъ образомъ въ одномъ этомъ пунктѣ сосредоточилось около 15-ти тысячъ Французовъ.

А мы имѣли только 20 во всей Корабельной, и то въ началѣ дѣла!

Спустя немного времени ввезено на курганъ 8 когорновыхъ мортиръ и нѣсколько полевыхъ орудій (къ утру 28-го было 12).

И только одинъ Малаховъ остался не отбитымъ [1]).

Но случилось, что и тамъ, среди ликующихъ тысячъ, долго держалась небольшая кучка Русскихъ, застигнутыхъ въ башнѣ. Это были солдаты Модлинскаго полка, всего 30 человѣкъ, съ 3-мя офицерами: поручикомъ Юніемъ, подпоручиками: Данильченко и Богдзевичемъ и двумя кондукторами морской артиллеріи: Дубининымъ и Венецкимъ.

Командиръ Модлинскаго полка, полковникъ Аршеневскій приказалъ имъ защищать находящіяся въ башнѣ снаряды, между

---

[1]) Не были атакованы на обоихъ флангахъ: 1-й бастіонъ, батарея Никонова, Пересыпка, батарея Шемякина, №№ 7, 8, 10 и Александровская батарея.

которыми было до 35-ти тысячъ патроновъ. Когда Французы вскочили на курганъ (а это было такъ быстро, какъ только можно зажечь сѣрную спичку, по выраженію одного очевидца) — кучка оборонявшихъ башню не успѣла присоединиться къ отступающимъ войскамъ и скрылась въ среднее отверстіе: родъ каменной арки, передъ которой была потерна — глубокая яма, заграждавшая входъ, куда нельзя было проникнуть иначе, какъ пробираясь по стѣнкѣ по одному [1]). Поставивъ въ самыхъ дверяхъ (т. е. въ аркѣ) нѣсколько солдатъ съ длинными абордажными пиками, (разумѣется скрытыхъ за стѣнкой, такъ что высовывались только пики) и начавъ стрѣльбу изъ ружей, наши сдѣлались почти неприступны.

Сперва Французы не замѣчали вреда, наносимаго башней и не знали, откуда сыплются пули. Непріятельскія резервы проходили смѣло передъ самыми дверями и вдругъ какой-нибудь солдатъ схватывался за ногу и оттанцовывалъ на одной ногѣ въ сторону... Но когда пылъ битвы въ передней части кургана сталъ утихать, тогда обратили вниманіе и на башню. Пятеро зуавовъ бросились смѣло въ арку, но двое изъ нихъ посажены были на пики, а трое убѣжали. Больше не вбѣгало никого. Французы начали стрѣлять въ двери и въ отверзтія бойницъ. Наши заложили бойницы подушками и чѣмъ попало. Остались для непріятеля одни двери. Пули врывались туда цѣлыми роями, но поражали немногихъ и то, бóльшею частію, рикошетомъ отъ стѣнъ. Макъ–Магонъ приказалъ обложить башню фашинникомъ и зажечь, чтобы выкурить нашихъ, какъ они выкуриваютъ Арабовъ, но потомъ спохватился, что огонь можетъ дойти до пороховыхъ погребовъ (тогда не сдобровать-бы

---

[1]) Въ какомъ положеніи была тогда Малахова башня, можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ на рисункѣ № 33-й. Арка, изъ которой наши стрѣляли, — видна посерединѣ.

и Французамъ!) и велѣлъ потушить уже сильно занявшійся фашинникъ: Послѣ этого непріятель хотѣлъ пробить потолокъ, но это заняло-бы много времени. И безъ того было около 6-ти часовъ вечера. Наконецъ кто-то догадался поставить на ближайшемъ траверсѣ орудіе (разумѣется, подъ прикрытіемъ туровъ и монтелета) — и пустить въ двери гранату. Первую мы залили; вторая разорвалась и переранила осколками почти половину защитниковъ. Тогда поручикъ Юній послалъ кондуктора Венецкаго парламентеромъ. Онъ выставилъ въ двери ружье съ навязанной на штыкъ своей-же рубашкой, которой часть пошла на перевязку раны: Французы прекратили огонь. Венецкій вышелъ и сказалъ офицеру, готовившему 3-ю гранату: «мы ваши плѣнные!»—Давно-бы пора!—отвѣчалъ тотъ сердито: велите вашимъ солдатамъ положить ружья!

Было близь 7-ми часовъ. Нашихъ храбрецовъ повели на Камчатскій редутъ, гдѣ французскіе офицеры встрѣтили ихъ съ большимъ уваженіемъ.

Между тѣмъ нашимъ войскамъ велѣно поддерживать перестрѣлку у горжи, а впередъ не ходить.

На Павловскій мысокъ послано приказаніе: «заклепать орудія Павловской батареи и сбросить», что̀ и было тотчасъ исполнено ординарцемъ генерала Хрулева, унтеръ-офицеромъ Степановымъ. Онъ едва нашелъ для этого людей: помогали какіе-то писаря [1]).

Въ 6-мъ часу сдѣлано распоряженіе объ отступленіи.

Нѣкоторыя части войскъ должны были перейти на Южную по малому мосту, или черезъ Пересыпку, начавъ движеніе: одни полки въ 7 часовъ, другіе въ 10 и даже въ 11, дабы потомъ переправиться большимъ мостомъ на Сѣверную.

---

[1]) Сброшено 17 крѣпостныхъ орудій.

Для переправы остальныхъ войскъ, не переходившихъ на Южную, были подведены пароходы къ Павловскому мыску и къ Аполлоновой балкѣ.

Но дабы непріятель не вдругъ замѣтилъ наше отступленіе, войска, уходя, оставили на бастіонахъ рѣдкую цѣпь, по 100 человѣкъ отъ полка, чтобы поддерживать перестрѣлку до тѣхъ поръ, пока не придутъ команды матросовъ для взрыва пороховыхъ погребовъ.

Таково было распоряженіе на правой половинѣ Корабельной.

Въ остальныхъ пунктахъ произведено отступленіе нѣсколько иначе, что̀ зависѣло вообще отъ командующихъ разными частями.

Одесскій полкъ оставался въ Слободкѣ до 7-ми часовъ утра слѣдующаго дня.

Но никто не вѣрилъ, что велѣно отступать: всѣ готовились биться, пока ляжетъ послѣдній. Когда пошли, многіе плакали...

И вотъ, къ 11-ти часамъ ночи, войска, направленныя къ большому мосту, собрались на Николаевской площади, въ ротныхъ колоннахъ и какъ случилось. Было необыкновенно тѣсно. Вправо отъ моста, на мыскѣ, и въ разныхъ пунктахъ сзади, столпилось множество возовъ, телегъ, полуфурковъ, всевозможныхъ экипажей; тутъ же стояла и артиллерія, обреченная на потопленіе... [1]) Конечно всѣмъ и каждому хотѣлось спасти какъ можно болѣе; иные думали о какихъ-то накопившихся головахъ сахару... но просьбы и мольбы раздавались тщетно: приказано пропускать только войска. Вдругъ кому-то вздума-

---

[1]) Легкая артиллерія Слободки, имѣвшая лошадей, (2 или 3 батар.) сброшена съ Малаго моста. Нѣсколько орудій спасъ на пароходѣ поручикъ Вроченскій.

лось сказать, что мостъ лопнулъ. Но такое равнодушіе ко всему, кромѣ Севастополя, такое омертвѣніе царствовало въ рядахъ, что никто этимъ не смутился. «Ну лопнулъ, такъ лопнулъ!» сказали многіе голоса: «чортъ съ нимъ!» На самомъже дѣлѣ этого не было и въ 12 часовъ началась переправа.

Для соблюденія возможнаго порядка былъ приставленъ къ мосту генералъ-майоръ Бѣлявцевъ, бывшій начальникъ Курскаго ополченія. Онъ потерялъ голосъ, крича до 6-ти часовъ утра.

Невозможно описать, что̀ такое происходило на мосту. Волна возовъ, лошадей, народу лилась по немъ въ продолженіи 6-ти, 7-ми часовъ сряду. Иногда переходящимъ казалось, что мостъ разорвался и идетъ ко дну [1]). Толпы съ криками бѣжали назадъ; переправа останавливалась... между тѣмъ небо горѣло отъ выстрѣловъ и бомбы за бомбами рвались надъ отступающими. Потомъ запылалъ городъ...

И въ эту-то страшную суматому нашелся одинъ неслыханный ротный командиръ, до такой пунктуальности вѣрный своему долгу, что переведя роту на Сѣверную сторону, онъ отыскалъ въ Михайловской батареѣ фонарь [2]), и сталъ перекликать по списку, кого нѣтъ, кто на лицо, кто убитъ и кто раненъ. Даже записывалъ имя того, кто видѣлъ, что такой-то убитъ. Голосъ этого удивительнаго ротнаго командира долго звучалъ какъ труба, среди тысячъ голосовъ и криковъ. Жаль, что его-то имени никто и не записалъ.

Кромѣ пароходовъ, перевозившихъ войска правильнымъ образомъ, все было спущено на воду: всевозможныя гребныя суда,

---

[1]) Онъ дѣйствительно погружался на самой серединѣ, но не болѣе какъ на четверть.

[2]) Это случилось въ началѣ отступленія, когда еще было темно.

отъ военнаго баркаса до вольнаго ялика. Переправиться водой, а не по мосту, казалось недосягаемой роскошью. Къ каждой отплывающей доскѣ бѣжалъ кучами народъ; слышались просьбы, мольбы, громкіе вопли. По берегу, гдѣ не было войскъ, толпились разные обыватели, зажившіеся до нельзя въ родномъ городѣ: купцы, мѣщане, женщины и даже дѣти.

Было около 7-ми часовъ утра, когда кончилась переправа.

Послѣднимъ перешелъ генералъ Хрущовъ, съ капитаномъ Воробьевымъ и сказалъ строителю моста, генералу Бухмейеру, что въ городѣ нѣтъ никого: можно разводить мостъ.

Его развели такимъ образомъ: къ каждому участку [1]) было протянуто съ берега, отъ Михайловской батареи, по канату въ 500 сажень, и поставлено по 100 человѣкъ народу на канатъ. Когда сдѣлалось извѣстно, что всѣ прошли, генералъ Бухмейеръ велѣлъ разобрать мостовую пристань у Николаевской батареи, а потомъ, перейдя съ рабочими на 2-й участокъ, махнулъ платкомъ — и 1-й канатъ потянулъ 1-й участокъ. Бухмейеръ перешелъ на 3-й участокъ—потянули 2-й и т. д. до половины. Дня два мостъ оставался въ бухтѣ, будучи завороченъ, а потомъ всѣ части его были подтянуты къ берегу и разобраны.

Вотъ отъ чего Французы, войдя въ городъ, не нашли моста и впослѣдствіи спрашивали у насъ, куда мы дѣвали эти страшныя бревна — ces immenses poutres?

Корабли затопили въ 8 часовъ вечера, 27 августа, то есть въ этомъ часу выбили пробки, приготовленныя заранѣ, но корабли затопли совсѣмъ только на другой день въ 1-мъ часу утра.

По выбитіи пробокъ на кораблѣ можно оставаться смѣло

---

[1]) См. страницу 4.

часа 3. Къ концу этого времени корабль начнетъ клониться въ одну сторону, погружаясь медленно, какъ-бы не хотя, точно живой... потомъ выпрямится опять и пойдетъ тихо ко дну.

Послѣднимъ затонулъ фрегатъ Кулевчи.

Мы оставили непріятелямъ на Южной и въ Корабельной 3,697 орудій, въ числѣ коихъ годныхъ 2,747 и подбитыхъ 950.

Кромѣ того оставлено до 3-хъ тысячъ пудовъ пороху. Говорятъ, этимъ порохомъ они взорвали доки и Николаевскую батарею [1]).

---

[1]) Здѣсь кстати упомянуть, сколько разстрѣляно нами пороху и выпущено снарядовъ за все время осады, и сколько потреблено фашинъ, туровъ и другихъ предметовъ на батареи.

Пороху	205,810	пудовъ.
Разрывныхъ снарядовъ, то есть бомбъ и гранатъ.	571,503	
Сплошныхъ	701,834	
Картечи	93,371	
Вѣсъ выброшеннаго изъ орудій металла .	1,405,249	пудовъ.
Армяку на зарядные картузы пошло . . .	898,384	аршина.
Туровъ	238,908	
Фашинъ . . . . . , ...	128,666	
Кольевъ . . . . . , ...	238,995	
Мѣшковъ большихъ, 3-хъ аршинныхъ . . .	866,218	
Малыхъ (минныхъ)	141,050	

Предположимъ, что всего этого изведено только въ-половину, и все-таки будетъ громадное число.

Сравнительно съ этими цыфрами, предлагаю выписку изъ рапорта французскаго военнаго министра Императору Наполеону, отъ 25 августа (6 сентября) 1856, о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ во время минувшей войны, по отправленію на Востокъ войскъ и запасовъ:

Войска перевезено на Востокъ	309,268	челов.
Возвратилось.	227,135	—
Лошадей	41,974	
Возвратилось	9,000	

Потеря наша въ этотъ день, по донесенію князя Горчакова, простиралась: убитыми: 2,684 ч., раненными: 5,852; контуженными: 1,185, пропавшими безъ вѣсти 1,763, — итого: 11,484 ч.

Французы потеряли, по частнымъ извѣстіямъ, болѣе 15 т.

Потеря Англичанъ, по донесенію Симпсона:

Убитыми: 29 офицеровъ, 36 сержантовъ, 6 барабанщиковъ и 314 рядовыхъ.

Раненными: 124 офицера, 122 сержанта, 12 барабанщиковъ и 1,608 рядовыхъ.

Пропало безъ вѣсти: 1 офицеръ, 12 сержантовъ и 163 рядовыхъ.

Итого выбыло изъ строю 2447.

(Кромѣ убитыхъ и павшихъ лошадей, много продано Русскимъ и Туркамъ).

Орудій крѣпостныхъ	644	
Съ флота взято	605	
Полевыхъ	287	
Турецкихъ	140	
Итого . . .	1,676	
Пороху	4,000,000	киллограммовъ (244,000 пудовъ).
Кромѣ того миннаго	90,400	киллограм.
Метательныхъ снарядовъ	2,128,000	штукъ.
Туровъ	80,000	
Фашинъ	60,000	
Мѣшковъ	920,000	

Траншей выведено 80 километровъ (75 верстъ).

Минныхъ галлерей 6,000 метровъ (2,811 сажень).

Вина, водки и рому выпито 130,333 гектолитра, (1,357,009 ведеръ).

Сѣна стравлено 929,998,60 тоннъ (57,659,913 пудовъ).

Овса и ячменя 119,571,43 тонна (7,413,429 пудовъ).

Подковъ . . . . 817,216 штукъ.

Гвоздей для нихъ . . . . 6,193,400 — —

Жалованья выдано войскамъ съ апрѣля 1854 — 285,646,160 франковъ.

Сардинцы потеряли: 5 офицеровъ раненными, 4 солдата убитыми и 31 раненными.

Между тѣмъ въ лагерѣ на Инкерманѣ все было спокойно. Никто не зналъ объ отступленіи. Мы видѣли огни перестрѣлки и все надѣялись, что приступъ будетъ отбитъ. О взятіи Малахова впрочемъ было извѣстно.

И вотъ мы встали поутру 28 августа, какъ вставали обыкновенно, — и увидѣли столбы дыма на мѣстѣ бывшаго Севастополя. Нечего было спрашивать, что̀ это такое. Ярко самъ за себя говорилъ широко-разлившійся пожаръ, и я думаю, что въ эту минуту каждому изъ насъ пришла на мысль Москва, пылавшая когда-то передъ лицемъ другихъ Французовъ.

Трудно вообразить что-либо грустнѣе этого зрѣлища. Еще вчера все это жило двойною, тройною жизнію. Бухта кипѣла кораблями, пароходами, яликами... по мосту, надъ моремъ, стучали копыты лошадей, двигались толпы народу, а теперь все это умерло, затихло. Въ бухтѣ не плеснетъ ни одно весло... а тамъ, вдали, за нею, льется пламя на нѣсколько верстъ, и черная туча дыму тяжело виснетъ надъ остатками Севастополя, и кругòмъ все тихо какъ въ могилѣ! Ни выстрѣла! Судите, какъ мертва и ужасна была эта тишина послѣ громовъ, которымъ не было подобныхъ!

Мы стояли и смотрѣли молча...

Въ половинѣ дня непріятель открылъ стрѣльбу по нашимъ пароходамъ, которые тѣснились у Сѣверной балки. Ядра низали въ нихъ и въ берегъ. Держаться было невозможно. Къ вечеру пароходы затопили.

И тутъ счастливый Херсонесъ ушелъ отъ гибели. Его прибило волненіемъ къ рифамъ, подлѣ 4-го номера. Владиміръ пробовалъ его стащить и не могъ. Хотѣли было сжечь его, но Руд-

невъ, его командиръ, сталъ просить, чтобы лучше разобрали пароходъ на блиндажи, а только не жгли. Такъ Херсонесъ и остался на рифахъ и уцѣлѣлъ. Все время до заключенія мира и позже видѣли его совершенно нетронутымъ, привалившимся на бокъ, какъ бы отдыхающихъ отъ трудовъ. Нынѣ онъ поднятъ и гуляетъ опять по Черному морю, почти единственный, драгоцѣнный остатокъ славнаго флота [1]). Не даромъ онъ носитъ такое знаменательное имя!..

Часу въ 5-мъ вечера стали подыматься на воздухъ ближайшіе къ берегу пороховые погреба Южной стороны [2]). Я видѣлъ большой взрывъ дѣловаго двора въ Артиллерійской слободкѣ: дымъ поднялся мелкими облачками, въ видѣ звѣзды, и долго стояла въ воздухѣ эта странная звѣзда, широко раскинувшись по небу.

Въ Корабельной уже бродили Французы и Англичане; мелькали кучи блузъ, куртокъ, синихъ и всякихъ шинелей. На Южной еще не было никого. Къ вечеру показалось двѣ-три фигуры на Графской.

Наши матросы и солдаты, въ небольшомъ числѣ, еще держались въ городѣ дня два. Иные такимъ образомъ попали въ плѣнъ. Другимъ удалось уйдти. Одинъ матросъ наткнулся на Французовъ, которые его не тронули. Онъ разохотился и, воротясь оттуда на Сѣверную, говорилъ, что еще поѣдетъ въ городъ.

Въ Сѣверномъ укрѣпленіи собралось въ это время множество народу: начальники войскъ, батарейные командиры, сестры милосердія, жандармы, казаки, матросы и ополченцы. Все, что́ было на Южной и въ Корабельной, искало здѣсь

---

[1]) Я разумѣю военныя суда. Кромѣ того поднято нѣсколько транспортовъ.

[2]) Дальніе взорваны утромъ.

пріюта. Начальникамъ войскъ отвели помѣщеніе въ домахъ и баракахъ. Иные офицеры раскинули себѣ палатки. Но большинство провело первыя ночи подъ открытымъ небомъ. Грустнѣе всѣхъ смотрѣли моряки.

Тутъ же, середи двора, между солдатскими землянками, толпились и плѣнные, въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, и всѣ до одного, бо̀льшею частію стоя на ногахъ, глядѣли въ сторону дымящагося Севастополя.

Городъ горѣлъ до 30-го августа. 29-го, вечеромъ, слышались послѣдніе взрывы. Ночью постоянно было видно зарево. Потомъ пошелъ дождь и пожаръ сталъ потухать. 30-го также шелъ дождь и было очень холодно и сыро.

Въ эти холодные и дождливые дни, когда мы сидѣли закупоренные въ палаткахъ, я началъ вновь мои записки, чтобы вознаградить, по возможности, погибшее на фрегатѣ. Вѣтеръ качалъ мою палатку, такъ что она вѣчно дрожала и гудѣла; дождь барабанилъ въ нее безъ умолку, но я почти не слыхалъ ничего, предаваясь моимъ воспоминаніямъ и жадно торопясь ихъ записать. Я не видалъ, какъ летѣли часы; было что-то безсознательно-увлекательное во всей обстановкѣ; и много разъ потомъ, уже сидя въ покойныхъ креслахъ, я возвращался мыслію къ моей мокрой, гудящей палаткѣ, и желалъ пересѣсть на мою тогдашнюю скрипучую скамейку и послушать этотъ дождь и вѣтеръ... Отъ чего это, среди тревогъ бродячей, походной жизни, являются такія минуты, какихъ никогда не высидишь въ тихомъ кабинетѣ, среди всякихъ удобствъ и комфортовъ?..

Въ эти три дня, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, была положена основа моимъ настоящихъ запискамъ.

Когда пожаръ потухъ и дождикъ унялся, я поѣхалъ взглянуть, что̀ сталось съ городомъ. Удивительное дѣло: онъ смо-

трѣлъ почти какъ негорѣвшій. Бо̀льшая часть домовъ, Николаевская батарея, Соборъ, Библіотека, Графская пристань, церковь Петра и Павла, — пункты, на которыхъ привыкъ прежде всего останавливаться взоръ — все это глядѣло по прежнему. Я убѣжденъ, что городъ пострадалъ несравненно болѣе впослѣдствіи, отъ нашихъ же выстрѣловъ съ Сѣверной, и отъ расхищенія, чѣмъ отъ страшнаго пожара. Пожары на Севастополь не дѣйствовали: это былъ рѣшительно несгараемый городъ.

29-го августа непріятель занялъ Южную сторону. Главнокомандующій французской арміи, съ многочисленнымъ штабомъ, объѣхалъ Севастополь и всѣ его оборонительныя линіи.

Генералъ Базенъ назначенъ губернаторомъ города. Капитанъ Мино̀, первый траншей-майоръ при взятіи Малахова, сдѣланъ комендантомъ.

Вскорѣ началась перестрѣлка Южной и Сѣверной стороны, какъ двухъ враждебныхъ береговъ, но послѣ того, что́ мы выслушали, казалось, что вовсе нѣтъ никакой стрѣльбы. Однакоже, къ концу года, Сѣверная сторона, начиная отъ базара до Михайловской батареи, была совершенно закидана ядрами и и осколками бомбъ. Въ Сѣверномъ укрѣпленіи негдѣ было ступить. Бомбы вырыли мѣстами такія ямы, что онѣ мѣшали ѣздѣ пуще волчьихъ.

Въ половинѣ сентября Главный штабъ Крымской арміи перешелъ въ селеніе Орта-Каралезъ, а потомъ въ Бахчисарай.

Долго, болѣе полугода, казался мнѣ каждый звукъ паденіемъ ядра, каждый шорохъ шипѣніемъ ракеты.

И вотъ заключенъ миръ. Протекло только два года послѣ безпримѣрной осады, а какъ будто ея и не бы́ло. Уже рѣдко

говорятъ о Севастополѣ. Все это кажется невѣроятнымъ сномъ. Но неужели такъ, случайно, легли сотни тысячъ? Неужели напрасно записаны такія страницы въ нашу исторію?...

1855. 1857.
Севастополь. Петербургъ.

СЕВАСТОПОЛЬ

И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ ПО ЗАКЛЮЧЕНІИ МИРА.

I.

Первый весенній праздникъ въ Бахчисараѣ, 30 марта, 1856. — Полковникъ Бодуенъ. — Мое знакомство съ нимъ и поѣздка внутрь Крыма. — Симферополь. — Неизбѣжный Александръ Ивановичь. — Карасубазаръ. — Ѳеодосія. — Возвращеніе горными дорогами. — Татарскія деревни. — Какъ знаютъ Французы наши дороги. — Прибытіе въ Бахчисарай. — Мы отправляемся вмѣстѣ къ Французамъ. — Приключеніе съ лошадью. — Опять Татарскія деревни. — Франція. — Байдарская долина. — Ужинъ и чай. — Пишо. — Каидъ-Османъ, или Jäger von Rensdorf. — Ученье солдатъ. — Форусъ. — Обѣдъ у генерала д'Отмара. — Капитанъ Давнé. — Байдарская ночь.

—

Въ послѣднее время, по заключеніи мира, стало появляться въ Бахчисараѣ множество французскихъ и англійскихъ офицеровъ, особенно послѣднихъ. Они пріѣзжали осматривать городъ, ханскій дворецъ, фонтанъ Маріи Потоцкой, Чуфутъ-

Калé и нѣкоторыя окрестности Бахчисарая. Англичане отправлялись даже въ Симферополь и тамъ кутили.

Въ пятницу, 30 марта, было у насъ гулянье въ одномъ изъ садовъ, примыкающихъ къ Бахчисараю со стороны Салачикà. Тамъ играла военная музыка ; былъ главнокомандующій со штабомъ и весь городъ. Въ числѣ гуляющихъ явилось нѣсколько Англичанъ и Французовъ. Каждаго гостя занималъ кто-нибудь изъ Русскихъ. Меня представили одному французскому полковнику, Бодуену, начальнику эскадрона Главнаго штаба въ Байдарахъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ, не такъ большой ростомъ, нѣсколько полный и чрезвычайно живой. Подъ-конецъ гулянья я сошелся съ нимъ какъ нельзя ближе, и мы пошли вмѣстѣ ко мнѣ пить русскій чай. На слѣдующій день полковникъ просилъ меня съѣздить съ нимъ въ Чуфутъ-Кале и показать другія окрестности Бахчисарая. На третій день онъ получилъ позволеніе штаба отправиться въ Симферополь, Карасубазаръ и Ѳеодосію и пригласилъ меня въ товарищи путешествія.

Мы выѣхали верхомъ, въ сопровожденіи двухъ африканскихъ егерей и еще одного переводчика для турецкаго языка, мосьё Сабà, родомъ Араба, съ чисто-арабской физіономіей.

Дорога была сухая и ровная; мѣстами шло прекрасное шоссе, еще недавно устроенное княземъ Горчаковымъ. Направо и налѣво поднимались пологія горы; вдали мелькнулъ дымчатый Чатырдагъ...

Скоро къ нашимъ егерямъ, ѣхавшимъ поодаль сзади, присталъ какой-то русскій фурштатъ, тоже разумѣется верхомъ, и сталъ дружелюбно съ ними разговаривать. Слово за слово, — какія ужь это были слова, неизвѣстно, — только фурштатъ началъ вразумлять егерей, гдѣ можно дорогой пріостановиться, какъ бы у фонтана, а тутъ подлѣ какъ-разъ и есть заведеніе съ надписью: *здравствуй! до пріятнаго свида-*

нія [1])! и другія заведенія въ томъ же родѣ. Одинъ егерь отсталъ, чтобы напоить коня. Полковникъ скоро это замѣтилъ и просилъ меня отстранить новаго пріятеля отъ его егерей, — и фурштатъ уныло поѣхалъ по полю, въ сторонѣ, потомъ обогналъ насъ, и мы его ужь не видали.

На половинѣ пути, на чьей-то брошенной дачѣ, въ плѣнительномъ саду, устроена была изрядная гостинница, и огромная вывѣска бѣлѣла надъ заборомъ сада. Ѣхали какіе-то купцы изъ Симферополя: стой! и отправились въ гостинницу. Еще перегнали насъ двое ополченныхъ въ тарантасѣ, — и они остановились. Это такъ естественно для русскаго человѣка: увидавъ гостинницу, остановиться, хоть бы даже ѣхалъ за какимъ нибудь дѣломъ и спѣшилъ; ухлопать часа два-три, куда ни шло, — за чаемъ, закуской, болтовней съ проѣзжими... Должно признаться, и меня потянула вывѣска. Я поспѣшилъ замѣтить полковнику, что это гостинница. Впрочемъ, подъѣхавъ, онъ могъ прочитать то же самое на своемъ родномъ языкѣ; но, прочитавъ, онъ не сказалъ ничего, и мы продолжали путь.

Передъ закатомъ солнца мы увидѣли Симферополь и въѣхали въ него, когда уже стало смеркаться.

Долго странствовали мы по улицамъ, ища ночлега: всѣ гостинницы были набиты биткомъ. Я вспомнилъ, что бывшій нашъ маркитантъ Александръ Ивановичъ Серебряниковъ, котораго имя, какъ бы то ни было, нераздѣльно связано съ Севастополемъ, — знаменитый Александръ Ивановичъ открылъ въ Симферополѣ гостинницу *Тавриду*. Дай попробуемъ къ нему! Мы поѣхали по указанію встрѣчныхъ, которые любопытно стекались къ намъ съ разныхъ концовъ и осматривали французскаго полковника и его эскортъ. Гостинница *Таврида*

---

[1]) Дѣйствительно, имя трактира на 10-й верстѣ отъ Бахчисарая къ Симферополю.

блеснула рядомъ своихъ освѣщенныхъ оконъ. Я слѣзъ и пошелъ объясняться. Александръ Ивановичь принялъ меня въ свои объятія.

— Давайте квартиру, Александръ Ивановичь, во что бы то ни стало!

— Какъ же это? отвѣчалъ онъ: — вѣдь все занято Англичанами! видите, какой ихъ содомъ!

Я взглянулъ вдоль по комнатамъ и увидѣлъ ряды красныхъ мундировъ за длинными столами, которые, въ довершеніе пестроты, были украшены букетами фальшивыхъ цвѣтовъ, опущенныхъ въ хрустальные сосуды. Это была затѣя хозяина «Тавриды».

— Впрочемъ мы какъ нибудь уладимъ, сказалъ потомъ Александръ Ивановичь: — всѣмъ бы отказалъ, рѣшительно бы отказалъ, а вамъ не могу — пойдемте!

Мы пошли на другую половину дома, черезъ дворъ.

Комната, которую онъ мнѣ отперъ, оказалась сносная, съ тремя постелями и необходимымъ къ нимъ бѣльемъ; но по угламъ стояли англійскія сабли.

— Какія же это сабли, Александръ Ивановичь?

— Видите ли: эта комната занята однимъ докторомъ, который просилъ меня пустить на время Англичанъ, а самъ уѣхалъ, и эту ночь не будетъ. Я согласился, потому что никого не было: отчего же не пустить?.. а такъ-какъ теперь пріѣхали вы, я отдаю эту комнату вамъ оффиціально; а господамъ Англичанамъ мы отведемъ другую.

— Смотрите, чтобы не было какой нибудь исторіи!

— Какая исторія: комната оффиціально принадлежитъ вамъ; а до Англичанъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла: денегъ я съ нихъ не бралъ и знать ихъ не знаю!

— Конюшня есть?

— Есть и конюшня, только много англійскихъ лошадей.

Я пошелъ объяснять полковнику все дѣло: что̀ нашелъ и чего нѣтъ.

— Пожалуйста, устройте лошадей и людей: иначе я не слѣзу съ сѣдла!

Мы пристроили лошадей, частію въ конюшнѣ, частію на дворѣ. Одинъ изъ егерей, именемъ Филибертъ, былъ необыкновенно расторопный малый: вмигъ разсѣдлалъ лошадей, разставилъ ихъ по разнымъ угламъ, засыпалъ имъ корму, подкатилъ къ конюшнѣ какую-то телегу и въ ней уладилъ себѣ спанье.

Полковникъ дождался конца всей этой церемоніи и потомъ уже пошелъ въ гостинницу.

Александръ Ивановичь пригласилъ насъ на свою половину и представилъ намъ свою жену. Закипѣлъ огромный бронзовый самоваръ; въ рукахъ хозяйки блеснулъ серебряный чайникъ... чай былъ удивительный, *домашній*, который Александръ Ивановичь пьетъ единственно въ своей семьѣ и который никогда не отпускается посѣтителямъ «Тавриды».

— Вы, пожалуйста, переведите имъ, что черезъ меня пролетѣло три тысячи ядеръ! сказалъ Александръ Ивановичь: — имъ это и въ голову не приходитъ! пожалуйста, переведите! И что за это я получилъ вотъ! — И онъ ухватилъ пальцами медаль, украшавшую его шею. — Конечно, это вообще, за разныя заслуги, однако, три тысячи ядеръ, вѣдь это не шутка! Пожалуйста, вы это все переведите!

Послѣ чаю мы немного закусили и пошли на покой въ отведенную намъ комнату, съ подозрительными англійскими саблями, которыя все еще оставались тутъ же. Мы раздѣлись быстро, юркнули подъ одѣяла и сейчасъ же заснули.

Часа черезъ два или три, когда уже все утихло и огни гостинницы погасли, я былъ разбуженъ какимъ-то шумомъ. Смотрю: въ комнату вошли трое Англичанъ и служитель со свѣчкой. Черезъ нѣсколько времени явился и Александръ Ивановичь, который всѣми мѣрами хотѣлъ растолковать Англичанамъ, что эта комната отдана, что онъ ихъ пустилъ на-время, что есть для нихъ другое помѣщеніе... Англичане, конечно, не понимали ничего и все указывали на шкапъ, занятый ихъ вещами, и на оставленныя ими въ комнатѣ сабли, и никакъ не соглашались уйдти. Полковникъ мой проснулся, глядѣлъ, глядѣлъ и сталъ одѣватся.

— Вѣроятно, они имѣютъ право на эту комнату, сказалъ онъ мнѣ: — надо уйдти! нечего дѣлать!

Немного погодя явился въ комнату какой-то артиллерійскій офицеръ, — какъ мы узнали послѣ, хозяинъ дома, султанъ Керимъ-Гирей, потомокъ послѣдняго Гирея. Мать его была Англичанка, и потому онъ хорошо говорилъ по-англійски. Потолковавъ съ ними, онъ обратился къ намъ и сказалъ, что комната дѣйствительно занята Англичанами, что ихъ надо пожалѣть, что они не умѣютъ объясниться... Александръ Ивановичь увѣрялъ, что совсѣмъ не занята, а есть другая комната, которую онъ имъ предлагалъ, да они не хотятъ.

— Гдѣ же эта комната? спросилъ я, желая скорѣе кончить споры.

— Да вотъ, пожалуйте!

Комната была точно такая же, только проходная. Мы перебрались, заперли двери и скоро заснули прежнимъ крѣпкимъ сномъ, несмотря на то, что у Англичанъ, рядомъ съ нами, былъ долго сильный шумъ и говоръ.

Вставъ на другой день, мы пошли по лавкамъ, думая что-нибудь купить; но все было страшно дорого. Потомъ мы про-

шлись къ рѣкѣ и по нѣкоторымъ улицамъ. Англичане мчались мимо насъ, одинъ за другимъ, на дрожкахъ, и такимъ образомъ осматривали городъ. Часу въ 12-мъ мы и они воротились въ гостинницу. Длинные столы, съ букетами бумажныхъ цвѣтовъ, опять украсились рядами алыхъ мундировъ. Мы сѣли въ сторонѣ, за особымъ столомъ. Съ полковникомъ сейчасъ же заговорили русскіе офицеры, бывшіе въ гостинницѣ, и одинъ изъ нихъ, узнавъ о нашемъ намѣреніи ѣхать въ Карасубазаръ и дальше, снабдилъ насъ маршрутомъ и разсказалъ, кого гдѣ спросить и у кого остановиться. Въ Карасубазарѣ онъ рекомендовалъ городничаго, князя Звенигородскаго. Къ обществу окружавшихъ насъ офицеровъ скоро присоединился и султанъ Керимъ-Гирей. Онъ старался услужить полковнику, чтобы тотъ забылъ приключеніе съ Англичанами; между прочимъ, предложилъ намъ двѣ карты: русскую и французскую. Полковникъ взялъ, конечно, послѣднюю, какъ болѣе для него удобную.

Пришло время проститься съ Симферополемъ и Александромъ Ивановичемъ. Онъ подалъ намъ изрядный счетъ. Мы сѣли на лошадей и выѣхали по направленію къ Карасубазару.

Горы замѣтно стали понижаться, какъ бы уходя въ землю, и горизонтъ больше и больше вытягивался въ прямую линію.

— Не это ли вы называете степями? спросилъ меня полковникъ.

— Нѣтъ, это еще далеко не степь, отвѣчалъ я: — степей мы и не увидимъ.

Однако, на половинѣ дороги открылась передъ нами чрезвычайно ровная мѣстность, едва не степь. Мелькнули даже степныя птицы, какіе-то кулики, которыхъ я никакъ не могъ назвать любопытному Французу. Пронесся сивый лунь...

Я готовъ былъ сказать: «вотъ это степь!» Мнѣ даже хотѣлось достать въ то время откуда нибудь степь и показать Французамъ, какъ вдругъ опять пошли невысокіе, волнистые холмы. Нѣсколько деревень запестрѣло по склонамъ горъ. Одна лежала у насъ на пути, близь какой-то быстрой и довольно широкой рѣчки, черезъ которую былъ перекинутъ старый Екатерининскій мостъ изъ желтаго камня.

— Нельзя ли узнать, какая это рѣка? сказалъ полковникъ.

Я спросилъ у солдата, ѣхавшаго съ возомъ сѣна: онъ отвѣчалъ по обыкновенію: «не могу знать!» Два жида, только что спустившіеся съ моста въ бричкѣ, сказали, что это та самая рѣка, какая въ Симферополѣ.

— То есть Салгиръ? замѣтилъ полковникъ.

— Стало быть, Салгиръ, отвѣчалъ я.

— Скажите имъ, что они врутъ! Этого не можетъ быть: мы не должны переѣзжать Салгира!

Для повѣрки онъ досталъ карту, которую намъ далъ Султанъ. Вѣтеръ вырывалъ ее изъ рукъ, и мы едва-едва уладили дѣло вдвоемъ: я подъѣхалъ и сталъ держать карту, а полковникъ отъискивалъ рѣку. Рѣка нашлась, но имени поставлено не было. Въ эту минуту взъѣхали на мостъ двое Татаръ на своихъ скрипучихъ мажарахъ.

— Спросите у нихъ: они, навѣрное, знаютъ.

Я спросилъ: Татары отвѣчали, что это Бурульча́.

Мы поѣхали дальше, опять одни въ чистомъ полѣ. Странно было видѣть этотъ французскій поѣздъ въ нашихъ горахъ, еще недавно разносившихъ громкое эхо ихъ выстрѣловъ. Полковникъ былъ въ сюртукѣ съ эполетами и въ неизмѣнныхъ красныхъ брюкахъ съ чернымъ лампасомъ, что̀ означало принадлежность къ Главному штабу. Длинный, узкій палашъ качался на глянцовомъ ремнѣ. Сзади насъ ѣхали, позвякивая саблями,

два егеря, въ полной походной формѣ: въ голубыхъ однообортныхъ сюртукахъ съ желтымъ воротникомъ, въ бѣлыхъ перевязяхъ и съ карабинами за спиной. На головахъ у нихъ были красныя алжирки извѣстнаго покроя. Брюки были такія же красныя, какъ и у полковника, только безъ лампаса. Лошади арабскія, свѣтло-сѣрыя. Одинъ мосьё Саба́ былъ въ крымской французской шинели, съ мотавшимся позади башлыкомъ. Онъ ѣхалъ большею частію рядомъ со мной, слѣва, и я почти ежеминутно видѣлъ его арабскій профиль съ торчащей впередъ черной бородкой, его продолговатые глаза съ темными бѣлками и слышалъ его французско-арабское произношеніе.

Когда мосьё Саба отставалъ, я ѣхалъ рядомъ съ полковникомъ. Мы разговаривали о разныхъ разностяхъ, о Россіи, о Франціи, о Татарахъ, къ которымъ онъ имѣлъ большое сочувствіе.

Однажды разговоръ зашелъ о солдатахъ обѣихъ армій.

— Вашъ солдатъ холодно храбръ, сказалъ полковникъ: — и эту храбрость, можетъ быть, надо больше уважить; а нашъ храбръ горячо. Вы не можете представить, что̀ дѣлается съ ними, съ нашими маленькими солдатиками, когда они заслышатъ выстрѣлы и звукъ военнаго рожка: ружье на перевѣсъ — и пошелъ! Нельзя удержать; точно помѣшанный!.. Разница еще вотъ какая: нашихъ можно пустить иной разъ и безъ офицера: они сами распорядятся мѣстностью, все сообразятъ, годятся въ колоннѣ, годятся и въ разсыпномъ строѣ. Вашъ солдатъ безъ начальника теряется совсѣмъ. Онъ удивителенъ, неподражаемъ въ колоннѣ, которую ведетъ храбрый офицеръ. Говоря по совѣсти, нашимъ никогда не пойдти такъ на штыки; но въ разсыпномъ строѣ, въ штуцерныхъ застрѣльщикахъ онъ уже не то...

Я не могъ ничего возразить на это.

Между тѣмъ, мы двигались и двигались къ Карасубазару, — двигались тихо, шагомъ или, изрѣдка, небольшою рысью.

Вдали, за плоскимъ оврагомъ, мелькнули строенія: тѣсныя кучи домиковъ, минаретовъ и за ними бѣлыя полосы какихъ-то фабрикъ и магазиновъ. Надо было думать, что это Карасубазаръ; но вёрсты показывали больше. Это былъ, дѣйствительно, Карасубазаръ: насъ обманулъ чистый горный воздухъ, приближающій предметы. Скоро строенія опять скрылись, и мы ѣхали довольно долго, пока снова явился городъ.

— Что̀ это, Карасубазаръ? спросилъ я у прогремѣвшихъ на своей тяжелой телегѣ фурштатовъ.

— Такъ точно, Карась-базаръ! отвѣчалъ фурштатъ.

Русскій человѣкъ непремѣнно осмыслитъ чужестранное слово, если только можно.

Карась-базаръ выглянулъ изъ-подъ горы настоящимъ городкомъ. Явились довольно большіе каменные дома, окруженные деревьями, которыя только что начинали одѣваться свѣтлозеленымъ листомъ. Мѣстоположеніе Карасубазара очень живописно. Холмы, цвѣтущіе садами, придаютъ ему много жизни. Въ сторонѣ отъ города, на возвышенномъ мѣстѣ, мы увидѣли какую-то дачу. Это, какъ намъ сказали послѣ, остатки увеселительнаго дворца Государыни Екатерины. И здѣсь, въ пустыняхъ Тавриды, ежеминутно встрѣчаешь слѣды славнаго царствованія...

Мы переѣхали быструю Карасу, въ переводѣ — Черную рѣчку. Карасубазаръ, стало быть, будетъ *Чернорѣцкій базаръ*.

Когда мы въѣзжали въ первую улицу, довольно широкую и столько же пустынную, признаюсь, я не слишкомъ разсчитывалъ найдти удобное помѣщеніе въ Чернорѣцкомъ базарѣ, послѣ приключеній въ столицѣ Тавриды, Симферополѣ, который

между народомъ нерѣдко называется *Таврія.* Я вспомнилъ о маршрутѣ офицера и о городничемъ.

Направо, у крыльца какого-то домика, похожаго на постоялый дворъ, сидѣли двое людей, единственныя живыя существа, замѣченныя мною на первый разъ въ улицѣ. Я подъѣхалъ къ нимъ и спросилъ, гдѣ тутъ живетъ князь Звенигородскій, городничій.

— Мы не здѣшніе, отвѣчали они: — вотъ въ этомъ домѣ живетъ какой-то князь; а городничій онъ, или какой иной, мы того не знаемъ.

Мы двинулись къ дому *какого-то князя.* Оказалось, что это онъ-то и есть; но самого князя не было. Расторопный и учтивый слуга объяснилъ намъ, что князь уѣхалъ за городъ, въ садъ, гдѣ играетъ гренадерская музыка; что гренадеры выступаютъ и прощаются съ городомъ; завтра будетъ послѣдній вечеръ въ томъ же саду.

— А есть здѣсь гостинница съ хорошей конюшней?

— А вотъ близехонько отсюда: *Одесская*, самая лучшая, содержитъ одинъ Грекъ.

Гостинница оказалась недурная: былъ порядочный номеръ и еще порядочнѣе конюшня. Мы опять отправились прежде въ конюшню. Полковникъ велѣлъ дать фонарь, потому что уже стемнѣло, самъ осмотрѣлъ стойла для лошадей, мѣсто для ночевки егерей, и тогда уже мы пошли въ номеръ.

Не знаю, чего хотѣлось Французамъ послѣ переѣзда въ сорокъ верстъ, къ тому же верхомъ, а мнѣ смертельно хотѣлось чаю. Французская ловкость угадала это: полковникъ сказалъ тотчасъ же:

— Я думаю, надо поставить самоваръ, напиться чаю, а потомъ закусить.

— Отчего же не прежде закусить, а потомъ напиться чаю?

— Нѣтъ, ужь будемъ въ вашей сторонѣ дѣлать по вашему!

Самоваръ, какъ нарочно, былъ готовъ. Стаканы зазвенѣли... но вдругъ отворилась дверь, и въ комнату вошелъ городничій, брякая саблей. Ему уже было доложено о пріѣздѣ французскаго полковника.

Послѣ двухъ первыхъ словъ, онъ просилъ насъ къ себѣ на чай. Полковникъ, разумѣется, согласился.

Бравый Филибертъ, уже пристроившій лошадей, явился къ намъ попросту, безъ затѣй — въ одной рубашкѣ и въ брюкахъ; на головѣ у него была красная турецкая феска. Входя, онъ всякій разъ приподымалъ ее немного, и потомъ уже принимался за дѣло. Онъ натащилъ въ комнату столько разныхъ вещей: кожаныхъ мѣшковъ, запасныхъ шинелей, плащей, одѣялъ, дорожныхъ шарфовъ, банокъ съ ваксой, щетокъ, какъ будто за нами слѣдовало десять фургоновъ. Какъ ужь это все пристроивалось на лошадяхъ и было не видно, я не понимаю. Натащивъ этого добра, Филибертъ вычистилъ намъ всѣмъ платье, сапоги и шинели. Мы отправились. Я увидѣлъ на полковникѣ уже новый сюртукъ и другіе, свѣжіе эполеты.

Домъ князя былъ одинъ изъ лучшихъ въ городѣ. Проворный лакей выскочилъ на крыльцо и отперъ намъ двери.

Въ первой комнатѣ, куда мы вошли, собралось все семейство князя: княгиня, женщина съ добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ, дочь князя, уже невѣста, и еще двое-трое знакомыхъ. Все общество говорило по-французски.

Молоденькая княжна въ минуту очаровала Французовъ. Это была дѣвушка блистательной наружности, съ самыми изящными манерами. Встрѣтить такое явленіе въ глуши, на берегахъ Карасу, было бы поразительно хоть для кого, не только для насъ, не видавшихъ почти два года женскаго образа. Мы

провели вечеръ незамѣтно. Княжна пѣла русскіе и французскіе романсы, акомпанируя себѣ на прекрасномъ роялѣ. Нечего говорить, что я не зналъ, какими словами выразить благодарность моей дорогой соотечественницѣ за себя и за гостей.

Когда мы пошли домой, вдыхая свѣжій воздухъ южной ночи, полковникъ мнѣ сказалъ:

— Еслибъ не служба, чортъ возьми, пропалъ бы я мѣсяца на два, на три въ Карасубазарѣ! Вотъ какъ я люблю путешествовать!

Мы предполагали выѣхать завтра же, но любезность князя удержала насъ еще на день въ Карасубазарѣ: мы были приглашены участвовать въ праздникѣ, который давалъ городъ выступающимъ гренадерамъ.

На слѣдующій день, утромъ, едва мы напились чаю, какъ пріѣхалъ князь и предложилъ намъ взглянуть на городъ. Лошади были мигомъ осѣдланы, и мы поѣхали по улицамъ, сопровождаемые толпами народа, преимущественно Татаръ. Осмотрѣли древніе ташъ-ханы, родъ небольшихъ четырехугольныхъ крѣпостей, куда, по словамъ князя, предки нынѣшнихъ Татаръ запирались съ женами и богатствами во время набѣговъ сосѣднихъ народовъ. Взглянули на лавки, на старыя мечети и, наконецъ, съ одного холма, на весь городъ. Князь, какъ хозяинъ, умѣлъ показать Карасубазаръ съ самой выгодной точки. За прогулкой естественно послѣдовалъ кофей въ домѣ князя.

Вечеромъ грянула музыка въ саду предводителя Рудзевича. Не буду говорить о самомъ садѣ: весь Крымъ можно превратить въ одинъ пышный садъ. Все лучшее населеніе города собралось туда повеселиться. Барышни и молодыя дамы танцовали съ офицерами на лугу, танцовали, какъ танцуютъ въ уѣздныхъ городкахъ: до упаду, съ какимъ-то отчаяніемъ.

Княжна танцовала меньше всѣхъ: она занимала полковника, который цѣлый вечеръ носилъ на рукѣ ея бѣлую мантилью...

Когда стало холодно, дамы начали разъѣзжаться. Это былъ часъ 11-й ночи. Мужчины сгруппировались въ одной аллеѣ около дивизіоннаго генерала Крылова, котораго офицеры любили безъ памяти. Такихъ трогательныхъ отношеній между начальникомъ и подчиненными я рѣшительно не видывалъ. Музыканты съиграли два-три марша и въ заключеніе *Боже, Царя храни*. Потомъ всѣ пошли ужинать въ домъ предводителя. Ужинъ былъ чудесный...

На другой день мы провели утро у князя. Мой полковникъ вздумалъ ѣхать въ Ѳеодосію на почтовыхъ. Мы взяли подорожную и покатили. Полковника занимало слово podorojni, которымъ онъ окрестилъ *подорожную*, и, сколько я ни поправлялъ его, онъ твердилъ свое. Всю первую станцію онъ повторялъ podorojni. Мы мчались лихо и въ одномъ мѣстѣ вылетѣли изъ тележки. Я испугался, не случилось ли чего; но мои Французы (мосьё Сабà былъ тоже съ нами) уже стояли на ногахъ и хохотали что есть мочи.

— Вотъ и приключеніе! говорилъ полковникъ: — c'est bien, c'est très bien!

На слѣдующей станціи намъ дали такихъ же добрыхъ лошадей, потому что по этой дорогѣ не было большаго гона и станціи содержались исправно.

Въ 10 часовъ ночи мы пріѣхали въ Ѳеодосію и нашли славную гостинницу, чай и ужинъ. Гòрода мы не могли разсмотрѣть впотьмахъ. При въѣздѣ мелькнули только старыя генуэзскія башни, напомнившія намъ извѣстную осаду.

Утро слѣдующаго дня было холодно и сыро. Даже побрызгивалъ дождь. Мы пошли съ полковникомъ явиться къ командующему Ѳеодосійскимъ отрядомъ, генералъ-лейтенанту барону

Врангелю. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать. Обѣдъ былъ большой и парадный. Подлѣ меня сидѣли два Англичанина, только что прибывшіе моремъ изъ Керчи и похожіе больше... не знаю на кого, только не на военныхъ. На нихъ были синіе сюртуки съ черными шнурками на груди, что-то въ родѣ венгерокъ. Брюки были спущены въ большіе сапоги. Странно было видѣть при этомъ нарядѣ саблю въ стальныхъ ножнахъ. Фуражки ихъ также не походили на военныя: синія, съ пестрымъ шахматнымъ околышемъ. Но собою, нечего сказать, эти Англичане были молодцы. Вообще я замѣтилъ, что у Англичанъ нѣтъ воинственной физіономіи. Все это какіе-то помѣщики

Послѣ обѣда мы прошлись по городу, который расположенъ у морскаго берега, довольно ровнаго при началѣ, но дальше идущаго холмами. Можно сказать, что Ѳеодосія опоясываетъ бухту въ видѣ полумѣсяца. Въ горахъ, на краю города, множество мельницъ. На концѣ, противоположномъ въѣзду, стоитъ таможня и карантинъ. Тутъ же еще нѣсколько старыхъ башенъ и стѣнъ. Въ бухтѣ мы замѣтили около десяти кораблей, австрійскихъ и сардинскихъ, которые держали карантинъ. Городъ вообще довольно великъ и красивъ, но пустыненъ.

Вечеромъ, на жиденькомъ бульварѣ, который стòитъ большихъ трудовъ и хлопотъ солдатамъ, приставленнымъ за нимъ смотрѣть, играла военная музыка и пѣли пѣсельники Калужскаго ополченія Жиздринской дружины. Сперва раздавалась протяжная, потомъ плясовая, и два плясуна выходили изъ рядовъ. Особенно отличились цыганъ Васька и цыганъ Максимка.

«Ребята, поди сюда и покажись!» кричалъ имъ, послѣ всякой пѣсни, съ бульвара, ополченный капитанъ, вошедшій въ настоящую помѣщичью колею. Васька и Максимка подходили къ бульвару, который, надо замѣтить, былъ гораздо выше

берега, гдѣ происходила пляска. Бульваръ въ этомъ мѣстѣ походилъ на крѣпостную стѣну. Столпившаяся публика подавала внизъ разные свертки плясунамъ. Англичане сыпали золотомъ.

Въ числѣ гулявшихъ по бульвару были двѣ-три дамы, въ зимнихъ салопахъ. Всѣхъ плѣняла хорошенькая Ш., жена гевальдигера... Но несносный холодъ и вѣтеръ скоро прогнали гуляющихъ.

По милости добраго коменданта, князя Гагарина, мы нашли у своего крыльца готовую тройку, заплатили хозяину гостинницы какую-то бездѣлицу и покатили.

Мы прибыли въ Карасубазаръ ночью. Хозяинъ, не узнавъ насъ, долго не отпиралъ. Дѣло въ томъ, что онъ сильно подкутилъ, по случаю провожанія гренадеръ, и вообще любилъ покучивать, вслѣдствіе чего полковникъ прозвалъ его Mr. Ivrognikoff.

На другой день, поутру, простясь съ княземъ, мы выѣхали изъ Карасубазара обратно въ Бахчисарай, съ проводникомъ-Татариномъ, потому-что Бодуену захотѣлось ѣхать горными дорогами, на что̀ онъ также имѣлъ позволеніе отъ штаба.

— Куда прикажете вести? спросилъ Татаринъ, котораго звали Муслядинъ.

— Деревню Конратъ знаешь: держи туда! сказалъ полковникъ.

Я настаивалъ, чтобы взять чего нибудь съ собой изъ съѣстнаго, потому что боялся не найти въ татарскихъ деревняхъ ровно ничего.

— Это напрасно, сказалъ полковникъ: — повѣрьте, что мы найдемъ все.

— Что̀ же все?

— Найдемъ хлѣбъ, масло, яицы, молоко, медъ, баранину, даже кофей!

— Ничего этого мы не найдемъ, отвѣчалъ я и, несмотря на увѣренія Француза, заѣхалъ-таки въ лавку и купилъ большой кусокъ сыру и хлѣба, которые и привязалъ къ сѣдлу.

Мы тронулись скорой рысью, сначала по ровнымъ мѣстамъ, но потомъ спустились въ горныя ущелья, покрытыя мелкимъ дубнякомъ, между которымъ изрѣдка попадались и большія дубовыя деревья и сосны. На днѣ ущелій шумѣли потоки. Всякую минуту можно было останавливаться и любоваться дикой природой. Ничего не было, кромѣ скалъ, кустовъ и шумящихъ потоковъ; а между тѣмъ, какая прелесть и какое разнообразіе на каждомъ шагу!

И опять было странно видѣть въ этихъ ущельяхъ чуждый имъ поѣздъ, который тянулся гуськомъ, почти безмолвно, потому-что узкія горныя тропинки не позволяли ѣхать рядомъ. Только слышалось бряканье сабель.

Раза два мелькнули въ долинахъ какія-то деревушки съ садами и огородами. Строеніе было порядочное. Кое-гдѣ въ загородяхъ бродили лошадки; но жителей мы не видали. Часовъ въ 7 вечера явился и Конратъ, довольно большая деревня. Предположено было въ ней ночевать. Нашъ проводникъ ускакалъ впередъ, и черезъ нѣсколько минутъ вышли къ намъ навстрѣчу три-четыре Татарина, одѣтые весьма порядочно, кланялись, прикладывали руку къ сердцу и говорили: *хошь кельды! хошь кельды!* (милости просимъ!) Потомъ, взявъ подъ уздцы нашихъ лошадей, они пошли рядомъ съ нами и указывали дорогу. Такимъ образомъ мы въѣхали во дворъ одного довольно большаго дома. Впрочемъ, подобныхъ домовъ кругомъ было много.

На дворѣ сейчасъ явилась куча Татаръ. Всѣ намъ кланялись и повторяли: *хошь кельды!* Лошади мигомъ были пристроены, егерямъ нашлась особая клѣть; а мы вошли въ небольшой покой съ землянымъ поломъ, устланнымъ войлоками

и подушками. Въ каминѣ пылалъ огонь, до того пріятный намъ въ ту минуту, что я, кажется, до сихъ поръ чувствую его волшебную теплоту. Я забылъ свою бурку въ Симферополѣ у Александра Ивановича, хотѣлъ купить въ Карасубазарѣ другую, но не успѣлъ. Мосьё Сабà снабдилъ меня резиновымъ плащемъ. Это немного помогло; но все-таки было холодно. Само собою разумѣется, что я тотчасъ же, ввалившись въ татарскую избу, пристроился къ огню на горѣ подушекъ. Французы мои, уживчивые со всякимъ положеніемъ не хуже нашего брата, истинные солдаты, сдѣлали тоже. Въ избу набилось десятка полтора Татаръ, и всѣ усѣлись въ дружелюбный кружокъ около огня и закурили трубочки. О, какъ было тогда пріятно и весело! Мнѣ казалось, что я вижу сонъ, особенно, когда стали осуществляться одно за другимъ предсказанія Француза: явился чугунный горшокъ; хозяйка растопила въ немъ немного масла и начала пускать въ него небольшія лепешки, которыя сію же минуту, бурча и треща, выходили готовыми и клались ею рядкомъ на деревянномъ блюдѣ, поставленномъ передъ нами на низкомъ столикѣ — *софрà;* (нашъ столъ, на высокихъ ножкахъ, Татары такъ и называютъ *столъ*). Лепешки эти, по-татарски *кейгачà*, были очень вкусны. Затѣмъ явилось нѣчто въ родѣ яичницы, хлѣбъ, медъ и наконецъ кофей съ сахаромъ, въ небольшихъ фарфоровыхъ чашкахъ цареградскаго происхожденія, которыя ставились въ другія мѣдныя чашечки, чтобы не обжечь рукй. Французъ торжествовалъ; я не зналъ, чтò и говорить, и глядѣлъ въ огонь, думая о Татарахъ... Между тѣмъ, одинъ изъ гостей хозяина, молодой и ловкій Татаринъ, имѣвшій атлетическія руки, на которыя мы все время любовались, живо подавалъ собесѣдникамъ чашку за чашкой. Все общество было просто и нецеремонно. Всѣ пили съ нами кофей и глядѣли намъ въ глаза такъ добродушно, были намъ такъ рады... Хозяйкѣ

въ приготовленіи блюдъ иногда помогала ея дочка, дѣвочка лѣтъ 12-ти, очень красивая, не имѣвшая въ лицѣ ничего татарскаго. Впрочемъ, я встрѣчалъ между Татарками много такихъ лицъ. Косы ея были такъ же мелко заплетены, какъ и у городскихъ дѣвочекъ-Татарокъ, и лежали по плечамъ. На головѣ была красная феска съ синей кистью

Пока все это дѣлалось, затопили *собу*, низенькую печку въ видѣ опрокинутаго котла, имѣвшую подтопку изъ той же комнаты, гдѣ мы сидѣли; а самая печка выходила въ другую сосѣднюю комнату.

— Откуда вы берете дрова? спросилъ я у хозяина, разумѣется, по-татарски, потому что ни онъ, ни гости его не знали ни слова по-русски.

— У насъ есть лѣсъ, принадлежащій къ деревнѣ, отвѣчалъ онъ: — слава Богу, въ дровахъ мы не нуждаемся!

Когда сосѣдняя комната нагрѣлась, насъ пригласили въ нее. Мы нашли готовыя чистыя постели, покрытыя ситцевыми стеганными одѣялами. Комната глядѣла очень чисто, была выбѣлена кругомъ и даже имѣла стеклянныя окна. Въ особенности поразило меня множество подушекъ и тюфяковъ. Они лежали на двухъ большихъ сундукахъ, вплоть до потолка. Я насчиталъ 15 тюфяковъ и столько же одѣялъ.

О, какъ мы заснули!

Утромъ опять затрещалъ огонь въ первой комнатѣ и она наполнилась посѣтителями, когда мы, одѣвшись, вошли и присѣли къ камину. Опять заурчали *кейгача̀*, явился медъ и кофей. Егерей нашихъ накормили до отвалу. Полковникъ расплатился щедро и съ хозяиномъ, и съ проводникомъ. Я видѣлъ изумленіе на ихъ лицахъ, когда они считали монеты. Изъ устъ въ уста перебѣгало: «бешъ кумы̀шъ! еди кумы̀шъ!» (пять серебромъ! семь серебромъ!)

Лошади наши стояли осѣдланы. Явился новый проводникъ, верхомъ же, по имени Мегнаджé; мы сѣли и тронулись по направленію къ деревнѣ Джанатàй.

Но этотъ проводникъ былъ не такъ ловокъ, какъ первый, и не слишкомъ хорошо зналъ дорогу. Доѣхавъ до ближней деревни, наполненной солдатами, которые глядѣли на насъ съ удивленіемъ, онъ сталъ просить, чтобъ его перемѣнили. Но мы не нашли другаго и должны были отправиться далѣе съ нимъ же. Разспрашивали пастуховъ, которые тоже врали. Полковникъ потерялъ терпѣніе и хотѣлъ вести насъ самъ, какъ вдругъ между горами явился вожделѣнный Джанатàй, почти такая же по величинѣ деревня, какъ и Конрàтъ. Точно также проводникъ поскакалъ впередъ отъискивать для насъ помѣщеніе: точно также вышли къ намъ навстрѣчу Татары съ поклонами и *хошь-кельды́*, взяли подъ уздцы лошадей и ввели насъ во дворъ одного домика. Мы закусили *кейгачà*, хлѣба съ молокомъ, выпили по двѣ чашки кофею и снова въ путь.

Новый проводникъ, Сейдаме́тъ, скакалъ передъ нами, но — увы! — онъ былъ еще плоше, чѣмъ второй. Онъ вовсе не зналъ дороги. Въ одномъ мѣстѣ, на довольно ровной полянѣ, когда мы уже миновали Чатырдагъ, который былъ отъ насъ верстахъ въ десяти налѣво, увитый легкими облаками, — полковникъ, слѣдившій съ самаго начала за проводникомъ, вдругъ остановился и сказалъ:

— Вретъ, вретъ! Надо ѣхать налѣво!

Татаринъ, дѣйствительно, вралъ, и признался, что не знаетъ дороги влѣво, а что вправо есть выѣздъ на шоссе.

— Да намъ не нужно шоссе! отвѣчалъ полковникъ: — веди насъ налѣво!

Татаринъ отказался. Полковникъ нетерпѣливо поскакалъ подъ и мы всѣ поскакали за нимъ.

Вдали, на скалахъ, явилось неизвѣстное селеніе. Мы стали держать путь къ нему. Въ сторонѣ, въ горахъ, показался какой-то охотникъ съ ружьемъ. Мы послали Татарина объясниться съ нимъ и разспросить, куда дорога на Бахчисарай и далеко ли до него. Охотникъ оказался Русскій и не могъ понять Татарина. Пришлоеь разспрашивать мнѣ. Дорога лежала такъ, какъ мы ѣхали; потомъ, онъ говорилъ, надо повернуть направо, и тутъ ужь пойдетъ одна большая дорога: не собьетесь!

— А сколько верстъ до Бахчисарая?

— Верстъ десять.

Я разсказалъ полковнику все, что̀ узналъ отъ охотника.

— По моему, дорога должна лежать прямо черезъ горы, а не направо, отвѣчалъ полковникъ, удивляя меня болѣе и болѣе: — видите вы этотъ острый утесъ?

— Вижу.

До утеса было болѣе версты, и весь онъ покрытъ былъ густымъ лѣсомъ. Конечно, никакое зрѣніе не могло отличить тамъ дороги. Кромѣ сплошнаго, синѣющаго лѣса ничего не было видно.

— По моему, дорога должна идти подъ этимъ утесомъ, сказалъ полковникъ.

Между тѣмъ, мы подвигались къ деревнѣ, которую видѣли уже давно изъ долины. Въ деревнѣ также находился постой солдатъ. Когда мы перебрели рѣку и въѣхали въ улицу, намъ стали попадаться солдаты. Я спросилъ у одного о дорогѣ: онъ указалъ направо, какъ и охотникъ.

— Разспросите хорошенько, нѣтъ ли дороги прямо.

Я сталъ разспрашивать, не ѣздятъ ли прямо, и одинъ солдатъ сказалъ, что ѣздятъ, но гдѣ эта дорога, онъ не знаетъ, что надо спросить у Татаръ. Татары показали тотчасъ, и мы

двинулись кустами, по широкой тележной дорогѣ, которая, дѣйствительно, окружила острый утесъ, указанный заранѣе полковникомъ.

Скоро показались вдали знакомыя для насъ вершины горъ, сосѣднихъ Чуфутъ-Калѐ, которыя мы еще недавно осматривали вмѣстѣ съ Тепекермана. Тутъ уже не было никакого труда отъискивать дорогу, особенно, когда въ концѣ долины, идущей къ Чуфутъ-Кале, нарисовался конусообразный, красивый Тепекерманъ.

Мы въѣхали въ Бахчисарай черезъ Салачикъ, т. е. съ противоположнаго конца. Квартира полковника, находившаяся въ той сторонѣ, по счастію, была никѣмъ не занята, но конюшни не было. Я пригласилъ моихъ спутниковъ на чай и поскакалъ домой. Было часовъ 10 ночи. Бахчисарай, по обычаю, спалъ глубокимъ сномъ, а я, по своему русскому обычаю, отдалъ кучеру лошадь — не знаю, что̀ съ ней сталось — а самъ пошелъ въ комнату, преобразился въ тулупъ, велѣлъ затопить печь и сѣлъ за самоваръ, ожидая гостей.

Прошло около часу времени, а ихъ не было. Я уже думалъ, что они не придутъ, раздѣлись, раскисли съ дороги, какъ и я... Вдругъ зазвенѣли сабли. Полковникъ вошелъ въ томъ же дорожномъ костюмѣ, въ шинели, съ нагайкой въ рукахъ, которую ему подарилъ князь Звенигородскій.

— Представьте: я все ѣзжу по Бахчисараю, никакъ не найду мѣста, гдѣ бы устроить на ночь лошадей и людей. Нѣтъ ли у васъ?

У меня дворъ былъ изрядный; но, по какой-то фантазіи хозяина, не было воротъ въ заборѣ, а существовала одна узенькая калиточка. Я объяснилъ это полковнику.

— Какъ же быть? дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, проводника: мы поѣздимъ еще и поищемъ.

Я далъ кучера. Они странствовали еще около часу, уладили кое-какъ лошадей и прислугу, и тогда полковникъ и мосьё Саба̀ явились ко мнѣ на чай.

Но дѣло было все еще не кончено: мой кучеръ ходилъ потомъ въ трактиръ и взялъ егерямъ и проводнику-Татарину ужинъ. Тогда только гости мои успокоились совершенно.

Слѣдующій день мы проводили въ Бахчисараѣ, ходили по лавкамъ, накупили разныхъ мелочей: нагаекъ, кошельковъ, полотенецъ. Послѣ обѣда полковникъ являлся къ начальнику штаба и выпросилъ у него позволеніе взять меня къ себѣ въ Байдары и въ лагерь.

Мы выѣхали на другой день, часовъ въ двѣнадцать, а мосьё Саба̀ былъ отпущенъ впередъ съ однимъ егеремъ. Съ нами остался бравый Филибертъ.

— Теперь *я* вашъ проводникъ! сказалъ полковникъ: — мы поѣдемъ такъ: обогнемъ Тепекерманъ, а потомъ черезъ Каралезъ и Ай-Тодо̀ръ спустимся въ Байдарскую долину.

Съ этой минуты началось мое постоянное удивленіе свѣдѣніямъ и соображеніямъ полковника въ дорогахъ. Онъ велъ насъ такими трущобами, гдѣ, конечно, не былъ никто изъ Французовъ. Бо̀льшею частію мы ѣхали частымъ лѣсомъ, безпрестанно нагибаясь отъ сучковъ, которые грозили сорвать съ насъ фуражки. Доро̀гъ вовсе не было, ни даже тропинокъ. Одинъ лѣсъ и лѣсъ. Я часто слыхалъ жалобы на недостатокъ лѣса въ Крыму; но я не знаю, какого еще имъ надобно лѣса...

Мы такъ долго ѣхали кустами, что я совсѣмъ сломалъ шею, безпрестанно нагибаясь, два раза ронялъ фуражку и потому сталъ просить моего спутника выбрать другую дорогу.

— А вотъ мы сейчасъ съѣдемъ въ долину и увидимъ впаденіе одного ручья въ другой, сказалъ Бодуенъ.

Дѣйствительно, мы съѣхали въ долину и увидѣли слитіе ручьевъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, налѣво, показалась деревенька, опять съ виду пустынная. Мы никакъ не могли отъискать глазами ни одного живаго существа. Куда все это прячется, неизвѣстно; а въѣзжай въ деревню, сейчасъ зашевелятся и полѣзутъ одкуда-то Татары.

Дорога пошла снова въ гору и лѣсомъ. Еще виднѣлся красивый Тепекерманъ, изрытый вверху пещерами. Поднявшись на одну горку, съ небольшой поляной, полковникъ вздумалъ сдѣлать маленькій роздыхъ. Мы слѣзли съ лошадей. Тутъ случилось со мной одно происшествіе, которое я опишу въ предостереженіе путешественникамъ, странствующимъ верхомъ. Я купилъ въ Бахчисараѣ новую бурку и хотѣлъ было, выѣзжая, ее надѣть, но лошадь никакъ не подпускала меня въ ней, пятилась и брыкалась. Я принужденъ былъ отдать бурку Филиберту, который все время, до роздыха, нянчился съ нею, что̀ меня, конечно, стѣсняло. Остановясь на горкѣ, я предложилъ ему привязать бурку въ мои торока. Но лишь только онъ подошелъ, какъ лошадь моя, которую я держалъ подъ уздцы, бросилась въ сторону, сбила меня съ ногъ и ускакала въ лѣсъ.

Мы кинулись съ Филибертомъ ее ловить, но, разумѣется, сейчасъ же оставили свое намѣреніе: бѣгать за лошадью по горамъ и кустамъ не было никакой возможности.

— Попробую, стану кормить свою лошадь овсомъ, сказалъ Филибертъ: — не подойдетъ ли и ваша?

Онъ разсыпалъ немного овса въ двухъ кучкахъ. Лошадь, дѣйствительно, подошла и стала ѣсть, но озиралась и никакъ не позволяла къ себѣ приблизиться. Движеніе Филиберта или мое опять прогоняло ее въ лѣсъ, и она опять носилась кругами по кустамъ, брыкая задомъ. Все это тянулось довольно

долго, съ разными промежутками. Время уходило. Я просто былъ въ отчаяніи.

— Что жь намъ теперь дѣлать? спросилъ я полковника, который сидѣлъ на травѣ, тоже, нетерпѣливо поглядывая на эту сцену. Son petit cheval noir — какъ называлъ онъ своего статнаго турецкаго жеребца — ходила подлѣ него на свободѣ, не замышляя ни о какомъ побѣгѣ.

— Остается одно средство, сказалъ полковникъ: — вы садитесь на Филибертову лошадь и поѣдемъ: ваша лошадь, навѣрное, пойдетъ за нами и, когда попривыкнетъ, можно будетъ ее поймать. Voilà le moyen!

Мы сѣли и поѣхали. Лошадь, дѣйствительно, пошла, и я скоро, въ одной густой аллеѣ, схватилъ ее за узду. Филибертъ, шедшій сзади, сію минуту на нее вскочилъ, и дѣло было кончено. На первой полянѣ мы помѣнялись лошадьми и продолжали путь.

Лѣсъ сталъ снова рѣдѣть. Мы спустились въ долину, къ рѣкѣ, довольно мелкой, но широкой и быстрой. Какой-то Татаринъ мылъ въ ней ноги, стоя по колѣно въ водѣ.

— Спросите у него, такъ ли мы ѣдемъ на Каралезъ, сказалъ полковникъ: — повѣрить себя никогда не мѣшаетъ.

Татаринъ не могъ этого объяснить, а только сказалъ, что дорога, по которой мы ѣдемъ, ведетъ на деревню Лякà.

— Лякà? значитъ такъ! сказалъ полковникъ: — а за нею будетъ Ай-Тодòръ, на весьма живописномъ мѣстѣ. Это бывшее имѣніе извѣстнаго Палласа, который много писалъ о Крымѣ.

Мы перебрели рѣку и поѣхали опять въ гору, нѣсколько вправо, по широкой тележной дорогѣ. Впрочемъ, и до рѣки, версты съ двѣ, была дорога тоже тележная.

Вскорѣ показалась Лякà. Мы взяли правѣе, все болѣе и

болѣе подымаясь въ гору, потомъ повернули влѣво, огибая глубокій оврагъ, и увидѣли на зеленѣющемъ холмѣ Ай-Тодòръ, окруженный садами. Мѣсто было удивительное, райское. Итакъ, вотъ гдѣ жилъ трудолюбивый Палласъ! Я долго смотрѣлъ на Ай-Тодòръ, съ нѣкоторымъ чувствомъ зависти къ тѣмъ, кто тамъ обитаетъ. Дорога пошла опять направо и все-таки въ гору. Еще до того времени полковникъ иногда останавливался на пути, отдѣлялся отъ насъ, взъѣзжалъ на вершины холмовъ и осматривался кругомъ, какъ бы повѣряя себя; но съ этой минуты, когда миновали мы Ай-Тодòръ, онъ поѣхалъ, не останавливаясь, какъ по самой знакомой дорогѣ. Надо думать, что ему помогали высокія окрестныя скалы, которыя онъ могъ изучить издали, съ какой нибудь горы, примыкающей къ Байдарской долинѣ. Но быть въ этихъ мѣстахъ въ послѣднее время, повторяю, ни онъ, никто другой изъ Французовъ не могъ.

Уже давно пропали Тепекерманъ и сосѣднія ему, знакомыя мнѣ вершины. Надо было полагать, что мы находимся не вдалекѣ отъ Каралеза. Я вспомнилъ о Мангупъ-Калé, котораго развалины показываются далеко, когда подъѣзжаешь къ Каралезу.

— Гдѣ же Мангупъ? спросилъ я полковника.

— Мы сейчасъ его увидимъ, отвѣчалъ онъ. А вотъ это, направо, Сюйренская башня. Въ книгѣ Кеппена, которую вы мнѣ показывали и которая есть также и у меня, сдѣланъ очеркъ этой башни.

Сюйренская башня торчала, какъ зубецъ, на краю одной скалы. Мы спустились опять въ долину, перебрели рѣчку и въѣхали въ какое-то селеніе, наполненное солдатами.

— Это долженъ быть Албàтъ, сказалъ чародѣй-полковникъ, кажется, нарочно стараясь озадачивать меня знаніемъ дороги.

Я увидѣлъ скоро столбъ и дощечку съ надписью: *Лѣсной Албатъ*.

Мы опять поднялись кверху. Явился Мангупъ. Вдали, гораздо правѣе, въ лощинѣ, я узналъ два дружки-холма, почти всегда зеленые, къ которымъ привыкаешь, проѣхавъ раза два-три изъ Бахчисарая въ Севастополь. Между ними вилась дорога. Все уже было мнѣ знакомо.

— Скоро, скоро Каралезъ! сказалъ полковникъ.

Но я зналъ это и безъ него. Мы въѣхали въ какую-то деревню.

— Эта деревня должна быть Біюкъ-Сюрмѐнь, сказалъ онъ, озадачивая меня въ послѣдній разъ.

— Онъ самый! замѣтили солдаты, высыпавшіе изъ землянокъ поглядѣть на насъ.

Тутъ все еще смотрѣло по прежнему, пахло войною. Зеленѣли кучи зарядныхъ ящиковъ. Кое-гдѣ чернѣли туры приземистыхъ батарей и выглядывали мѣдныя пушки. Тамъ и тамъ ходили часовые.

Памятныя мнѣ, странныя скàлы, образовавшіяся какъ будто теченіемъ большой массы воды, — скàлы, окружающія Каралезъ, показались вдали. За ними, на горѣ, еще виднѣлся маякъ. Скоро открылись темные и густые сады Каралеза. Мелькнули домики... Я отличилъ тотчасъ бывшее управленіе генералъ-квартирмейстера, съ рядомъ красивыхъ, безконечныхъ тополей. Правѣе, на берегу рѣки, бѣлѣлъ домикъ, гдѣ жила извѣстная по своимъ похожденіямъ Гречанка М***, съ которой я познакомился въ бытность мою въ Каралезѣ, когда тамъ стоялъ Главный штабъ. Ея ковры, низенькіе восточные диваны, ея солдатская шинель, ея черныя кудри и даже ея кофей пришли мнѣ мигомъ на память. Извѣстно, какъ много значитъ присутствіе недурной, образованной женщины между солдата-

ми, въ лагерѣ, на военныхъ бивуакахъ; какъ все влечется къ ней и оживляется ею... Я подумалъ: «гдѣ-то она, эта бурная Гречанка на Кавказѣ, и потомъ первая сестра милосердія въ Севастополѣ?..»

Сколько разныхъ воспоминаній закружилось у меня въ мысляхъ при взглядѣ на маленькій домикъ, уже опустѣвшій... Полковникъ давно поворотилъ влѣво и ѣхалъ рысью, а я все еще мечталъ, отставъ отъ него и даже отъ Филиберта, который опередилъ меня, прогремѣвъ своей тяжелой саблей и спѣша за командиромъ.

— Надо ѣхать поскорѣе, сказалъ мнѣ Бодуенъ, когда я его догналъ: — уже вечерѣетъ, а дорога въ Байдары довольно дурна.

Мы поѣхали скорой рысью, повернувъ ущельемъ направо. Въ горѣ билъ какой-то фонтанъ, обдѣланный каменными плитами; нѣсколько солдатъ брали воду. Полковникъ назвалъ мнѣ его, но я забылъ это названіе. Мы промчались довольно скоро мимо фонтана, по широкой, бѣлой дорогѣ, оставляя влѣвѣ развалины Мангупа. Еще раза два попались намъ батареи, пересѣкающія дорогу, но уже пустыя. Мѣстами, въ сторонѣ, виднѣлись казачьи пикеты, то съ народомъ, то оставленные. Дорога пошла въ гору, довольно густымъ кустарникомъ. Разнообразные, лѣсистые холмы раскидывались кругомъ. Вотъ какой-то хуторокъ и вмѣстѣ послѣдній казачій пикетъ. Изъ-за крыши одного домика торчали прислоненныя къ ней пики. Когда миновали мы домикъ, изъ-за угла выглянулъ казакъ и сказалъ товарищу, котораго было не видно: «какіе-то офицеры! кажется, Французы... спросить, что ли?» Больше я не слыхалъ его разсужденій. Покамѣстъ онъ собирался разспрашивать, мы были уже далеко.

— Теперь мы во Франціи! сказалъ полковникъ.

Странно было это услышать, странно было увидѣть мѣста, куда еще недавно мы не могли переступить безъ боя. Неопредѣленное чувство любопытства охватывало въ минуту и тутъ же смѣнялось какой-то досадой... Конечно, совсѣмъ иное думалъ и чувствовалъ тогда полковникъ, нюхнувшій знакомаго дыма родныхъ, далекихъ лагерей.

— Да, это Франція! повторилъ онъ опять, и потомъ уже не говорилъ объ этомъ ни слова.

Раза два мы спустились въ долину и опять поднялись вверхъ, поворачивая то вправо, то влѣво, а Байдарская долина все еще не показывалась. Я выразилъ мое нетерпѣніе.

— Сейчасъ, сейчасъ мы ее увидимъ, сказалъ полковникъ: — вотъ за этими горами.

Но до горъ было еще далеко. Мы ѣхали по высотамъ, широкой, каменистой дорогой. Налѣво шелъ крутой яръ, покрытый кустами. И всюду были кусты, даже, можно сказать, лѣсъ. Но зелени было немного, меньше, чѣмъ у насъ въ Бахчисараѣ.

— Съ чего же это взяли, что въ Байдарской долинѣ давнымъ-давно цвѣтутъ розы? спросилъ я.

— Какія тутъ розы, когда еще ни одно дерево путемъ не распустилось! сказалъ полковникъ.

— Меня увѣрялъ одинъ майоръ, стоявшій здѣсь съ отрядомъ, что онъ самъ видѣлъ...

— Развѣ только во снѣ...

— А это что за квадраты и кружки, спросилъ я: — слѣды какихъ-то лагерей?

— Да, это наши бывшіе аванпосты, сказалъ полковникъ.

Кое-гдѣ, на мѣстѣ стоявшихъ нѣкогда палатокъ, валялись клочки одеждъ, лоскутки краснаго сукна, башмаки, разбитыя

бутылки. Индѣ остались слѣды горѣвшихъ когда-то костровъ. Все это было странно и любопытно видѣть. Мы проѣхали пять-шесть такихъ лагерей по ровной и широкой дорогѣ; но потомъ стали попадаться баррикады изъ камней и большихъ срубленныхъ деревьевъ, а въ одномъ мѣстѣ мы наѣхали на четырехугольную яму, наполнившуюся водой, по множеству источниковъ, которыми была насыщена вся почва: вездѣ, хотя это было очень высоко, на самомъ гребнѣ горъ, проступали ключи. Передъ ямой возвышалась баррикада изъ камней, и потомъ шла другая, такая же. Мы насилу–насилу могли объѣхать это мѣсто по маленькой, едва замѣтной тропѣ, протоpенной конскимъ копытомъ. Вся дорога, по которой мы ѣхали, была крѣпко убита и хранила слѣды многихъ колесъ и лошадей.

— Вотъ и Байдарская долина! сказалъ полковникъ.

Красивая, почти необозримая долина раскинулась передъ нами, но еще далеко, въ глубинѣ. Кое-гдѣ чернѣли по ней кучами и въ-разсыпную деревья и кусты; виднѣлось пять-шесть деревень, перемѣшанныхъ съ лагерями; индѣ курился дымокъ, заворачивая длиннымъ синеватымъ столбомъ по склону горы... Мы стали спускаться внизъ по камнямъ и уступамъ, убійственной дорогой. Направо и налѣво шли густые, нетронутые сады, высились громадныя деревья. Земля была сыра, и, говорятъ, она вѣчно здѣсь такая. Мы спускались долго, съ версту или больше, и наконецъ съѣхали въ долину. Уже темнѣло. Въ ближайшемъ лагерѣ грянулъ рѣзко барабанъ: заиграли зорю. Трудно было различать предметы. Мы пустились рысью по ровному, влажному лугу, изрѣзанному ручьями; иногда переѣзжали ихъ въ бродъ, иногда принуждены были искать моста. Мнѣ хотѣлось скорѣе взглянуть на Французовъ въ ихъ лагерѣ, дома; но это не удалось. Мы проѣзжали кучи темнѣвшихъ палатокъ, подъ которыми шелъ говоръ, свѣтился огонь. Я видѣлъ въ сторонѣ большія фуры, лошадей, поставленныхъ въ рядъ;

но все это въ темныхъ, неопредѣленныхъ массахъ: ночь спустилась въ долину совсѣмъ.

Въ одномъ мѣстѣ мы проѣхали двѣ большія батареи, расположенныя одна отъ другой саженяхъ во ста или немного болѣе. Обѣ онѣ были пусты.

Мы все ѣхали рысью, перерѣзали всю долину и наконецъ въѣхали въ Байдары, довольно большую деревню, гдѣ была квартира полковника: низенькій татарскій домикъ, совершенно закрытый высокимъ досчатымъ заборомъ, въ которомъ было двое воротъ.

— Эй, кто тамъ есть? отворите! крикнулъ онъ.

— Добраго здоровья, полковникъ! отвѣчалъ голосъ.

— Что, какъ живете? все ли хорошо? спросилъ онъ опять, все еще за досчатой оградой.

— Все хорошо, полковникъ! отвѣчалъ тотъ же голосъ.

Ворота заскрипѣли, и мы въѣхали во дворъ. Тотчасъ кинулось нѣсколько человѣкъ принимать нашихъ лошадей. Кто-то крикнулъ на слѣдующемъ дворикѣ по-русски: «эй, вы, кавалеры!» что̀ меня, конечно, озадачило; но тутъ же это слово потерялось въ сотнѣ другихъ приказаній на французскомъ языкѣ, и я забылъ о немъ. Мы вошли, нагнувшись, въ домикъ, который былъ обыкновеннаго татарскаго устройства: въ серединѣ крохотныя сѣни, комната направо и комната налѣво.

Налѣво слышался говоръ. Мы переступили порогъ и увидѣли накрытый столъ, за которымъ сидѣло двое офицеровъ. Они только что собирались обѣдать, но оба тотчасъ же вскочили и бросились къ полковнику съ объятіями, просто и безъ церемоніи. Онъ представилъ имъ меня.

— Давайте обѣдать, полковникъ! вы, конечно, чувствуете аппетитъ? сказалъ одинъ изъ нихъ, стройный и высокій, съ пріятнымъ, но крѣпко загорѣлымъ лицомъ, съ тонкими, краси-

выми усами. Сейчасъ было видно, что этотъ офицеръ принадлежалъ къ лучшему обществу. Обыкновенная, слишкомъ воинская посадка Французовъ смягчалась въ немъ простыми пріемами хорошаго тона.

Это былъ капитанъ д'Абзакъ, служившій въ Главномъ штабѣ. Одежду его составляла синяя крымская шинель, изъ-подъ которой виднѣлась черная куртка, шитая снурками. На головѣ была фуражка. Французы часто надѣваютъ фуражку и въ комнатѣ: это ихъ привычка.

Другой, пониже ростомъ, съ обыкновеннымъ выраженіемъ въ лицѣ, былъ обыкновенный армейскій офицеръ, по фамиліи Шареронъ, гусаръ, что̀ можно было узнать по голубому околышу его фуражки, — но узнать только посвященному въ ихъ формы. На немъ же самомъ была, какъ и на д'Абзакѣ, синяя крымская шинель.

— Давайте, закусимъ, сказалъ Бодуенъ: — но нельзя ли послѣ устроить чай для нашего гостя?

— Устроимъ и чай, сказалъ д'Абзакъ: — здѣсь есть огромный самоваръ, не знаю, кому принадлежащій; у меня есть и чай, кажется, хорошій, подаренный мнѣ на Мекензіевой однимъ русскимъ офицеромъ.

Самоваръ сейчасъ же былъ поставленъ на дворѣ, противъ нашихъ оконъ; кипѣлъ, кипѣлъ и ушелъ, потомъ опять былъ долитъ и опять ушелъ. Для служителя, здороваго парня, съ красными щеками и удивительными бровями, которыя онъ какъ будто нарочно старался таращить кверху, было, кажется, ново ухаживать за самоваромъ. Онъ поминутно спрашивалъ у меня совѣтовъ. Чай господамъ офицерамъ если и приготовлялся, то въ чайникѣ и разными другими способами, а самоваръ, позеленѣлый и заплѣсневѣлый, скрывался въ какомъ-то подземельѣ.

Служитель, который ставилъ самоваръ и подавалъ намъ обѣдать, былъ одѣтъ въ синей курткѣ и въ красныхъ брюкахъ. На ногахъ у него были деревянные башмаки на босую ногу. Онъ немного выпилъ, что̀ еще придало румянца его щекамъ, и я увѣренъ, что брови его отъ этого еще выше подымались. Безъ выпивки онѣ непремѣнно сидѣли ниже.

Онъ подалъ намъ что-то въ родѣ супа, потомъ двѣ жестянки съ разной дичью.

— Пожалуйста, попробуйте! сказалъ Шаревонъ: — это изъ Франціи, добавилъ онъ съ особымъ удареніемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «изъ нашей прекрасной Франціи!»

Потомъ подали котлеты; за ними, особо, салатъ и послѣ еще какую-то зелень. Въ промежуткахъ д'Абзакъ наливалъ мнѣ, себѣ и всѣмъ бордо, еще какого-то вина и кончилъ шампанскимъ. Между тѣмъ, Дезирѐ (имя служителя) принесъ дровъ, бросилъ ихъ въ татарскій каминъ и затопилъ.

Д'Абзакъ во время обѣда говорилъ безъ умолку. Матерьаловъ для разговора было много. Они ѣздили съ Шарерономъ на Южный берегъ верхами. Шареронъ едва не потерялъ на дорогѣ лошадь, точно такимъ же образомъ, какъ я. Ее поймалъ ему казакъ, имѣвшій необыкновенно красивую нагайку, обдѣланную въ серебро. Шареронъ и д'Абзакъ хотѣли купить нагайку у казака, давали рубль, два, наконецъ восемь; но казакъ не продалъ. Я сейчасъ отъискалъ свою нагайку и подарилъ д'Абзаку. Онъ въ ту же минуту подарилъ мнѣ свой французскій бичъ.

Возвращаясь съ Южнаго берега въ Байдары, они попали на смотръ войскъ, по случаю пріѣзда нашего главнокомандующаго въ гости къ Пелиссье. Д'Абзакъ расхваливалъ намъ изящные, блистательные костюмы Англичанъ и сыпалъ такими эпитетами, которые рѣшительно невозможны на другихъ язы-

какъ, кромѣ французскаго. Его акцентъ былъ чисто парижскій... Я почувствовалъ себя, дѣйствительно, во Франціи.

Вдругъ явилась Русь: огромный, перекипѣвшій самоваръ. Чай поручено было устроивать мнѣ. Нагнувшись надъ самоваромъ я прочелъ: *Иванъ Прокофьевъ въ Тулѣ*. Я обрадовался ему и глядѣлъ на самоваръ какъ на живое существо, точно въ него переселилась душа Ивана Прокофьева... Чай вышелъ недуренъ. Покамѣстъ мы пили его, Дезирѐ улаживалъ офицерамъ постели на полу. Было что-то поздно. Французскіе обѣды всегда тянутся очень долго. Глаза у всѣхъ стали невольно щуриться; языки сдѣлались вялы. Прежде всѣхъ спасовалъ Шареронъ, упалъ на первую готовую постель, зѣвалъ и что-то бурчалъ въ отвѣты, когда съ нимъ заговаривали.

— Ну, прощайте, господа! сказалъ Бодуенъ: — покойной ночи!

— Мы завтра ужь васъ не увидимъ, полковникъ! замѣтилъ д'Абзакъ.

— А что?

— Мы ѣдемъ рано: Я въ Штабъ, онъ въ полкъ.

Я сталъ звать ихъ въ Бахчисарай.

— А есть тамъ хорошенькія женщины? спросилъ д'Абзакъ.

— Покажу и женщинъ хорошенькихъ, пріѣзжайте только!

— Пріѣду, пріѣду!

Мы простились, какъ старые друзья, и я пошелъ на половину полковника. Впрочемъ, и та половина была его; но она назначалась больше для заѣзжихъ странниковъ, такихъ, какъ д'Абзакъ и Шареронъ. Всякій ѣхавшій мимо съ прогулки, откуда бы то ни было, могъ заѣзжать въ эту хату, обѣдать, ночевать, при хозяинѣ и безъ хозяина, рѣшительно во всякое время, и часто, шумная съ вечера, хата умолкала къ утру: заѣзжавшіе гости были уже отъ ней далеко.

Другая половина Бодуена, куда мы вошли, была точно такая же, какъ и первая, только отличалась нѣкоторымъ убранствомъ. У одной стѣны протягивался большой диванъ, и надъ нимъ висѣло зеркало. У окна помѣщался огромный столъ, почти пустой: лежали два-три номера руанской газеты (Бодуенъ былъ родомъ изъ Руана), стояла чернильница — и только. Въ углу маленькій шкапикъ наполненъ былъ книгами и журналами. Стѣны увѣшаны ландкартами. Подлѣ дивана и у кровати, закрытой пологомъ, стояли два деревянные ящика, въ родѣ вьюковъ, съ надписью: Beaudouin, chef d'Escadron de l'Etat Major général». На поперечной балкѣ, перекинутой черезъ комнату, какъ это обыкновенно дѣлается въ татарскихъ избахъ, я увидѣлъ наклеенныя бумажки съ цыфрами: 1, 2, 3 до 17.

— Это что̀ такое? спросилъ я.

— Это ваши дивизіи, отвѣчалъ полковникъ, улыбаясь.

Потомъ онъ досталъ изъ одного ящика-вьюка нѣсколько ландкартъ и разложилъ ихъ на столѣ. Иныя были рисованныя, иныя печатныя, но всѣ очень большія, занимавшія цѣлый столъ. Онъ смотрѣлъ недолго... Въ комнату вошелъ бѣлокурый господинъ въ синей шинели и красныхъ брюкахъ.

Это былъ его secrétaire, какъ онъ называлъ его, мосьё Пишо̀, человѣкъ довольно неопредѣленный. Онъ родился и выросъ въ Москвѣ, даже учился тамъ въ какой-то гимназіи и потому, разумѣется, говорилъ по-русски, какъ Русскій. Онъ даже во всѣхъ отношеніяхъ похожъ былъ скорѣе на Русскаго, чѣмъ на Француза. Для меня онъ казался переряженнымъ гимназистомъ старшихъ классовъ. Ка̀къ онъ попалъ во французскую службу, ужь я не знаю; служилъ прежде въ уланахъ, но передъ кампаніей взятъ въ Главный штабъ по тому случаю, что могъ объясняться по-русски. Чиномъ онъ былъ только еще солдатъ, хотя на фуражкѣ нашилъ себѣ немножко

золотца, такъ-что издали походилъ на офицера. Нечего и говорить, что ему принадлежало слово *кавалеры*, сказанное при нашемъ въѣздѣ во дворъ. Онъ, вѣроятно, замѣтилъ меня тотчасъ. Впрочемъ, онъ любилъ и своихъ озадачивать знаніемъ русскаго языка. Мы познакомились скоро и, конечно, заговорили по-русски. Пишо̀ засыпалъ меня калачами, красными яицами (по случаю приближающейся Святой), даже отпускалъ какіе-то пѣсни и романсы, которые сильно перевиралъ.

Немного погодя вошли въ комнату три Татарина и потомъ еще два, приблизились къ полковнику и поклонились, приложивъ руку къ сердцу; онъ далъ имъ поцѣловать руку, сказалъ какое-то татарское слово, не слишкомъ много думая, годится оно или нѣтъ въ настоящемъ случаѣ, — и тѣмъ дѣло кончилось. Татары поклонились мнѣ, одинъ сказалъ нѣсколько словъ по-русски, и потомъ ушли. Это были старшины селенія и хозяинъ дома.

Пишо̀ объявилъ мнѣ, что для меня готова комната и постель, и если я хочу спать, то онъ меня проводитъ. А я только объ этомъ и думалъ.

Мы пошли по темнымъ улицамъ. Селеніе уже спало. Пройдя домовъ пять-десять, повернули направо, въ узкій переулокъ, и вошли въ татарскую хату, весьма опрятную, устланную коврами и увѣшанную полотенцами. Полотенцы, шитыя золотомъ и развѣшанныя по стѣнамъ — это самое обыкновенное украшеніе татарскихъ хатъ. Въ каминѣ пылалъ большой огонь. Въ углу стояла русская кровать на ножкахъ, разумѣется, съ кучей татарскихъ тюфяковъ и одѣялъ. Я раздѣлся, легъ и заснулъ подъ трескъ пылавшаго камина...

На другой день поутру, по первому моему зову, явился хозяинъ, молодой Татаринъ, весьма прилично одѣтый, и спросилъ по-татарски, что̀ мнѣ нужно.

— Нельзя ли затопить каминъ?

Хозяинъ безмолвно вышелъ, явился съ огнемъ, и погасшія наканунѣ толстыя чурки дровъ опять загорѣлись и затрещали. Комната, сильно настывшая ночью, такъ-что былъ видѣнъ духъ, стала нагрѣваться. Немного погодя явился Пишо̀ и сказалъ мнѣ, что полковникъ всталъ и ждетъ меня пить чай.

Я одѣлся и мы пошли. Было очень свѣжо. Поворотивъ изъ переулка въ улицу, я могъ увидѣть селеніе Байдары: оно было довольно велико и красиво. Попадались двухъэтажные домики. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ, подъ особымъ навѣсомъ, производилась торговля разными разностями, преимущественно съѣстными припасами. Изъ дверей выглядывала вивандьерка [1]), румяная и растрепанная. Передъ лавкой расхаживали двое, какъ будто купцовъ, въ пальто и въ черныхъ шляпахъ съ большими полями.

— Это наши маркитанты, сказалъ мнѣ Пишо̀.

Улица, по которой мы шли, была широка не по-татарски, вдвое шире главной бахчисарайской. Въ одномъ мѣстѣ она образовала даже порядочную площадку, на которой столпилось нѣско̀лько солдатъ, съ ружьями и безъ ружей. Кто былъ въ курткѣ, кто въ шинели. Большинство имѣло шинели. На одномъ домѣ подлѣ площади торчалъ шестъ съ вѣявшимъ флагомъ. Это было, сказать по нашему, по старинному — кружало.

Полковникъ мой, въ накинутой шинели и въ неснимаемомъ картузѣ, уже бѣгалъ по своему дворику, отъ дома къ другому, или изъ комнаты въ комнату. Живая кровь не давала ему покою ни на минуту: онъ вѣчно бѣгалъ и что нибудь дѣлалъ. Копаться, ждать, сидѣть сложа руки — это было не въ его натурѣ.

На дворѣ его я замѣтилъ часоваго съ ружьемъ, котораго не было наканунѣ. Вчерашній самоваръ кипѣлъ и клокоталъ на

---

[1]) Родъ маркитантки.

всю Байдарскую долину и, вѣроятно, до меня ушелъ раза четыре. Мы уладили чай, и только стали пить его въ опустѣвшей комнатѣ съ неубранными еще постелями д'Абзака и Шарерона, какъ вдругъ въ отворенную дверь вбѣжала къ намъ лягавая собака, и за нею тоже почти вбѣжалъ высокій ростомъ господинъ, съ ужасными усами и эспаньолкой. На немъ было сѣрое пальто, охотничьи сапоги и военная фуражка поручичьяго чина. Въ рукахъ было ружье; черезъ плечо висѣлъ крѣпко истасканный ягдташъ. Онъ сталъ говорить очень быстро, картавя на французскій ладъ, и въ то же время весь двигался необыкновенно, присѣдалъ, подпрыгивалъ, дергалъ полковника за эспаньолку, хлопалъ по головѣ шапкой, цѣловалъ и обнималъ и вообще корчилъ оригинала. Полковникъ тутъ же меня познакомилъ съ животрепещущимъ охотникомъ и сказалъ, что я могу, если хочу, говорить съ нимъ по-нѣмецки.

Охотникъ этотъ назывался Каидъ-Османъ и служилъ въ африканскихъ егеряхъ, но собственно былъ по фамиліи Ренсдорфъ, или, какъ говорилъ мой полковникъ, знавшій нѣмецкій языкъ похуже, чѣмъ русскія дороги: Jäger von Rensdorf, считая и Jäger за частицу фамиліи; а это была просто штука подпрыгивающаго охотника, который и тутъ не могъ не подпрыгнуть. Jäger von Rensdorf, какъ иностранецъ, не имѣлъ права служить во французскихъ войскахъ внѣ Африки, — служить и получать чины наравнѣ съ Французами. Онъ перепрыгнулъ въ Арабы, сдѣлался Каидъ-Османомъ — и все пошло, какъ по писанному. Однако, во время кампаніи, прыгая больше по болотамъ за дичью, чѣмъ занимаясь своей африканской ротой, онъ получилъ только одинъ чинъ и не повышался. Чинъ совсѣмъ не шелъ къ его уже довольно пожилой физіономіи, къ его сильной просѣди въ волосахъ. Но Каидъ-Османъ, кажется, не унывалъ, кормилъ военную публику дичью, потѣшалъ разсказами съ неизбѣжнымъ подпрыгиваньемъ, даже слылъ кое-

гдѣ за человѣка съ большими талантами и съ умомъ; но большинство смотрѣло на него, какъ на человѣка съ большими усами и съ ружьемъ...

Обѣдалъ онъ всегда отлично у генерала д'Отмара, при которомъ и состоялъ по особымъ порученіямъ, больше по охотничьимъ, потому что генералъ былъ самъ охотникъ, и на пути отъ Алжира до Байдаръ зналъ всѣ болота и кусты, гдѣ только держалась дичь. Всей французской арміи было извѣстно, что есть на свѣтѣ охотникъ генералъ д'Отмаръ и у него Каидъ-Османъ, или Jäger von Rensdorf.

Всюду, во всѣхъ палаткахъ и домикахъ, занятыхъ французскими офицерами, былъ готовъ пріютъ Каидъ-Осману. Онъ здѣсь ночевалъ, тамъ закусывалъ, вездѣ подпрыгивалъ, туда спѣшилъ взять оставленное когда-то другое ружье, но къ обѣду почти всегда возвращался въ Кебасы, деревню, принадлежавшую Мордвинову, которую Французы называли Mordvinoff, никакъ не думая, что это фамилія владѣльца. Въ Mordvinoff жилъ генералъ д'Отмаръ. Генералъ привыкъ обѣдать съ Каидомъ и спорить съ нимъ во время обѣда объ охотѣ, часто засиживаясь до полуночи. Каидъ выпивалъ бутылки три отличнаго бордо, пылалъ лицомъ, какъ алое сукно его брюкъ, но никогда не былъ пьянъ. Споръ съ генераломъ во время обѣда былъ нѣчто неизбѣжное, какъ швейцарскій сыръ, который подавался вмѣсто десерта. Ужь какъ хочешь, Каидъ-Османъ, а поспорь.

Каидъ-Османъ побылъ у насъ немного. Я попробовалъ поговорить съ нимъ по-нѣмецки, но не пошло: Каидъ хотѣлъ быть Французомъ — и кончено! Только говоря объ охотѣ, когда я не понималъ названія птицы, или звѣря, онъ вставлялъ тотчасъ нѣмецкое слово, но почти всегда напрасно: я не понималъ и по-нѣмецки этихъ премудростей. Однако, мнѣ хотѣлось поохотиться съ Каидомъ, потому что я самъ страстный охот-

никъ; но мы никакъ не могли согласиться относительно времени. Я обратилъ вниманіе на ружье Каидъ-Османа: ружье было удивительное. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Москву, я не видалъ ничего подобнаго.

— Да, это ружье французское! сказалъ Каидъ-Османъ съ удареніемъ на *французское*, и затѣмъ подпрыгнулъ, взялъ еще разъ за бороду полковника, пригласилъ насъ обоихъ къ генералу обѣдать и юркнулъ въ двери.

Тогда полковникъ объяснилъ мнѣ въ краткихъ словахъ, кто такой этотъ охотникъ. Но впослѣдствіи черезъ Пишо̀, и по моимъ собственнымъ наблюденіямъ я узналъ о немъ то, что̀ разсказалъ сейчасъ читателямъ.

Чай убрали. Я вышелъ на площадку взглянуть на французскихъ солдатъ, или, скорѣе, былъ вызванъ ударившимъ барабаномъ. Солдаты учились. Командовали унтеръ-офицеры. Офицеръ стоялъ поодаль и только дѣлалъ замѣчанія, повременамъ подходилъ то къ той, то къ другой шеренгѣ, бралъ изъ рукъ солдата ружье и осматривалъ его подробно, чисто-ли оно и вообще исправно-ли.

Не слыша словъ команды, я забывался и думалъ, что командуютъ по-русски. Но учились солдаты плохо: вскидывали ружья неровно; маршируя, не держали прямой линіи. Словомъ, по нашему, это было плохо.

Учившіеся солдаты были въ курткахъ, съ патронными сумками на кушакѣ; но въ сторонѣ стояло нѣсколько въ шинеляхъ и въ ранцахъ, сверхъ которыхъ лежало свернутое жгутомъ полотно, наподобіе нашей шинели.

— Что̀ это за бѣлый свертокъ на ранцахъ у солдатъ? спросилъ я у Пишо̀, который подошелъ также поглядѣть на ученье.

— Это палатка, отвѣчалъ онъ.

— Какъ палатка? тутъ цѣлая палатка?

— Да, цѣлая палатка, въ которой можно помѣститься двоимъ, а за нужду и троимъ солдатамъ.

Я видалъ эти палатки еще въ Севастополѣ, въ трубу, даже срисовывалъ ихъ, но никогда не воображалъ, что это солдатскія палатки: такъ онѣ малы съ виду, особенно подлѣ большихъ конусообразныхъ палатокъ, которыя, по преимуществу, составляли лагерь и, кажется, были присланы союзникамъ отъ турецкаго правительства [1]).

Солдаты учились недолго. По командѣ составили ружья въ козлы, которыя потомъ, обходя, поправилъ сержантъ. Командовавшіе унтеръ-офицеры разошлись, играя ружьями и напѣвая пѣсни. Солдаты остались на мѣстахъ, но также шутили и заигрывали другъ съ другомъ.

— До обѣда еще далеко, сказалъ мнѣ полковникъ, явившійся тутъ же съ тремя какими-то офицерами, съ которыми я раскланялся, по принятому у нихъ и у насъ обычаю: — не хотите ли куда нибудь съѣздить, напримѣръ на пристань Форусъ? Съ вами поѣдетъ Пишò; я вамъ дамъ другую лошадь: ваша и устала да и, пожалуй, опять не подпуститъ васъ въ буркѣ; а теперь холодно.

Я, конечно, согласился. Мнѣ скоро подвели рыжаго, вертляваго конька, на котораго я насилу сѣлъ, и тутъ только замѣтилъ, что сѣдло было не мое, а какое-то англійское. Но пересѣдлывать не хотѣлось. Пишò уже сидѣлъ также на другомъ вертлявомъ конькѣ. Мы проѣхали деревню рысцой, въ противоположную сторону въѣзда, направляясь къ горамъ, которыя кончались направо и налѣво двумя крутыми, красивыми вершинами, покрытыми частымъ дубнякомъ. Посрединѣ была небольшая ложбина съ желтѣющей на ней тропой. Туда-то намъ

---

[1]) Такія палатки можно видѣть въ Севастопольскомъ Альбомѣ, на рисункѣ № 21.

и слѣдовало ѣхать. Солдаты смотрѣли на меня съ любопытствомъ, но, кажется, больше на бурку, чѣмъ на меня. Выѣхавъ въ поле, мы пустили лошадей вскачь, чего онѣ очень желали. Кони дунули, какъ вѣтеръ; но англійское сѣдло было не по мнѣ: я отъ роду не ѣздилъ на такихъ сѣдлахъ и долженъ былъ остановить ретиваго скакуна и поѣхать снова легкой рысью.

— Чей это конь? спросилъ я Пишò: — не продастъ ли его хозяинъ?

Конь былъ замѣчательный по своей пріятной и вмѣстѣ скорой рыси и по своему скоку.

— Это конь нашего хозяина, Татарина, который бережетъ его пуще глаза, отвѣчалъ Пишò: — онъ даетъ его только полковнику и больше никому. Онъ ни за что не продастъ его.

Мы переѣхали шумный горный ручей, чрезъ который былъ перекинутъ каменный мостикъ, и потомъ, повернувъ направо, начали подниматься въ гору широкой, глинистой дорогой, и такъ подымались около версты съ небольшимъ, послѣ чего дорога стала понижаться. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, направо, я увидѣлъ огромную гору, также покрытую лѣсомъ. По ней спускались два красныхъ Англичанина. У подошвы ея паслось нѣсколько лошадей и стояла конусообразная палатка, подлѣ которой лежали на травѣ и сидѣли на пенькахъ тоже англійскіе солдаты. Лѣвѣе показались какія-то затѣйныя ворота въ древнемъ духѣ, но весьма новыя. Въ аркѣ ходилъ французскій часовой; а вдали, за чертой воротъ и окрестныхъ скалъ, синѣло море. Я думалъ, что въ арку нельзя проѣхать, потому что видѣлъ много наваленныхъ камней, но, подъѣхавъ ближе, нашелъ узкій проѣздъ и проѣхалъ. Боже мой! что̀ за видъ! мы остановились на твердой, убитой дорогѣ, которая шла спускомъ влѣво. У ногъ нашихъ лошадей была страшная пропасть, едва не въ версту глубиной, вся усѣянная сизыми

обломками гранита, между которыми индѣ зеленѣли дубъ и сосна, похожая издали на хвощъ, или другую травку. Направо, почти отвѣсно, шла скалистая гора, съ одной стороны покрытая лѣсомъ, та самая, у подошвы которой былъ разбитъ англійскій шатеръ. Налѣво шла другая, желторебрая, постепенно понижаясь и образуя мѣстами зеленые холмики, гдѣ паслось опять нѣсколько коней и лежали на травѣ синіе Французы и красные Англичане, — тамъ, далеко, обозначаясь только легкими линіями, гдѣ едва-едва игралъ цвѣтъ мундира. А внизу, у крутаго берега, кончавшагося бѣловатой полосой песку и дресвы, плескало море, которое шло безконечно далеко, сливаясь съ облаками; его набѣгавшіе всплески едва были слышны... Въ небольшомъ разстояніи отъ берега стояли два фрегата, и къ одному изъ нихъ подходилъ, дымясь, пароходъ... вдали еще бѣлѣлъ парусъ, казалось, на самомъ краю темно-синяго моря.

Постоявъ немного, мы стали спускаться внизъ. Шагахъ въ сорока отъ воротъ опять ходилъ французскій часовой. Проѣхавъ мимо его, я замѣтилъ у подошвы скалъ, на берегу, черепичныя крыши какихъ-то домиковъ: это была небольшая деревушка, которая и называлась Форусъ, и отъ нея уже получила имя и самая пристань. Пишо̀ предлагалъ мнѣ съѣздить въ имѣніе Перовскаго, для чего надо было совсѣмъ спуститься внизъ, обогнуть лѣвый мысокъ и потомъ проѣхать еще версты три берегомъ; но я боюсь немѣрянныхъ разстояній, о которыхъ у насъ на Руси существуетъ поговорка: *старуха мѣряла клюкой, да и махнула рукой — быть такъ!* и потому отказался. Впрочемъ, я столько же боялся и англійскаго сѣдла. Мы повернули назадъ и снова поднялись къ воротамъ, все время любуясь скалами и синимъ моремъ.

На обратномъ пути въ Байдары, при переѣздѣ черезъ ручей, мы встрѣтили троихъ офицеровъ верхами, одѣтыхъ франтовски

и на славныхъ лошадяхъ. Мы, какъ водится, раскланялись. Пишо̀ поспѣшилъ отпустить мнѣ нѣсколько русскихъ фразъ.

Когда мы въѣзжали въ Байдары, солдатъ на площадкѣ уже не было. Они разошлись по дворамъ и улицамъ, и тамъ кое-гдѣ показывались еще синія шинели. Полковника я нашелъ по прежнему бѣгающимъ то туда, то сюда. Увидѣвъ меня, онъ велѣлъ готовить завтракъ. Мы закусили; потомъ прошлись по деревнѣ; потомъ отдохнули и часовъ въ шесть отправились верхами въ Mordvinoff, почти по той же дорогѣ, по которой пріѣхали въ Байдары со стороны Каралеза. Я узнавалъ нѣкоторые мостики и ручьи. Имѣніе Мордвинова лежало въ другомъ концѣ Байдарской долины и едва было видно. До него казалось версты три. Равнина, по которой мы ѣхали, была изрѣзана мелкими колеями, какъ будто на ней происходили ристанія безчисленныхъ колесницъ. Не было живаго мѣста, гдѣ бы не проѣхало колесо и не ступилъ конь. Я спросилъ Бодуена, что̀ это такое: не учится ли тутъ артиллерія?

— Нѣтъ, это, просто, слѣды нашихъ обозовъ и парковъ, отвѣчалъ онъ.

Кое-гдѣ по равнинѣ попадались холмики и кусты терновника, цѣплявшіе насъ по ногамъ; а въ одномъ мѣстѣ мы проѣхали и вовсе лѣсъ, но только рѣдкій и небольшой. Кебасы̀ показались вблизи, на горкѣ. Впереди было нѣсколько солдатскихъ землянокъ, перемѣшанныхъ съ палатками, большими конусообразными и малыми, наподобіе треугольныхъ призмъ. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ близко эти маленькія палатки, которыя солдаты носятъ у себя за плечами, какъ шинель. За палатками шли обыкновенные татарскіе домики и въ серединѣ большой помѣщичій домъ, гдѣ и жилъ дивизіонный генералъ д'Отмаръ. Влѣво, въ нѣкоторомъ разстояніи, протягивался рядъ деревянныхъ балагановъ, уже созданныхъ войною. Это были лавки маркитантовъ, прозванныя *разбойничьимъ город-*

комъ (brigandeville). У Французовъ быстро являются имена. Полковникъ, показавшій мнѣ Бригандвилль, замѣтилъ, что подлѣ Севастополя есть у нихъ Флибустополь, а подлѣ Камыша — Фрипонвиль и Канальвиль.

Мы поднялись на горку, огибая солдатскія палатки; потомъ проѣхали между двухъ низенькихъ оградъ, какъ бы въ ворота, гдѣ ходилъ часовой, и очутились на дворѣ передъ домомъ генерала. Нѣсколько офицеровъ ходили по двору, и между ними Каидъ-Османъ, въ шинели и въ широчайшихъ брюкахъ. Мы раскланялись со всѣми; а Каидъ-Османъ подошелъ къ намъ и повелъ насъ къ генералу.

Мы прошли двѣ пустыя комнаты, съ самой простой мебелью, и вступили въ кабинетъ генерала. Полковникъ представилъ меня. Генералъ усадилъ насъ въ кресла, а самъ сѣлъ напротивъ, на диванчикѣ, покрытомъ ковромъ, и у насъ пошелъ разговоръ, сперва о путешествіи полковника въ Ѳеодосію, потомъ о разныхъ разностяхъ. Генералъ былъ человѣкъ средняго роста, сухощавый, но плотный, имѣлъ пріятное, простое лицо, черные съ просѣдью волосы и небольшую бородку. Это собственно было не по формѣ: форма требовала эспаньолки, а не бороды; но въ Крыму кто думалъ о формахъ? На немъ былъ однобортный сюртукъ съ эполетами, имѣвшими шитое поле, съ тремя большими звѣздочками, что̀ и означало дивизіоннаго генерала. Штабъ-офицеръ носитъ такіе же эполеты, но съ гладкимъ полемъ. Воротникъ былъ также шитый. Говорилъ генералъ просто, но хорошо, и вообще былъ, что называется, *душа*. Его всѣ любили, хотя службу онъ спрашивалъ строго.

Кабинетъ генерала представлялъ смѣсь трофеевъ войны и охоты. По стѣнѣ, надъ письменнымъ столомъ, скрещивались три наши уланскія пики, висѣли двѣ казацкія шашки, нѣсколько нагаекъ, и надъ всѣмъ этимъ царствовало ружье.

Въ одномъ углу, неподалеку отъ дивана, какіе-то рога простирали въ воздухъ свои кудрявыя вѣтви.

Мы пробесѣдовали около получаса, какъ вдругъ вошелъ въ комнату камердинеръ генерала, въ черномъ сюртукѣ, и подалъ письмо. Генералъ сейчасъ распечаталъ и сказалъ: «проси его сюда: пусть съ нами пообѣдаетъ. Это одинъ вахмистръ [1]), замѣтилъ онъ намъ: — по фамиліи Лансакъ. Удивительно стрѣляетъ! я не видывалъ такихъ стрѣлковъ, чортъ возьми!»

Вахмистръ вошелъ очень робко. Генералъ протянулъ ему руку и пригласилъ сѣсть. Лансакъ сѣлъ на кончикъ стула и заговорилъ о рекомендательномъ письмѣ, которое передъ тѣмъ подалъ камердинеръ.

— Э, что такое за письмо! сказалъ генералъ: — на что оно, я, право, не знаю!

Каидъ-Османъ, сидѣвшій тутъ же, докончилъ объясненіе. Лансакъ сдѣлался поразговорчивѣе. Костюмъ его былъ однобортный голубой сюртукъ, съ желтымъ воротникомъ, и красные брюки, — словомъ, костюмъ африканскихъ егерей. Лицомъ онъ былъ некрасивъ, носилъ бороду и напоминалъ пріемами солдата.

Въ восемь часовъ мы сѣли обѣдать, при свѣчахъ. Тотъ же камердинеръ, что̀ подалъ письмо, разносилъ кушанья, которыхъ было много и всѣ хороши; но половина ихъ состояла изъ зелени. Салатъ подали, какъ водится, особо, послѣ жаркаго. Это ужасно досадно для русскаго человѣка. Вы знаете напередъ, что за жаркимъ будетъ салатъ, хотѣли бы соединить эти два блюда въ одно; но какъ это сдѣлать?.. Въ заключеніе подали сыръ-честеръ и голландскій, сухіе фрукты и кофе. Въ промежутки наливалось всѣмъ разное вино: портеръ, бордо, шато-д'икемъ, рейнвейнъ и шампанское. Этимъ командо-

---

[1]) Brigadier.

валъ по преимуществу Кандъ-Османъ, сначала говорившій очень мало. Потомъ онъ заговорилъ и наконецъ заспорилъ съ генераломъ объ охотѣ, сильно картавя на французскій ладъ; но не было жизни въ этомъ спорѣ, къ которому всѣ приготовились заранѣе, а было только вино да привычка. Мнѣ показался этотъ споръ похожимъ на споръ охотниковъ въ охотничьихъ французскихъ повѣстяхъ. Мнѣ даже было досадно, что *душа* генералъ д'Отмаръ занимается такими пустяками, и я готовъ былъ заподозрить его охотничью славу.

Были ли слѣды охоты на столѣ? можетъ быть, спросите вы. Были: удивительные вальдшнепы, изготовленные немного сыро, на французскій или не знаю, на какой ладъ, и еще дикая коза.

Мы сидѣли долго, ужасно долго. Въ отворенную дверь глядѣла ночь, усѣянная звѣздами. Когда мы умолкали, въ долинѣ слышались переливающіеся крики вѣчныхъ обитателей болотъ, la musique des grenouilles, какъ выражались Французы.

Въ концѣ обѣда, или, лучше сказать, уже просто сидѣнья и куренья за столомъ, изъ сумрака ночи ввалился въ двери огромный капитанъ, въ мундирѣ и въ эполетахъ, съ полнымъ и румянымъ лицомъ, остриженный очень низко. Онъ поздоровался съ генераломъ и сѣлъ подлѣ него, опершись на невиданный свѣтомъ со временъ Годфрида Бульонскаго палашъ, которымъ тотъ, какъ извѣстно, разрубилъ пополамъ Сарацина. Въ палашѣ капитана (я послѣ самъ его смѣрялъ) было 7 четвертей слишкомъ.

Это былъ капитанъ Давиѐ, состоявшій при генералѣ Макъ-Магонѣ, который находился съ отрядомъ на Ѳедюхиныхъ горахъ, у Черной рѣчки. Капитанъ жилъ въ Кебасахъ по какому-то дѣлу, услыхалъ о пріѣздѣ Бодуена и явился, чтобъ его увидѣть и проводить въ Байдары.

Прошелъ еще добрый часъ въ куреньѣ и въ разговорахъ.

Полковникъ посылалъ раза два справиться, взошла ли луна; но она все еще не всходила, и мы сидѣли и сидѣли. Наконецъ Каидъ-Османъ объявилъ, что показывается луна. Мы встали. Былъ 1-й часъ ночи.

Луна еще не показывалась, но только брезжилъ за горами ея палевый свѣтъ, и лучи его, подобно тонкому пару, начинали простираться надъ долиной. Но все-таки было еще темно.

Мы простились тутъ же, въ столовой; тутъ же одѣлись и поѣхали втроемъ: полковникъ, капитанъ, и я. Я надѣлъ бурку, полковникъ шинель, а капитанъ остался въ мундирѣ. Его, какъ видно, не пронималъ нестерпимый холодъ южной ночи. Мы ѣхали прямо по долинѣ, то рядомъ, то гуськомъ, цѣпляясь впотьмахъ за кусты. Я старался держаться какъ можно ближе за капитаномъ, разсчитывая, что гдѣ проѣдетъ онъ, со своимъ огромнымъ конемъ, соотвѣтствовавшимъ всаднику и палашу, тамъ мнѣ уже навѣрное будетъ дорога. Ѣхавъ, такимъ образомъ, позади, я видѣлъ, что подлѣ капитана, внизу, почти на землѣ, вспыхиваетъ изрѣдка какая-то молнія, и не могъ сначала понять, что̀ это такое. Оказалось, что капитанъ курилъ предлинную трубку, спустивъ ее съ сѣдла внизъ и нисколько не думая о томъ, что она можетъ зацѣпиться за кустъ, ткнуть его въ ротъ, или что нибудь этакое. Какъ-то выходило, что она не цѣплялась, и онъ самъ, съ матерымъ конемъ своимъ, ни разу не наѣхалъ на кустъ или на дерево. Есть такіе люди, которые куда бы ни сунулись, очертя голову, все имъ сойдетъ и нигдѣ ничего не сдѣлается. Во всѣхъ ихъ движеніяхъ замѣтна какая-то роковая самоувѣренность и безпечность. Таковъ былъ и капитанъ Давнѐ, находившійся 27 августа подлѣ генерала Макъ-Магона на Малаховомъ. И онъ, и Макъ-Магонъ остались совершенно невредимы.

Мы ѣхали тихо, очень рѣдко перебрасываясь словами. Наши

лошади ступали неслышно по сырому лугу. Въ долинѣ гремѣла la musique des grenouilles.

Луна выглянула краешкомъ изъ-за темнаго гребня горы, слегка позолоченнаго ею, когда мы уже подъѣзжали къ Байдарамъ; потомъ спряталась опять и больше не показывалась.

Я увидѣлъ ее нѣсколько времени спустя, когда, отдавъ лошадь, шелъ на мою ночевку. Въ хатѣ пылалъ каминъ, и многое множество тюфяковъ высилось на постели.

Предупредительный геній, который затапливалъ для меня во̀время камины, кормилъ и подковывалъ мою лошадь, прислалъ ко мнѣ утромъ самоваръ, чтобы я напился чаю по-русски, тотчасъ какъ встану.

II.

Мы ѣдемъ въ Главную квартиру французской арміи. — Балаклава. — Движеніе Европы. — Кадыкъёй. — Главная квартира Англійской арміи. — Севастополь вдали. — Главная квартира Французской арміи. — Офицеры Главнаго штаба. — Фотографъ. — Обѣдъ у генерала Мартемпре. — Севастополь. — Камышъ. — Театръ. — Шово. — Георгіевскій монастрырь. — Опять Камышъ и театръ. — Ночевка въ Камышѣ. — Возвращеніе. — Обѣдъ въ Кадыковкѣ. — Мекензіева гора. — Бахчисарай.

—

Когда на другой день я пришелъ къ полковнику, онъ уже былъ одѣтъ и готовъ въ путь. Мы рѣшили отправиться въ Главную квартиру, о чемъ переговорили еще съ вечера. Капитанъ Давнѐ былъ уже въ своемъ неизмѣнномъ мундирѣ, составлявшемъ для него все: шинель, блузу, что̀ угодно. Никто не видывалъ его въ другомъ костюмѣ. Оттого эполеты, совершившіе полную кампанію, видавшіе Алжиръ, сильно потерлись и полиняли; а красныя брюки получили бурый отливъ. Не знаю почему, я скоро полюбилъ этого человѣка. Какъ всѣ

богатыри, онъ былъ кротокъ и смиренъ, и самое лице его показывало прямоту и добродушіе. Говоря, онъ имѣлъ привычку немного улыбаться, что̀ придавало ему особенный оттѣнокъ какого-то беззаботнаго веселья и спокойствія.

Въ комнаткѣ, назначенной для заѣзжихъ странниковъ, гдѣ провелъ ночь и Давнѐ, стоялъ уже готовый завтракъ. Осѣдланныя лошади топотали на дворѣ. Мы закусили и отправились вчетверомъ: полковникъ, капитанъ, Пишо̀ и я. Кромѣ того съ нами поѣхало двое провожатыхъ Татаръ, одинъ обыкновенный, деревенскій, въ чекменѣ, а другой смотрѣлъ нѣсколько особенно и былъ въ черномъ сюртукѣ; дорогой, иногда, равнялся безъ церемоніи съ нами, умѣлъ говорить изрядно по-русски и даже отпускалъ нѣкоторыя французскія слова: voilà, à droite, à gauche, и въ родѣ этого. Другой Татаринъ тоже говорилъ по-русски, но не отпускалъ французскихъ фразъ.

Мы ѣхали сначала по той самой дорогѣ, откуда прибыли съ полковникомъ, но потомъ взяли влѣво, черезъ горы, направляясь къ дачѣ Перовскаго [1]), расположенной на высотѣ, въ густомъ когда-то лѣсу, и смотрѣвшей сверху на всю Байдарскую долину. Мѣсто этой дачи, безъ сомнѣнія, было самое лучшее изъ всѣхъ, занятыхъ деревнями. Всѣ онѣ лежали ниже ея.

Поднимаясь въ гору, мы встрѣтили нѣсколько муловъ, навьюченныхъ прессованнымъ сѣномъ. Они шли съ дачи, гдѣ у Французовъ и Англичанъ были склады фуража. Когда мы поровнялись съ домомъ, оставшимся въ сторонѣ налѣво, я увидѣлъ около него довольно большую толпу народа: синихъ Французовъ въ красныхъ фескахъ, красныхъ Англичанъ и разную

---

[1]) Само собою разумѣется, что это другая дача, а не та, куда мы хотѣли ѣхать съ Пишо̀ наканунѣ.

смѣсь въ блузахъ и курткахъ. Все это двигалось съ мулами и лошадьми, принимало сѣно, ячмень, вѣшало, навьючивало. Окрестный крупный лѣсъ сильно пострадалъ и разрѣдѣлъ. Это почти единственное мѣсто, гдѣ позволено было рубить. Капитанъ и полковникъ сами замѣтили мнѣ это опустошеніе.

— Бывало, отсюда за лѣсомъ не видишь долины, а теперь смотри въ нее сколько хочешь, сказалъ Давнѐ.

Проѣхавъ еще немного въ гору, мы стали спускаться въ новую долину, меньше Байдарской, но тоже довольно красивую. Внизу лежала небольшая деревня. Вправо, по ущелью, заворачивала широкая каменная дорога въ Севастополь, носившая имя *Воронцовской*.

Когда мы поднялись на слѣдующую высоту, — Богъ знаетъ гдѣ, нарисовались туманныя скалы Мекензіева спуска, и потомъ забѣлѣли Ѳедюхины горы, усѣянныя палатками. Сообразивъ мѣстность, я отличилъ подъ Мекензіевой горой узкую полоску: это была дорога, по которой мы съѣзжали 4-го августа.

— Вы отсюда видите Мекензіеву гору, сказалъ мнѣ капитанъ Давнѐ.

— Даже вижу дорогу, по которой я нѣсколько разъ спускался и подымался въ день битвы на Черной, и по которой прошла часть нашихъ войскъ.

— Вы думаете, что эта полоса — ваша дорога? сказалъ капитанъ: — нѣтъ, я вамъ покажу, гдѣ вы спускались. Дайте проѣхать еще версты двѣ-три.

Полковникъ взглянулъ и сталъ держать сторону капитана.

Оба они ошибались. Ясно было, что они не знали, откуда мы подошли къ Черной рѣчкѣ. Разумѣется, ихъ ошибку я могъ сообразить послѣ, а не въ ту минуту, когда мы ѣхали. Тогда я и самъ не зналъ навѣрное, угадалъ ли я спускъ, или нѣтъ. Разстояніе было очень велико — верстъ десять; горы пере-

путывались, и всякая трещина могла показаться за дорогу. Но я нарочно замѣтилъ очертаніе утесовъ, все время глядѣлъ на нихъ, пока мы ѣхали высотами, и впослѣдствіи, черезъ три дня, повѣрилъ себя, когда возвращался по этой дорогѣ въ Бахчисарай.

Больше и больше открывались намъ бѣлыя Ѳедюхины горы, отличныя отъ всѣхъ другихъ по своему цвѣту. Правѣе показалось нѣсколько зеленѣющихъ холмовъ, знакомыхъ мнѣ по битвѣ 4 августа. Они срисованы у меня въ бумажникѣ, но только съ той стороны. Потомъ все это спряталось: мы спустились въ долину и повернули влѣво. Передъ нами явился лагерь — не лагерь, деревня — не деревня: скорѣе всего это походило на рядъ какихъ-то фабрикъ или заведеній, на какую-то чистенькую, правильно построенную колонію. Домики, или, проще, балаганы, были изъ досокъ и выкрашены бѣлой краской. Почти передъ каждымъ былъ разведенъ небольшой садикъ, огороженный желѣзными обручами, оставшимися отъ прессованнаго сѣна. Въ садикахъ росли разные овощи и подымались деревца, вѣроятно, пересаженныя изъ лѣсовъ. Между балаганами и еще кое-гдѣ по горѣ виднѣлось нѣсколько палатокъ. Я насчиталъ шестьдесятъ балагановъ и двадцать палатокъ. Красные мундиры и черныя шапочки безъ козырька, мелькавшія тамъ и тамъ, показали, что эта деревенька или лагерь принадлежитъ Англичанамъ. Навстрѣчу намъ по дорогѣ шли и ѣхали Англичане; рѣдко попадались Французы. Немного дальше мы увидѣли еще такой же лагерь; но тутъ были Англичане и Сардинцы, — Англичане въ красномъ, Сардинцы въ сѣрыхъ шинеляхъ, подпоясанныхъ кожанымъ глянцовымъ кушакомъ, и въ киверахъ, наподобіе французскихъ. Они выглядывали на насъ изъ своихъ балагановъ. Иные сидѣли и лежали на скамьяхъ и занимались чтеніемъ газетъ. Я насчиталъ въ этомъ лагерѣ семьдесятъ балагановъ и тридцать палатокъ. Только балаганы

Сардинцевъ отличались отъ англійскихъ тѣмъ, что были нѣсколько приземистѣе и выкрашены сѣрой краской.

— Можетъ быть, вы и не думаете, что мы уже почти въ Балаклавѣ? сказалъ мнѣ Бодуенъ.

— Не думаю, отвѣчалъ я: — потому что привыкъ воображать Балаклаву на берегу моря; а гдѣ жь тутъ море?

— Оно за этими скалами, два шага отъ насъ.

Мы поднялись на послѣднюю высоту, коронованную страшной батареей съ великолѣпнымъ рвомъ. Въ ближайшую амбразуру глядѣло на насъ мѣдное орудіе, подлѣ котораго стоялъ англійскій часовой. Дорога, отличное шоссе, повернула вправо, надъ глубокимъ оврагомъ, покрытымъ кустами, на днѣ котораго вился ручей. Нѣсколько Французовъ и Англичанъ, чуть замѣтныхъ, какъ муравьи, полоскали въ немъ рубашки, развѣсивъ свои цвѣтистые мундиры на кустахъ. Въ началѣ оврага, у дороги, накиданы были страшныя кучи красныхъ жестяныхъ коробокъ и разбитыхъ бутылокъ, вмѣстѣ со всякимъ соромъ. Жестяныя коробки — это остатки герметически закупоренныхъ обѣдовъ, изготовленныхъ тамъ, далеко, на туманныхъ берегахъ *старой* Англіи.

Еще ближе подвинулись къ намъ Ѳедюхины горы. Я увидѣлъ еще нѣсколько лагерей. Капитанъ простился съ нами и поѣхалъ прямо, а мы, обогнувъ батарею, поворотили влѣво и стали спускаться. Изъ-за темныхъ скалъ, внизу, выглянулъ клочокъ бухты... Опять балаганы и палатки; немного правѣе опять и опять. Вдали, на высотахъ и въ лощинахъ, новыя кучки балагановъ, домиковъ, палатокъ... Я уже не могъ считать.

Между тѣмъ, мы спускались узкою тропинкой по каменнымъ уступамъ. Пишò и Татары слѣзли съ лошадей, а потомъ слѣзъ и я и повелъ лошадь въ поводу. Было очень круто и скользко. Одинъ удивительный конь полковника, petit cheval noir, могъ

спускаться безопасно по этой кручи и грудамъ камней. Внизу, подъ нами, показалась Балаклава, на берегу узкой бухты: улицы, полныя народомъ, коннымъ и пѣшимъ; лѣсъ мачтъ, выступавшій налѣво изъ-за домовъ, и вдали море. Противоположный берегъ шелъ крутымъ уступомъ, подобно тому, по которому мы спускались. Мы незамѣтно очутились въ городѣ, какъ-то вдругъ. Меня оглушилъ шумъ его дѣятельности; разнообразное населеніе запестрило въ глаза. Тутъ рѣшительно переваливаешься въ Европу. Англичане въ разныхъ мундирахъ, голоколѣнные Шотландцы, французскіе офицеры и солдаты, Сардинцы, наконецъ купцы, или кто ихъ знаетъ, кто такіе, въ сюртукахъ и черныхъ шляпахъ, фабричные работники въ блузахъ, въ рубашкахъ, въ картузахъ, въ колпакахъ, въ фескахъ, лошади, мулы, огромныя фуры, тяжко гремѣвшія по улицамъ, — все это двигалось, какъ будто по заказу, спѣшно, суетно. Ничего русскаго не замѣтилъ я въ Балаклавѣ. Я едва успѣлъ бросить взглядъ на Генуезскую башню, съ остатками стѣны, которая завершала лѣвый гребень горъ. На ней стоялъ шестъ съ протянутыми веревками; ниже, къ бухтѣ, была другая такая же башенка, и на ней также торчалъ шестъ и протянуты были веревки [1]). Верхняя башня, какъ мнѣ сказали, принадлежитъ Англичанамъ, а нижняя Сардинцамъ. Едва я бросилъ взглядъ на все это, какъ меня опять увлекъ водоворотъ европейской суеты. Мы поѣхали направо по улицѣ. Я замѣтилъ каменный заборъ какого-то трактира, обложенный по краю рядомъ бутылокъ, смотрѣвшихъ къ намъ донышками. Бутылки были выкрашены бѣлой краской, и кружкѝ ихъ донышекъ казались издали рѣзьбою. Направо, въ полугорѣ, шли какія-то фабрики, огороженныя перилами, на которыхъ сидѣли румяные, здоровые ребята въ курткахъ, въ рубашкахъ и въ синихъ колпа-

---

[1]) Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 18-й.

кахъ. Почти всѣ были рыжіе и, разумѣется, говорили по-англійски. Еще дальше начинались рельсы желѣзной дороги. Тутъ опять возилось нѣсколько рыжихъ, румянолицыхъ работниковъ. Копали гору, глинянную, рыжую, какъ и сами, и сыпали землю и камень въ плоскую тележку, которая стояла на рельсахъ. Это была новая желѣзная дорога, не существовавшая во время войны и только-что начатая.

— Для чего они ведутъ эту дорогу, когда имъ здѣсь недолго оставаться? спросилъ я у Пишо̀.

— Да вотъ подите! отвѣчалъ онъ: — стало быть, находятъ выгоднымъ. Повѣрьте, что они не даромъ это дѣлаютъ и не дадутъ промаха. Вѣдь имъ пропасть надо увозить.

Рельсы этой дороги соединялись со старыми, которые шли съ той стороны бухты, пересѣкали шоссе въ концѣ города и направлялись къ англійскимъ лагерямъ, держась, сколько можно было замѣтить, къ 3-му бастіону. Мы подъѣхали къ этому соединенію рельсовъ, какъ вдругъ намъ закричали, что идетъ машина. Я взглянулъ: съ лѣвой стороны, пыхтя и дымя, валилъ паровозъ. Наши лошади заметались; но паровозъ быстро пролетѣлъ передъ нами, и мы могли ѣхать дальше. Только-что успокоились наши лошади, какъ вдругъ еще паровозъ справа, изъ лагерей, почти навстрѣчу! А тутъ, по шоссе, длинный цугъ вислоухихъ муловъ, запряженныхъ цѣпями въ огромную фуру, которая везла цѣлую гору всякой всячины: желѣзныхъ полосъ, пушечныхъ станковъ, бревенъ... потомъ всадники и пѣшіе, — и все это скакало и какъ будто куда-то спѣшило.

Городъ кончился. Послѣднее зданіе направо была какая-то длинная фабрика, за глубокой канавой, вырытой для шоссе, куда я чуть-чуть не влетѣлъ съ лошадью, по милости паровоза. Нѣкоторыя окна фабрики были открыты, и я замѣтилъ жужжавшія и вертѣвшіяся колеса... затѣмъ маленькій промежутокъ: право не помню, что̀ такое. Нѣтъ никакихъ средствъ

одному человѣку удержать въ памяти все, что онъ увидитъ въ проѣздъ отъ Балаклавы до Камыша... Потомъ я замѣтилъ сардинскаго часоваго на какомъ-то помостѣ; былъ какой-то складъ; торчала странная будка, составленная изъ двухъ бочекъ, у которыхъ выбили два дна. Это направо; а налѣво мелькнуло нѣсколько деревянныхъ строеній. Я прочелъ надпись на итальянскомъ языкѣ: *Главная квартира сардинской арміи*. Передъ домиками стояло пять-шесть большихъ фуръ, тоже съ надписями на итальянскомъ языкѣ. При нихъ ходилъ часовой. Гдѣ-то тутъ же, въ сторонѣ, на площадкѣ, виднѣлось нѣсколько нашихъ пушекъ, оцѣпленныхъ чугунной рогаткой. Немного дальше, въ полѣ, и опять направо, стояли безчисленные ряды запасныхъ чугунныхъ колесъ, а за ними, вдали, какъ и прежде, Ѳедюхины горы, сѣрая лента желѣзной дороги, безконечные лагери и далеко-далеко море, съ мысомъ Улуколомъ.

Мы проѣхали нѣсколько шаговъ. Налѣво пошли опять балаганы, служившіе лавками. Потомъ и направо пошли такія же лавки, въ перемежку съ ресторанами. Въ лавкахъ продавались сѣдла, уздечки, всякая сбруя, разная провизія, вина. Въ одномъ магазинѣ, за свѣтлыми стеклами, мелькнули ряды часовъ и золотыхъ цѣпочекъ и надпись: «Horloger». Многія надписи были по-французски. Вывѣска шла за вывѣской. Вотъ ресторанъ *Королевы Викторіи:* длинный зеленый домъ, съ бильярдомъ посрединѣ. У дверей Татарчаты держали офицерскихъ лошадей, какъ и у насъ въ Бахчисараѣ. По лѣвую сторону дороги, передъ лавками, шелъ навѣсъ на деревянныхъ столбикахъ, подъ которымъ продавалась всякая мелочь: висѣли чулки, перчатки, платки. Необыкновенное множество народа толпилось около этого навѣса. Я увидѣлъ нѣсколько русскихъ солдатъ, которые покупали что-то такое. Это мѣсто, эта улица лавокъ называлась *Кадыкъёй*, по имени деревни, лежавшей неподалеку. Мы проѣхали потомъ и эту деревню. Направо

осталась русская каменная церковь. Затѣмъ еще мелькнуло нѣсколько балагановъ. Мы поднялись на гору. Балаклава скрылась Мы ѣхали съ версту въ чистомъ полѣ... не то, чтобы въ полѣ, но гдѣ уже не было балагановъ. Направо, подлѣ шоссе, шла конная желѣзная дорога. Что-то въ родѣ фургона простучало съ горы внизъ, катясь безъ всякой машины. Потомъ мы увидѣли цугъ лошадей, запряженныхъ цѣпями въ большой, открытый фургонъ, наполненный прессованнымъ сѣномъ въ кубикахъ, пуда въ четыре каждый, обтянутыхъ желѣзными обручами. Лошади были сущіе слоны, съ мохнатыми бревнами вмѣсто ногъ. Я рѣшительно не видывалъ такихъ лошадей. Моя казацкая лошадка была въ отношеніи къ нимъ настоящимъ жеребенкомъ. Потомъ опять мулы, лошади, солдаты, офицеры... Вотъ сѣрый досчатый балаганъ, направо отъ дороги, съ надписью по-англійски: *Полицейскій домъ № 5*. Подлѣ ходилъ полисменъ, въ красномъ мундирѣ, въ черной шапочкѣ. Вотъ летитъ англійскій солдатъ верхомъ на мулѣ, безъ сѣдла и стремянъ; мулъ брыкаетъ и задомъ и передомъ... Вотъ два грязныхъ Турка, въ высокихъ чалмахъ, въ бѣлыхъ испачканныхъ шароварахъ. Вотъ нѣсколько французскихъ офицеровъ проскакали шибко на бойкихъ лошадяхъ... Какой-то англійскій генералъ, въ синемъ сюртукѣ и въ синей фуражкѣ съ золотымъ околышемъ, промчался на куцомъ статномъ конѣ, припрыгивая на сѣдлѣ по англійской методѣ ѣздить; за нимъ два адъютанта, въ такихъ же сюртукахъ и съ такими же золотыми околышами на фуражкахъ и съ той же припрыжкой на сѣдлахъ... Вотъ идетъ отрядъ голоколѣнныхъ Шотландцевъ, въ странныхъ пестрыхъ юбкахъ, напереди которыхъ болтаются пороховыя горскія сумки, съ тремя черными хвостиками; мундиръ тотъ же красный, пѣхотный, который не совсѣмъ идетъ къ юбкамъ и голымъ колѣнямъ. Да не подумаютъ читатели, что колѣни только кажутся голыми, а въ самомъ дѣлѣ обтя-

нуты въ трико: нѣтъ, онѣ голы совершенно, какъ руки. На головахъ Шотландцевъ вѣютъ черныя страусовыя перья. Бравый народъ!.. Огромный складъ сѣна показался направо... Вотъ гремитъ дилижансъ; въ окошкѣ мелькнули наши сѣрыя шинели... Вотъ двигаются шагомъ пять-шесть муловъ, у которыхъ по бокамъ живые вьюки: родъ двухъ креселъ, гдѣ сидятъ два солдата; а у иныхъ не кресла, а постели, и на постеляхъ тоже солдаты: это больные. Желѣзныя постели покачиваются на пружинахъ, а мулъ идетъ себѣ да идетъ, какъ будто одинъ, и, кажется, не думаетъ о своей ношѣ... Англійскій драгунъ на статномъ конѣ проѣхалъ шагомъ. Красивая форма! шитый золотомъ мундиръ, какъ у гусара; на головѣ мохнатый киверъ съ бѣлымъ помпономъ; вмѣсто чешуекъ золотая широкая цѣпочка. Вотъ налѣво нѣсколько большихъ турецкихъ палатокъ. Грязные Турки сидятъ въ кучкѣ. Не разберешь, гдѣ солдаты, гдѣ офицеры... да и есть ли тутъ офицеры? Звучитъ что-то въ родѣ гитары, и раздается пѣсня... Я взглянулъ направо, подъ гору внизъ: на одной равнинѣ, между лагерями, происходилъ смотръ англійскихъ войскъ; но это было очень далеко. Съ трудомъ отличалъ глазъ красные ряды мундировъ. Кучи народа тѣснились кругомъ, какъ черная рамка. Видно было разставленную цѣпь полисменовъ, которые удерживали натискъ толпы... Мы ѣдемъ дальше. Я увидѣлъ налѣво, опять подлѣ какихъ-то балагановъ и загородокъ, кружащихъ муловъ, одинъ за другимъ, шагомъ. На мулахъ сидѣли всадники въ разныхъ костюмахъ: въ блузахъ, курткахъ, въ большихъ шляпахъ, въ шапочкахъ. Странно было видѣть это круженіе. Всадники безмолвно поглядывали на насъ и, судя по выраженію лицъ, были совершенно равнодушны къ такому препровожденію времени.

— Что̀ это такое? спросилъ я у Пишо̀.

— Это проминаютъ муловъ, которые не были сегодня въ работѣ: имъ нуженъ моціонъ.

Чѣмъ ближе подвигались мы къ Главной квартирѣ, тѣмъ болѣе стало встрѣчаться лагерей, и вотъ налѣво открылся *большой французскій лагерь*, занимавшій огромное пространство. Кучки солдатъ въ шинеляхъ виднѣлись между палатками. Немного далѣе, направо, показалась *Главная квартира англійской арміи* — чей-то помѣщичій домъ, каменный, въ одинъ этажъ, окруженный балаганами и палатками [1]). Нѣсколько деревьевъ выглядывало изъ-за строеній. Потомъ пошли отдѣльныя группы домиковъ и палатокъ, съ садиками и огородами. Иногда подлѣ домиковъ сидѣли офицеры. Мы всегда кланялись другъ другу.

Еще верста впередъ, и показался Севастополь — узкая линія строеній, едва выступавшихъ изъ-за плоскаго холма. Я долго глядѣлъ туда съ неизъяснимымъ чувствомъ и долго не видалъ ничего кругомъ, кромѣ этой желтенькой полоски строеній...

Потомъ открылся Камышъ и корабли... а по шоссе, гдѣ мы ѣхали, все мчались и мчались всадники и экипажи, двигались мулы и кишѣлъ народъ...

— Вотъ мы и дома! сказалъ полковникъ.

По лѣвую руку отъ дороги явилась *Главная квартира французской арміи* — нѣсколько домиковъ, образующихъ въ серединѣ улицу, обсаженную деревьями, палатокъ, конюшенъ и досчатыхъ заборовъ [2]). Почти у всякого дома былъ маленькій огородъ, окруженный желѣзными обручами, врытыми до половины въ землю. По улицѣ, похожей на бульваръ, ходили нѣсколько офицеровъ, принадлежавшихъ къ штабу маршала. Больше никто не можетъ ходить по этому проспекту, исклю-

---

[1]) Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 19-й.

[2]) Тамъ же рисунокъ 20-й.

чая лицъ, имѣющихъ прямое дѣло къ маршалу. Въ началѣ и въ концѣ проспекта стояли часовые.

Домикъ маршала былъ тутъ же, деревянный, низенькій, окрашенный сѣрой краской, и рядомъ съ нимъ другой, каменный — обѣденная зала маршала. Подлѣ этого дома возвышалась башенка, съ часами наверху.

Мы объѣхали все это кругомъ и остановились у одного деревяннаго домика съ парусинной крышей, вымазанной дегтемъ, и отдали лошадей. Полковникъ ввелъ меня въ домикъ и представилъ хозяину его, майору Бертò, своему школьному товарищу, человѣку самыхъ изящныхъ манеръ и весьма пріятной наружности. Я разсмотрѣлъ подробно его жилище. Стѣны были оклеены бумажными обоями; небольшой столикъ загроможденъ журналами и газетами; надъ нимъ висѣлъ на стѣнкѣ фотографическій портретъ жены Бертò, рѣдкой красавицы. Лѣвѣе, въ углу, на томъ же столѣ, стоялъ старый русскій образъ Трехъ Святителей, писанный на доскѣ. У окна былъ чугунный каминъ съ трубой, проведенной наружу. У стѣны, противоположной входу, стояла желѣзная кровать съ пологомъ. Еще два-три желѣзные стула, да на стѣнѣ, противъ окна, двѣ казацкія шашки и нагайка — вотъ и все. Я заглядывалъ послѣ и въ другіе домики: они всѣ походили на этотъ.

Полковникъ мой, бѣгавшій повидаться кое съ кѣмъ изъ товарищей, воротился къ намъ и предложилъ мнѣ представиться начальнику штаба. Я сбросилъ шинель, надѣлъ шпагу, и мы отправились.

Начальникъ штаба, генералъ-лейтенантъ Мартемпрѐ, проводилъ бòльшую часть дня въ палаткѣ, подлѣ которой находился и домъ его, гдѣ онъ только обѣдалъ и отдыхалъ. Отъ Бертò это было въ пяти шагахъ. Мы вошли въ палатку. Генералъ занимался стоя у конторки. Это былъ высокій и прямой мужчина, лѣтъ пятидесяти слишкомъ, остриженный очень плотно.

Лицо его было строго и сурово, но получало пріятное выраженіе, когда онъ улыбался. На немъ былъ сюртукъ съ эполетами и аксельбантъ, какъ и у всѣхъ, состоящихъ при штабѣ.

Онъ обернулся къ намъ, сказалъ нѣсколько словъ, благодарилъ меня за полковника и пригласилъ насъ обоихъ обѣдать.

Тѣмъ кончилось представленіе. Мы пошли *къ себѣ*, въ каменный домикъ въ два окна, съ крышей безъ потолка и съ каминомъ въ одной стѣнѣ. Между окнами стояли столъ и два стула. Больше ничего не было. Этотъ домикъ принадлежалъ какому-то полковнику, уѣхавшему въ Парижъ, и былъ выстроенъ вновь. Впрочемъ, кажется, на мѣстѣ Главной французской квартиры не было прежде никакихъ строеній. Все создано вновь.

— Вотъ мы гдѣ будемъ жить, сказалъ мнѣ полковникъ и убѣжалъ.

Я провелъ довольно скучныхъ полчаса или часъ, не зналъ, что̀ дѣлать, какъ всегда бываетъ на новомъ мѣстѣ, покуда не приладишься къ новымъ порядкамъ. Наконецъ я вышелъ и сталъ глядѣть на палатку Мартемпрѐ, которая была отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ. Генералъ часто звонилъ въ колокольчикъ, висѣвшій снаружи, и всякій разъ, на его звонъ, бросался откуда-то сзади, сломя голову, солдатикъ, молодой парень, и бѣгомъ вбѣгалъ въ палатку, потомъ выскакивалъ и бѣжалъ куда-нибудь съ бумагой. Иногда онъ не добѣгалъ до назначеннаго мѣста, какъ звонокъ раздавался опять, и солдатикъ летѣлъ назадъ, также сломя голову. Шалилъ ли этотъ парень, или, въ самомъ дѣлѣ, требовалась такая быстрота, ужь я не знаю.

Иногда начальникъ штаба выходилъ изъ палатки самъ и направлялся скорыми шагами къ домику маршала и потомъ также скоро возвращался въ палатку.

По дорожкѣ и между домами часто проходили офицеры, въ

сюртукахъ или въ курткахъ, шитыхъ снурками. Эти куртки приняты въ штабѣ и составляютъ родъ формы. Ихъ носятъ, впрочемъ, только молодые офицеры, походя тогда на гусаровъ.

Полковникъ воротился и предложилъ мнѣ пойдти познакомиться съ нѣкоторыми офицерами штаба.

Мы вошли въ домикъ рядомъ съ Бертò, сколоченный на живую нитку изъ драни и крытый остатками старыхъ палатокъ, вымазанныхъ дегтемъ. Это была обѣденная комната Бертò, двухъ капитановъ, одного полковника, пріѣхавшаго снимать панораму Севастополя и окрестностей, человѣка, извѣстнаго всей Франціи своими военными панорамами, и, въ заключеніе, его помощника-фотографа, господина съ большими черными волосами, съ живыми глазами, говорившаго необыкновенно быстро. Онъ имѣлъ физіономію артиста, одѣтъ былъ въ черномъ пальто, а иногда являлся и въ блузѣ. На ногахъ у него были штиблеты и башмаки, подкованные гвоздями.

Всѣ эти лица уже собрались въ своей обѣденной залѣ. Столъ былъ накрытъ. За перегородкой возился человѣкъ, звеня посудой. Комната смотрѣла внутри точно такъ же, какъ и снаружи: такія же доски, ничѣмъ не обитыя и не окрашенныя. На перегородкѣ висѣла литографія, изображающая *Встрѣчу въ лѣсу,* много разъ видѣнная мною въ Россіи.

Я сейчасъ познакомился съ обществомъ офицеровъ и съ фотографомъ, который, послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, просилъ меня взглянуть на снятые имъ виды, чтобы я ему объяснилъ, чтò это такое.

Мы перебѣжали отъ дома къ дому, отворили дверь и очутились въ совершенныхъ потьмахъ. Фотографъ ввелъ меня ощупью за какую-то перегородку и зажегъ свѣчу. Я увидѣлъ фотографическіе препараты, баночки, пузырьки, тарелки, блюда. Запахъ іода ударилъ мнѣ въ носъ. Хозяинъ этого хими-

ческаго обиталища досталъ откуда-то родъ блюда съ крышкой, которую приподнялъ, и началъ вынимать со дна изъ воды фотографическіе рисунки.

— Напримѣръ, это что̀ такое? спросилъ онъ, расправляя рисунокъ передъ свѣчей на свѣтъ.

— Это Михайловскій соборъ!

«La cathédrale de St.-Michel. Bien!... а это?»

— Въ этомъ домѣ жилъ графъ Остенъ-Сакенъ до переѣзда въ Николаевскую батарею.

«Bien, c'est la maison du comte de Sakine!... а это что̀?»

— Я, право, самъ не знаю: эта башенка стоитъ на Екатерининской улицѣ, неподалеку отъ адмиралтейства. Прежде были здѣсь часы, которыхъ я не вижу...

«Bien, c'est l'horloge de l'amirauté?.. а это?»

— Это домъ какого-то частнаго человѣка: я не знаю.

— Вы не можете припомнить?

— Я никогда не зналъ, чей это домъ, да и не видывалъ его.

— Bien, c'est une maison inconnue!... а это что̀ такое?

— Это Графская пристань. Графъ — по вашему comte.

— Bien, c'est le port du comte!»

Мы просмотрѣли такимъ образомъ еще рисунковъ съ десятокъ, и живой Французъ непремѣнно давалъ каждому какое нибудь имя, подхватывая слова мои налету, не давая кончить. Кто-то постучалъ — онъ быстро убралъ блюдо съ рисунками, накрывъ его крышкой, и побѣжалъ отворять дверь. Вошелъ Берто̀. Дверь снова была заперта, блюдо явилось изъ мрака, и онъ показалъ рисунки майору, уже называя ихъ именами, скоро, не задумываясь, какъ будто онъ съ ними свыкся давнымъ-давно. Потомъ опять все захлопнулось и убралось, и мы пошли въ обѣденную залу. Тамъ уже закусывали.

— Намъ также пора, сказалъ мнѣ полковникъ: — пойдемте!

— Завтра, надѣюсь, мы будемъ обѣдать вмѣстѣ, сказалъ мнѣ Бертò.

Мы вышли съ Бодуеномъ и черезъ минуту были въ обѣденномъ домикѣ начальника штаба. Домикъ состоялъ изъ двухъ комнатъ: въ передней, ближайшей ко входу, обѣдали, а въ другой была, какъ кажется, спальня.

Мы сѣли за круглый столъ впятеромъ: начальникъ штаба, его помощникъ [1]), полковникъ Жаррасъ; дежурный штабъ-офицеръ [2]), майоръ Бомонтъ, — обѣдающіе постоянно у начальника штаба — Бодуенъ и я. Обѣдъ былъ славный, съ дикой козой и особенно съ удивительной говядиной, нѣжной, какъ пухъ. Въ промежуткахъ шла зелень, въ разныхъ видахъ. О достоинствѣ винъ и говорить нечего.

Начальникъ штаба спросилъ меня во время обѣда, откуда мы взяли такія страшныя бревна, изъ которыхъ былъ построенъ мостъ съ Южной стороны на Сѣверную.

Я отвѣчалъ, чтò зналъ о происхожденіи этихъ дѣйствительно гигантскихъ бревенъ, которыми мы застлали море на версту въ длину.

— Удивительный мостъ, сказалъ генералъ Мартемпре.

— И выстроенъ былъ довольно скоро, ваше превосходительство: въ 15 дней, подъ громами трехъ вашихъ батарей.

— Да, онъ росъ въ нашихъ глазахъ съ баснословной быстротою. Помните, Жаррасъ, какъ мы считали съ вами каждый вершокъ. А куда вы дѣли послѣ эти бревна? спросилъ онъ опять у меня: — мы на другой день не нашли ничего въ бухтѣ.

---

[1]) Sous-chef de l'Etat-Major.
[2]) Officier de service.

Вѣроятно, этотъ разговоръ былъ затѣянъ съ умысломъ; но мнѣ всетаки было пріятно. Построеніе и уборка моста, дѣйствительно, были славнымъ дѣломъ. Я сейчасъ увидѣлъ передъ собою русскаго человѣка, способнаго на такія вещи, которыя не знакомы другимъ народамъ, хоть они на взглядъ и подвижнѣе его и ведутъ вѣчно хлопотливую жизнь. Разница въ томъ, что у нихъ есть предѣлъ, есть мѣрка, а русскій человѣкъ лежитъ-лежитъ, да вдругъ махнетъ версту пятисотную... Я сказалъ весело:

— Не знаю, ваше превосходительство, куда убрали мостъ, потому что въ это время былъ на Инкерманѣ, за шесть верстъ оттуда, но знаю, что русскій человѣкъ спрячетъ въ одну ночь три такіе моста, и больше, лишь надо умѣть ему приказать.

— Ну, а что̀ подѣлываетъ вашъ генералъ д'Отмаръ? спросилъ Мартемпре, обращаясь къ Бодуену: — все охотится?

Разговоръ принялъ другое направленіе. Мы сидѣли за столомъ два часа. Потомъ всѣ тотчасъ разошлись. Мы съ полковникомъ нашли въ своемъ домикѣ приготовленныя постели. Къ нему прибылъ мулъ съ его багажемъ: двумя ящиками, о которыхъ я уже говорилъ, и которые имѣли каждый по двѣ скобки сбоку: на скобкахъ утверждались двѣ палки съ холстиной, родъ носилокъ, и это составляло преисправную кровать. Въ голова̀ шинель, что-нибудь такое, одѣяло въ ящикѣ — ложись, солдатъ, и спи! и нѣтъ съ тобой никакихъ повозо́къ и фуръ, и ходишь ты по всевозможнымъ дорогамъ и во всякое время года!... Французы не понимаютъ, отчего мы не заведемъ себѣ муловъ, когда это такъ удобно.

Моя постель была импровизована изъ кучи какихъ-то тюфяковъ и накрыта бѣльемъ, блестящимъ, какъ серебро.

Мы сейчасъ улеглись. Конюхъ полковника, прибывшій съ муломъ, небольшой картавый человѣчекъ, въ холстинной блузѣ и фескѣ, явился съ дровами и затопилъ каминъ; но я его про-

клялъ: каминъ, очень красивый снаружи, былъ устроенъ дурно и дымилъ. Впрочемъ, мы скоро заснули, и заснули хорошо.

Вставъ утромъ часовъ въ 7, я уже не нашелъ полковника въ комнаткѣ. Сапоги мои были вычищены, платье также. На столѣ стояли тазъ и рукомойникъ. Я всталъ и умылся по французски, самъ, плескаясь въ тазу и выливая за окно воду. Потомъ... разумѣется, захотѣлось чаю; но его нельзя было устроить. Я пошелъ прогуляться, захвативъ на случай и портфель. Я имѣлъ позволеніе начальника штаба рисовать все, что̀ мнѣ вздумается. Главная квартира была уже на ногахъ. Лагери также проснулись. Тамъ и сямъ гремѣли барабаны.

Я накинулъ очеркъ домика Пелиссье, съ окружающими его строеніями. Никто ко мнѣ не подходилъ и не спрашивалъ, что̀ я дѣлаю. Часовъ въ 11 я воротился домой и нашелъ полковника за чтеніемъ руанской газеты и писемъ. Мы отправились завтракать въ обѣденную залу Берто̀ и его товарищей.

— Хотите куда-нибудь ѣхать? спросилъ меня Бодуенъ послѣ завтрака: — лошади и проводникъ къ вашимъ услугамъ.

— Вы знаете, куда я прежде всего хочу ѣхать. Спрашивать нечего. Велите подавать лошадей.

— Вы хотите видѣть Севастополь; но я долженъ васъ предупредить, что вы найдете однѣ грустныя развалины.

— Что̀ бы я ни нашелъ, я все-таки хочу его видѣть, и видѣть какъ можно скорѣе.

Мнѣ подвели лошадь. Пишо̀ и проводникъ-Татаринъ отправились со мною вмѣстѣ.

Мы ѣхали довольно шибко мимо лагерей и какихъ-то отдѣльныхъ палатокъ, перемѣшанныхъ съ балаганами. Намъ стали попадаться русскія ядра и осколки бомбъ. Я никакъ не думалъ встрѣтиться такъ скоро съ моими земляками. Первыя ядра увидѣлъ я съ небольшимъ въ верстѣ отъ Главной квартиры

и слишкомъ въ четырехъ верстахъ отъ Севастополя. Потомъ мы проѣхали двухэтажный каменный домъ Уптена, столько знакомый командирамъ всѣхъ нашихъ батарей праваго фланга. Около него всегда толпились кучи Французовъ и Англичанъ, видныя только въ трубу. Сколько разъ цѣлили по немъ съ 4-го, 5 и 6-го бастіоновъ! Одинъ батарейный командиръ увѣрялъ меня, что однажды распугалъ любопытныхъ около этого дома пущеннымъ ловко ядромъ. Я искалъ слѣдовъ пріятельскаго ядра, но не нашелъ ничего. — Потомъ направо, въ полѣ, мы встрѣтили наши севастопольскія пушки, на лафетахъ и безъ лафетовъ, окруженныя цѣпью рогатокъ. Больше и больше стало попадаться славныхъ русскихъ ядеръ... Наконецъ мелькнули строенія города; но я почти ничего не могъ узнать: это были не строенія, а массы разрушенныхъ домовъ, безъ крышъ и безъ оконъ; это были желтые, глиняные столбики, торчавшіе изъ земли на огромномъ пространствѣ. Мы проѣхали нѣсколько рядовъ непріятельскихъ траншей, бо́льшею частію засыпанныхъ, и очутились передъ заставой, которой я никогда не видалъ во время осады. Направо я узналъ 4-й бастіонъ. Налѣво хотѣлъ угадать 5-й и 6-й, которыхъ казематы были мнѣ столько знакомы, — и что же? я никакъ не могъ ихъ отъискать за грудами камней. Искалъ извѣстнаго всѣмъ дома Красильникова, чтобы по немъ добраться хоть приблизительно — не нашелъ и его. Какъ остовы мертвецовъ, похожи были другъ на друга разбитыя жилища Севастопольцевъ... Въ самой заставѣ, на площадкѣ, собрались какія-то войска: стояли батальона два въ ружьѣ. Мы проѣхали мимо ихъ и повернули налѣво по Морской. Тѣ же развалины, тѣ же столбики; но между ними, къ удивленію, попадались совершенно цѣлые дома, съ крышами, какъ будто нарочно пощаженные выстрѣлами и пожаромъ. Такъ странно было ихъ видѣть посреди опустошенія! Притомъ они еще жили: въ нихъ шевелились люди; иногда у воротъ сто-

ялъ часовой. Ясно было, что дома̀ не столько разбиты выстрѣлами и разрушены пожаромъ, сколько расхищены потомъ непріятелемъ. Я самъ на третій день послѣ сдачи, когда утихъ пламень и разсѣялся дымъ, видѣлъ десятки, если не сотни, уцѣлѣвшихъ крышъ: городъ стоялъ какъ будто не погорѣвшій; а тутъ не осталось почти ни одной дощечки. Въ домахъ съ уцѣлѣвшими донынѣ крышами жилъ кто-нибудь изъ генераловъ французской арміи: вотъ почему спаслись эти крыши. На иныхъ домахъ я читалъ надписи углемъ: 2-me Corps, 3-me Zouaves... и разныя другія надписи. Вотъ въ переводѣ одна, болѣе удобная: *Говорятъ, что сержантъ Бернаръ не пьетъ водки, а онъ пьянъ всякій день.* Но больше всего было именъ и фамилій.

Я почти ничего не говорилъ съ Пишо̀ во всю дорогу, и онъ меня не спрашивалъ, вѣроятно, угадавъ мои чувства. Что толковать о томъ, какъ было грустно... не знаю, что̀ бы я далъ, чтобъ эти улицы стали опять прежними улицами, полными русскимъ народомъ, хоть бы даже снова загудѣлъ и загремѣлъ Севастополь, пробуждая нашихъ пріятелей, занявшихся расхищеніемъ нашихъ домовъ, шумными скачками и каруселями...

Мы проѣхали почти всю улицу. Я взглянулъ вверхъ на памятникъ Казарскаго: онъ уцѣлѣлъ совершенно; но чугунная рѣшотка, окружавшая бульваръ снизу, почти вся исчезла [1]). Нѣсколько ея кусковъ валялось на гранитныхъ плитахъ тротуара. Лѣстница также была разбита... а налѣво, къ морю — Боже мой! — на мѣстѣ, гдѣ стояла громадная Николаевская батарея, бѣлѣли кучи мусору — и только! Изъ-за нихъ выступалъ противоположный берегъ, прежде не видный. Нѣсколько

[1]) Въ какомъ видѣ была тогда эта рѣшотка, можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, на рисункѣ № 23, — съ краю., направо. Тамъ-же и домъ Собранія, о которомъ говорится немного ниже.

французскихъ солдатъ копались въ мусорѣ и подбирали что-то между камнями. Мы повернули направо, мимо бульвара. Вотъ и Собраніе, — главный перевязочный пунктъ, съ которымъ такъ связано имя Пирогова. Казалось, за этими обожженными стѣнами, безъ крыши и оконъ, тамъ, въ глубинѣ, въ обширной залѣ, сейчасъ увидишь его, въ сѣрой солдатской шинели, изъ-подъ которой выглядываетъ красная фуфайка; на головѣ картузъ... онъ сидитъ тамъ безвыходно, у столика, въ сторонѣ, и смотритъ, какъ носятъ и носятъ кровавыя носилки; иногда подойдетъ къ операціонному столу, посмотритъ и опять сядетъ за свой столикъ... тамъ онъ, тамъ, этотъ человѣкъ въ сѣрой шинели, съ выразительнымъ лицомъ, съ виду суровый и холодный...

Лѣвѣе, на площадкѣ, стоялъ домикъ Государыни Екатерины; но это уже не домъ, а четыре голыя стѣны. Ни крыши, ничего. Уцѣлѣла только часть деревьевъ, окружавшихъ его. Спереди пристроенъ балаганъ, или, просто, навѣсъ, съ надписью: «Café restaurant»[1]). Ямы, оставленныя бомбами на площадкѣ, все тѣ же. Не прибавилось ни одной. Вотъ и Графская пристань! Мы слѣзли съ лошадей и спустились по ступенямъ. Внизу лежала разбитая пушка. Немного дальше валялись два бѣлые куска мрамора, въ которыхъ я насилу узналъ двѣ статуи, стоявшія на пристани, въ нишахъ. Львы и двѣ другія статуи были нами спасены. Направо, за грудами камней, какъ разъ противъ домика, въ которомъ жили офицеры, смотрѣвшіе за пристанью, свалено было множество ядеръ и картечи. Нѣсколько Французовъ хлопотали около какихъ-то бревенъ. Въ Южной бухтѣ двигались англійскія суда. Противоположный берегъ пестрѣлъ народомъ. Морскіе магазины казались цѣлыми. За ними возвышался пустынно Малаховъ, съ вѣявшимъ на немъ

---

[1]) Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 24-й.

французскимъ флагомъ; но что-то грустное, молчаливое, какъ смерть, было тамъ, на этихъ валахъ... [1]) Сѣверный берегъ чернѣлся передо мною по прежнему: я не замѣтилъ въ немъ никакой перемѣны.

Я хотѣлъ было рисовать; но вѣтеръ, несносный и пронзительный, рвалъ изъ рукъ бумагу.

Поднявшись опять на лѣстницу, я пошелъ по Екатерининской улицѣ. Деревья у тротуаровъ были цѣлы; но дома также разрушены. Всѣмъ, бывшимъ въ Севастополѣ во время осады, извѣстно, что скоро, на правой рукѣ, является домикъ, гдѣ жилъ Нахимовъ. Я даже помню номеръ на воротахъ — 14-й. Я едва узналъ этотъ домикъ, стоявшій, какъ и другіе, безъ крыши. Я тотчасъ взошелъ по каменнымъ ступенькамъ въ бывшій стеклянный корридоръ и заглянулъ въ дверь: полу не было; я съ трудомъ спустился на груды камней и осмотрѣлъ всѣ комнаты. Въ кабинетѣ остались желѣзныя кресла адмирала, разумѣется, одинъ остовъ. Ядро засѣло въ стѣну. Кое-гдѣ уцѣлѣли обои. Въ гостиной еще не выскочилъ изъ стѣны гвоздикъ, на которомъ висѣла картинка, изображавшая фрегатъ «Крейсеръ». Деревья на дворѣ зеленѣли по прежнему. Подъ окнами, въ небольшомъ садикѣ, выходили изъ земли широкіе листья тюльпановъ, посаженныхъ по приказанію адмирала...

Вотъ домъ Тотлебена... еще дальше — Митрополичье подворье, гдѣ я, бывало, пилъ чай по вечерамъ съ отцомъ Веніаминомъ, священникомъ фрегата «Коварны», когда мы оба возвращались изъ Библіотеки и заходили сюда къ отцу Никандру и другому Веніамину. Виноградъ, росшій у нихъ на дворѣ, пострадалъ отъ огня. Остался только главный толстый стволъ, на этотъ годъ не пустившій зелени... Библіотека глядѣла

---

[1]) Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 22-й.

сверху по прежнему, конечно, разрушенная, какъ и все, съ упавшей террасой, съ разбитыми и треснувшими стѣнами. Одинъ Михайловскій соборъ стоялъ невредимъ. Я пошелъ къ нему съ мыслію помолиться. Сколько разъ я молился въ немъ и передъ нимъ, проходя иногда по улицѣ, когда все кругомъ гремѣло и земля колыхалась подъ ногами. Здѣсь мы хоронили нашихъ героевъ... сколько воспоминаній! И я пошелъ припомнить ту молитву, которая, бывало, ободряла и просвѣтляла меня, которую человѣкъ умѣетъ находить только въ минуты тяжкихъ испытаній, — и что̀ же? войдя внутрь, я не могъ помолиться: храмъ не походилъ на храмъ. Голыя, обнаженныя стѣны и столбы были исписаны кругомъ праздными изображеніями и надписями...

Выйдя изъ собора, я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ прямо къ 4-му бастіону. По улицѣ волокли Французы какое-то бревно, впрягши трехъ лошадей цугомъ. Дальше стали попадаться французскія военныя телеги, четверней и шестерней, по двѣ лошади въ рядъ.

Я проѣхалъ домъ, гдѣ жилъ, въ началѣ осады, графъ Остенъ-Сакенъ. Онъ довольно сохранился [1]). Вотъ бывшая кондитерская Йо̀гана; вотъ гостинница Томаса, гдѣ я жилъ въ февралѣ прошлаго года. Я отъискалъ слѣды ракеты, разбившей у насъ окна въ трехъ номерахъ и потревожившей цѣлый домъ. Вотъ и кондитерская Томаса, гдѣ случалось мнѣ ѣсть мороженое въ іюлѣ, за мѣсяцъ до сдачи. Вотъ лавки Караимовъ, огромный трехъэтажный домъ. Вѣтеръ хлопалъ остатками маркизъ въ верхнемъ этажѣ...

Я искалъ въ переулкѣ лавочки, куда ходилъ иногда за кренделями; но тутъ все слилось въ массу каменныхъ обломковъ...

---

[1]) Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 25-й.

Мнѣ пришелъ на память хромой, неразговорчивый хозяинъ этой лавочки... гдѣ-то тутъ висѣлъ колокольчикъ, который вызывалъ мрачную фигуру изъ сосѣдней коморки... хозяинъ безмолвно отворялъ свой убогій шкапикъ и доставалъ связки кренделей... Гдѣ-то онъ теперь ковыляетъ по бѣлому свѣту? живъ ли?.. Вотъ наконецъ и театръ, предвѣстникъ 4-го бастіона. Торчали однѣ стѣны. Только входъ былъ сбереженъ какимъ-то ресторатором, повѣсившимъ тутъ доску съ надписью: «Café du Théatre»[1]). Направо черезъ площадь, гдѣ, бывало, роемъ летали штуцерныя пули и страшно было ходить, стояла наша полосатая будка, и при ней ходилъ французскій часовой. Мнѣ пришла мысль срисовать театръ изъ будки, потому что вѣтеръ все еще продолжался и мѣшалъ рисовать на открытомъ воздухѣ. Я вошелъ въ будку прямо, какъ хозяинъ, усѣлся на камнѣ, который тамъ лежалъ, и накинулъ очеркъ. Часовой не сказалъ мнѣ ни слова; только послѣ заглядывалъ въ будку и дружелюбно заговаривалъ со мной о разныхъ предметахъ. Кстати, въ отношеніи французской учтивости, замѣчу здѣсь, что нѣкоторые часовые по улицамъ дѣлали мнѣ на-караулъ, а встрѣчные солдаты, не имѣвшіе ружей, прикладывали руку къ шапкѣ.

Окончивъ очеркъ, я сѣлъ опять на лошадь и взъѣхалъ на 4-й бастіонъ. Это были взрытыя груды земли — и больше ничего. Посрединѣ, поворачивая то вправо, то влѣво, шла крѣпкая тележная дорога. Индѣ валялись ядра и осколки бомбъ; разсыпана была ржавая картечь. Слѣды амбразуръ едва-едва остались. Все это слилось въ низкій бугристый валъ, на которомъ, мѣстахъ въ трехъ, торчали небольшія каменныя будочки,

---

[1]) Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 26-й.

и подлѣ нихъ сидѣли часовые. Я насилу нашелъ блиндажъ адмирала Новосильскаго и потомъ пороховой погребъ.

Чтобы не возвращаться назадъ, Татаринъ мой отъискалъ спускъ прямо съ одного угла бастіона, черезъ ровъ. Мы съѣхали благополучно. Тутъ опять осколки, клочки картечныхъ картузовъ и даже пули. Остановясь на минуту, я набралъ безъ всякого труда пуль тридцать; взглянулъ на бастіонъ снаружи, откуда, конечно, никогда его не видывалъ: еще ровнѣе валъ; еще невѣроятнѣе, что эти осѣвшіе, разрытые холмы были когда-то страшнымъ, неприступнымъ 4-мъ бастіономъ, который до конца выдержалъ бой и сохранилъ свою славу. Трехъ взмаховъ карандаша довольно было для того, чтобы снять одинъ уголъ бастіона, съ будочкой и Французомъ [1]).

Было пять часовъ. Мы погнали лошадей рысью, чтобы поспѣть къ обѣду и послѣ ѣхать въ театръ въ Камышъ.

Я нашелъ офицеровъ уже въ обѣденной залѣ. Полковникъ, извѣстный панорамами, говорилъ о Россіи, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ. Замѣчанія его были довольно вѣрны.

Послѣ обѣда я увидалъ у крыльца осѣдланныхъ лошадей.

— Ну, господа, ѣдемъ! сказалъ Бертò.

Французы не любятъ копаться; когда сказано *ѣдемъ!* — спѣшите выходить и садиться: иначе, вы отстанете на версту.

Мы отправились въ театръ: Бодуенъ, Бертò, капитанъ Орбиньи, поручикъ д'Орлеанъ, принадлежавшій также къ штабу, и я.

Чтобы ѣхать въ Камышъ изъ Главной французской квартиры, надо взять гораздо лѣвѣе Севастополя. Французы считаютъ до него отъ Штаба восемь верстъ, но мнѣ показалось меньше. Мы ѣхали все время рысью. На дорогѣ случилось не-

[1]) Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 27-й.

большое происшествіе: вдругъ я увидѣлъ передъ собою фонтанъ искръ; лошади шарахнулись. Что же оказалось? — у капитана Орбиньи загорѣлись въ карманѣ спички. Мы, конечно, остановились и начали, съ общими криками, тушить пожаръ: то тамъ, то здѣсь выскакивали искры. Капитанъ лишился кармана въ брюкахъ и части сюртука. Когда все было улажено, мы опять тронули коней.

Въ верстѣ или около того отъ Камыша, мы встрѣтили валъ и широкій ровъ, который шелъ оттуда до Казачьей бухты, какъ сказалъ мнѣ Бертò. Меня изумлялъ ровъ, глубиною больше, чѣмъ въ ростъ человѣка, и шириною сажени въ полторы. Онъ былъ вырытъ въ крѣпкой каменистой почвѣ; каменные слои ярко обозначались на стѣнкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышались батареи; но пушекъ нигдѣ не было. Мы проѣхали въ вороты между валами. Камышъ показался вдали: тѣсные ряды однообразныхъ деревянныхъ домовъ, пожалуй, балагановъ, идущіе версты на двѣ, съ нѣкоторыми промежутками, потомъ бухта, полная кораблей, и море. Voilà Kamiesch!

Мы проѣхали нѣсколько палатокъ и балагановъ. Нàчало темнѣть и кое-гдѣ блеснули огоньки.

— Вотъ и театръ, сказалъ мнѣ Бертò.

Среди массы темнѣющихъ зданій я увидѣлъ треугольникъ крыши, надъ которой полоскался въ воздухѣ небольшой флагъ.

Я уже воображалъ освѣщенныя ложи, гремящій оркестръ... играютъ водевиль... нѣсколько шаговъ — и я увижу все это; но я забылъ французскіе порядки: надо было еще пристроить лошадей.

Д'Орлеанъ почему-то командовалъ нашимъ поѣздомъ. Недоѣхавъ до театра шаговъ пятнадцати, онъ повернулъ къ одному длинному балагану, и мы всѣ повернули за нимъ.

Балаганъ былъ теменъ и пустъ. Ни шороху, ничего!

— Кто тамъ есть? крикнулъ д'Орлеанъ: — нельзя ли принять лошадей?

Никто не отвѣчалъ. Надо было крикнуть громче. За воротами задвигалось какое-то живое существо и сказало, что нѣтъ мѣста, некуда поставить: спросите тутъ рядомъ.

Спросили рядомъ: та же исторія.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, гдѣ турецкія конюшни?

— А дальше, у самаго въѣзда: тамъ увидите палатки.

Мы поѣхали совсѣмъ назадъ, и опять театръ исчезъ изъ виду.

Довольно долго искали мы турецкихъ конюшенъ. Подъѣхали къ какимъ-то палаткамъ; явилось нѣсколько оборванныхъ Турокъ.

— Гдѣ французскій онъ-баши? [1]) спросилъ д'Орлеанъ по турецки, разумѣется, съ французскимъ произношеніемъ, и вмѣсто *гдѣ* поставивъ *куда*.

Турки забормотали что-то. Двое-трое отдѣлились отъ толпы и побѣжали показывать. Мы двинулись за ними и подъѣхали къ другимъ палаткамъ. Черезъ минуту явился Турокъ съ фонаремъ, одѣтый въ черномъ казакинѣ. Я замѣтилъ цѣпочку часовъ, болтавшуюся у его борта. Вообще онъ глядѣлъ довольно прилично.

Онъ взялся уладить нашихъ лошадей, отпустилъ намъ нѣсколько французскихъ словъ, не слишкомъ связныхъ и ясныхъ. Французы отпустили въ томъ же духѣ и ему нѣсколько турецкихъ, — и дѣло устроилось. Мы слѣзли съ лошадей и пошли пѣшкомъ къ театру, отъ котораго отдалились на полверсты.

Мы шли между рядами балагановъ. Въ одномъ мѣстѣ, на площадкѣ, солдатъ, принявъ насъ за патруль, свѣсилъ ружье и закричалъ: «кто идетъ?»

---

[1]) Онъ-баши — десятникъ (*онъ* — десять, *башъ* — голова).

Театръ опять явился со своимъ флагомъ; мы подошли — и что же? нѣтъ спектакля! Разумѣется, это озадачило насъ всѣхъ очень неприятно.

Мы стали разсуждать, что̀ намъ дѣлать. Я взлянулъ на городъ: черезъ площадь (театръ стоялъ, какъ водится, на площади) начиналась улица, освѣщенная фонарями. Это была улица *Славы*. По ней двигалось нѣсколько людей. Командиръ нашей поѣздки, д'Орлеанъ, побѣжалъ зачѣмъ-то туда и пропалъ въ темнотѣ. Направо было тоже нѣсколько балагановъ, изъ которыхъ угольный вмѣщалъ, кажется, ресторацію. Двое прохожихъ шумѣли на углу, потомъ подошли къ ресторану, и одинъ началъ стучать въ стѣну кулакомъ. Этотъ стукъ раздавался громко въ тишинѣ ночи. Хозяинъ вышелъ и никакъ не могъ отогнать докучныхъ гостей. Кулакъ барабанилъ да барабанилъ въ стѣну. Потомъ, съ правой стороны, показались два солдата.

— Пойдемъ, поглядимъ, кто это тамъ, сказалъ одинъ.

Они немного покачивались, и шли обнявшись; подойдя къ намъ, поглядѣли, и одинъ сказалъ: «Какіе-то офицеры!... пойдемъ лучше въ Камышъ!»

И они отправились въ Камышъ. Мы все стояли и разговаривали, какъ вдругъ слѣва показалась темная фигура въ пальто.

— Вотъ и мсьё Шово̀! [1]) сказалъ Орбиньи.

Шово̀ обернулся къ намъ; у него тотчасъ же спросили, отчего нѣтъ спектакля. Было объявлено, что спектакли идутъ ежедневно.

Онъ началъ раскланиваться и объяснилъ, что, вслѣдствіе отбытія нѣкоторыхъ полковъ во Францію, не стало доставать

[1]) Директоръ театра.

музыкантовъ, и онъ принужденъ былъ два дня исключить изъ репертуара, а именно понедѣльникъ и пятницу.

— Вы, вѣрно, не читаете моихъ афишекъ, мессьё! это все было напечатано... Впрочемъ, такъ-какъ вы жалуете рѣдко, не угодно ли будетъ взглянуть на внутренность театра? Тамъ произошли нѣкоторыя перемѣны и добавленія, съ тѣхъ поръ, какъ я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть... Пожалуйте за мной!

Мы поднялись на крыльцо и вошли въ боковую дверку. Шово̀ зажегъ свѣчу и повелъ насъ въ партеръ, раздѣлявшійся на двѣ части: для офицеровъ и солдатъ. Вездѣ были лавки со спинками, обитыя крашенной холстиной. На спинкахъ стояли нумера. Мы перелѣзли черезъ загородку, отдѣлявшую солдатскія мѣста отъ офицерскихъ, и наткнулись на спущенную люстру. Люстра была деревянная, но сдѣлана довольно затѣйно. Директоръ обратилъ на нее наше вниманіе.

— Лучше нельзя, господа: вѣдь это все въ три-четыре недѣли.

Онъ показалъ намъ на нижнее, блестѣвшее серебромъ украшеніе люстры.

— Это мы достали въ Севастополѣ, сказалъ онъ, съѣвъ частицу послѣдняго слова, что̀ сдѣлалъ собственно уже для меня. — Французы вообще стараются какъ можно меньше говорить при насъ о Севастополѣ. Русскому человѣку недолго нужно разсматривать это украшеніе, чтобы узнать церковное паникадило.

Мы пошли дальше. Театръ былъ довольно великъ и устроенъ хитро. Такъ-какъ мѣста для зрителей шли покато сверху внизъ, то можно было нѣкоторую часть залы вырыть въ землѣ. Этимъ выигрывалось время постройки и даже самый матерьалъ. Чуть-чуть не половина залы находилась подъ землей. Стѣны были заштукатурены, выбѣлены и слились совершенно съ деревян-

ной надстройкой, гдѣ помѣщались ложи. Я бы, конечно, не разсмотрѣлъ этой архитектурной продѣлки, если бы намъ не объяснилъ ея самъ директоръ.

— Теперь не угодно ли пожаловать въ ложи?

Переднія ложи, ближайшія къ сценѣ, отличались нѣкоторымъ особеннымъ убранствомъ. Въ четырехъ изъ нихъ были занавѣски.

— Вотъ ложа маршала, сказалъ Шово̀, вводя насъ въ первую ложу налѣво.

Но маршалъ, какъ я узналъ послѣ, никогда не бываетъ въ театрѣ. Шово̀ и не разсчитываетъ на его посѣщеніе и потому рѣшается иногда, при недостаткѣ мѣстъ, пускать офицеровъ въ эту ложу.

Ложа была довольно обширна. Въ ней могло помѣститься человѣкъ пять. Впереди стояли два кресла и стулъ. Сзади, у стѣнки, былъ диванъ, обитый ситцемъ.

Шово̀ потрогалъ подушку рукой, какъ бы лелѣя свое дитя, и попросилъ Берто̀ сѣсть:

— Пожалуйста, сядьте! вѣдь довольно мягко. Это все *я* импровизировалъ... вотъ ложа для перваго коменданта!... вотъ для офицеровъ Главнаго штаба!

— Славно, славно, мсьё Шово̀! нечего сказать, вы мастеръ своего дѣла! замѣтилъ ему Берто̀.

— Я бы устроилъ лучше, но на все это, считая тутъ же и постройку театра, — мнѣ дали только шесть недѣль. Помните, въ Оранѣ [1]) у насъ театръ былъ немного лучше. Помните, когда прибылъ туда маршалъ Бюжо, онъ остался очень доволенъ. «Это мнѣ напоминаетъ предмѣстье Парижа!» сказалъ онъ

---

[1]) Въ Африкѣ, въ провинціи Алжиръ.

мнѣ, проходя по улицѣ Славы. Дѣйствительно, тамъ было много двухъ-этажныхъ домовъ... о, какой былъ спектакль! На немъ присутствовали герцогиня Омальская, герцогиня Немурская, его высочество герцогъ Монпансье!

— А здѣсь много у васъ бываетъ?

— Много: театръ можетъ помѣстить тысячу-двѣсти человѣкъ, и, представьте, всякій день почти полонъ. Третьяго-дня были здѣсь всѣ націи: Французы, Англичане, Русскіе, Сардинцы — voilà quatre nations! мнѣ очень пріятно вспомнить этотъ день! Русскіе — о, какой это любознательный народъ! Говорятъ на всѣхъ языкахъ, на какихъ угодно. «Мсьё Шовò, дайте, пожалуйста, лишнюю афишку, я пошлю пріятелямъ...» всякій день бываютъ! Вѣроятно, явятся и завтра; пріѣзжайте: будетъ очень недурной спектакль, нѣчто буфоническое, une bouffonnerie musicale! Les deux aveugles и потомъ Le Caporal et la Payse...

Потокъ рѣчей лился изъ устъ Шовò неудержимо. Я передаю только малую частицу и чувствую, что выходитъ что-то не то. Букетъ французской болтовни пропалъ совсѣмъ. Для этого нуженъ французскій языкъ.

Мы вышли опять на крыльцо и увидѣли своихъ лошадей. Что-то не уладилось, и Турки привели ихъ назадъ. Это было очень кстати; но д'Орлеанъ еще не являлся. Мы принялись опять за болтовню съ Шовò.

— Чтò, какъ вы держите актрисъ, мсьё Шовó? спросилъ у него кто-то — Камышъ такой городъ...

— Я поступаю въ этомъ случаѣ, какъ всѣ директоры театровъ въ мірѣ... Впрочемъ, я не могу пожаловаться...

— А вотъ и мсьё д'Орлеанъ!

Мы увидѣли зыблющуюся, воинскую фигуру д'Орлеана. Этотъ офицеръ былъ ничто иное, какъ шитая шнурками куртка, широкія красивыя брюки, съуженныя дудочкой книзу,

лихая фуражка и усы, — словомъ, точь-въ-точь, какъ рисуютъ военныхъ во французскихъ иллюстраціяхъ.

Турки подали намъ лошадей, и мы поѣхали шагомъ.

На другой день, послѣ завтрака, я отправился съ Пишо̀ въ Георгіевскій монастырь, съ тѣмъ, чтобы оттуда проѣхать въ Камышъ. Пишо̀ взялся показывать дорогу, но путалъ. Однако, мы пріѣхали на мѣсто довольно рано. Я вспомнилъ очеркъ монастыря, помѣщенный въ Иллюстраціи: берегъ моря, скалы, бѣлѣющая церковь, и собирался повѣрить все это на дѣлѣ. Подъѣзжаемъ: какой-то дворъ; нѣсколько каменныхъ зданій, построенныхъ покоемъ. Направо — судя по всему, въ кухнѣ — шелъ говоръ на англійскомъ языкѣ. Я увидѣлъ поваровъ въ фартукахъ и колпакахъ, кострюльки, блюда и въ заключеніе, на полу, въ сѣняхъ, кипящій русскій самоваръ. Никакого моря, ни скалъ, ни церкви. Я сказалъ объ этомъ Пишо̀.

— Погодите, все это будетъ, отвѣчалъ онъ.

Мы слѣзли съ лошадей, прошли какимъ-то коридоромъ въ зданіи направо и очутились на террасѣ съ чугунной оградой; а потомъ шелъ крутой скатъ къ морю: гора, покрытая сосновымъ лѣсомъ. Въ глубинѣ, почти у подошвы ската, виднѣлись домики. Правѣе, какъ бы обрамливая картину, стояли стоймя черныя скалы, окунувшись въ море. На одной изъ ихъ вершинъ сидѣлъ Англичанинъ, неизвѣстно какъ взгромоздившійся туда. Я узналъ его по мундиру. Впрочемъ, кого другаго занесло бы на эти скалы? У рѣшотки стояло нѣсколько французскихъ офицеровъ, облокотясь на чугунъ. Другіе сидѣли на каменныхъ плитахъ, подлѣ рѣшотки, и что-то читали. Направо некуда было итти, развѣ только въ кельи братій; мы пошли налѣво и увидѣли церковь. Французскій жандармъ, ходившій въ воротахъ, которыя стояли поперекъ террасы, подошелъ къ намъ и спросилъ, что̀ намъ нужно. Я сказалъ, что хочу видѣть церковь и монастырь.

— Въ церкви идетъ теперь служба, отвѣчалъ жандармъ.

— Тѣмъ лучше: я могу помолиться: сегодня у насъ Страстная суббота.

— Извольте пройдти.

Мнѣ сейчасъ пришелъ въ мысли настоятель монастыря, отецъ Геронтій, о которомъ я такъ много слышалъ. Онъ оставался съ братіею во все время осады въ монастырѣ. Мнѣ хотѣлось взглянуть на физіономію этого человѣка. Обѣдня была уже на отходѣ, когда я вошелъ въ церковь, наполненную народомъ. Много было Англичанъ и Французовъ. Я никакъ не могъ протѣсниться внутрь и остался въ дверяхъ. Подлѣ меня стояли два французскихъ офицера и говорили о Геронтіи, какъ кажется, тоже дожидаясь его выхода. Геронтій вышелъ съ дарами... я не видывалъ такого величаваго старца. Но было что-то суровое въ чертахъ его лица. Я такъ заглядѣлся, что забылъ опустить голову. Французы глядѣли на него пристально, не спуская глазъ; офицеръ, стоявшій подлѣ меня, не выдержалъ, обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Какой старикъ!

Я вышелъ изъ церкви и сталъ смотрѣть на море. Мнѣ захотѣлось спуститься внизъ, чтобы взглянуть оттуда на монастырь; но у калитки, на нижней террасѣ, была такая надпись: il est défendu de descendre au bord de la mer. То же самое было написано и по-англійски.

«Стало быть, это для Англичанъ и Французовъ — подумалъ я — а Русскихъ Пелиссье велѣлъ пускать вездѣ, безъ всякихъ исключеній: зачѣмъ же я откажусь отъ своихъ правъ?»

Я сталъ объяснять мое желаніе Пишò, говоря по-русски. Въ это время проходилъ монахъ и, услыхавъ русскую рѣчь, остановился и сказалъ намъ весело:

— Чтò это, Русь, Русь?

Я разговорился съ нимъ о монастырѣ и объ отцѣ Геронтіи.

— Да, тяжело приходило, сказалъ мнѣ монахъ: — ничего не знаешь о своихъ; строгость такая! особенно, когда стояли здѣсь зуавы. На горку не выйди поглядѣть: сейчасъ и бѣжитъ солдатъ и машетъ ружьемъ. Другіе, армейскіе пришли, — стало полегче; а какъ жандармы поступили, такъ ужь совсѣмъ стало хорошо. Мы съ ними, какъ со своими. Да ужь и говорить–то мы немного стали поихнему: все иное слово и объяснишь. Поѣдетъ жандармъ въ Камышъ, на базаръ, всегда придетъ: не надо ли кому чего купить въ городѣ? и купитъ лучше нашего. Сардинки — онѣ что̀ стоютъ? мы по три франка платили, а жандармъ поѣдетъ, только два заплатитъ, или полтора.

— Нельзя ли, батюшка, сойдти къ морю? спросилъ я.

— Отчего нельзя. Мы васъ куда угодно проведемъ. Это сдѣлалъ Пелиссье, чтобъ туда ихніе не ходили. Тамъ, внизу, Англичане разорили домъ, — ну и было запрещено съ тѣхъ поръ ходить къ морю. Только я вотъ вамъ что̀ скажу: трудно туда спускаться, надо палку взять и подпираться палкой; а бурку вы эту бросьте здѣсь, хоть у меня въ кельѣ. Вы думаете, какъ отсюда будетъ до моря? вѣдь тутъ верста!

— Какъ, верста спуску?

— Да, верста! оно не кажетъ, а верста! мы знаемъ хорошо; я васъ не обманываю, не пугаю; извольте идти, коли угодно: я вамъ сейчасъ покажу сходъ.

Онъ подошелъ къ жандарму, указалъ на меня и сказалъ просящимъ голосомъ:

La mer, la mer — хочетъ посмотрѣть: позволь!

Жандармъ понялъ, въ чемъ дѣло, и сказалъ, что онъ сейчасъ сходитъ за ключемъ и отопретъ мнѣ калитку; но мы объяснили, что этого не нужно, что есть другой спускъ, лишь бы не было препятствія.

— Препятствія нѣтъ, отвѣчалъ жандармъ: — извольте идти.

Монахъ повелъ меня къ таинственному сходу; но онъ оказался не совсѣмъ удобенъ: надо было прыгать съ какой-то стѣнки, опершись ногой въ щепку, воткнутую въ кирпичи. Однако, мы спустились съ Пиппо благополучно и стали сходить ниже и ниже, по извилистой тропинкѣ, между кустами. Кое-гдѣ попадались ветхія деревянныя лѣстницы, индѣ были высѣчены ступеньки въ самой горѣ; но вдругъ все это пропало, и намъ пришлось сползать, просто, по камнямъ... наконецъ мы остановились у обрыва. Море было еще далеко. Я взглянулъ назадъ: какъ купами темныхъ сосенъ висѣлъ въ воздухѣ бѣлый храмъ. Направо и налѣво выступали скалы, за живой рѣшеткой тополей. Я присѣлъ на пень и срисовалъ весь монастырь, какъ онъ мнѣ оттуда показывался. Потомъ мы стали опять подыматься. Тутъ только я повѣрилъ, что до моря верста.

Бурка моя оставалась въ сѣняхъ большаго каменнаго дома, гдѣ были кельи монаховъ. Я зашелъ за ней, но надѣть ее уже не могъ и привязалъ въ торока.

Мы поѣхали въ Камышъ; на дорогѣ, въ одной лощинѣ, встрѣтили человѣкъ десять музыкантовъ какого-то драгунскаго полка: они шли скорымъ шагомъ и наигрывали разные марши.

Вотъ Камышевскія батареи и чудесный ровъ, которымъ я снова полюбовался. Вотъ и палатки Турокъ. Мы отдали лошадей тому же онъ-баши и отправились пѣшкомъ въ городъ.

Какъ то естественно прежде всего попадаешь въ *улицу Слона*. Влѣво отъ нея идетъ еще нѣсколько улицъ. Иные даже оторвались въ поле и тамъ уже мѣшаются съ палатками.

Дома Камыша — это не дома для житья, а лавки или балаганы для торговли, бо̀льшею частію некрашенные. Камышъ — родъ Макарья въ ярмарку. Вы видите ряды бѣлѣющихъ вывѣсокъ съ яркими черными буквами. Нѣтъ до̀ма безъ вывѣски. Вы идете, и вамъ мелькаютъ въ глаза разные товары: головы сахару, въ извѣстной голубой бумагѣ; посуда, ряды бутылокъ; сабли, шпоры, ботфорты, — все это вмѣстѣ, почти не раздѣльно. Вотъ магазинъ эстамповъ. Вотъ разныя иллюстраціи, желтыя и зеленыя книжки, на которыя такъ и бросается глазъ, и тутъ же зеркала, гребни, щетки для усовъ, ликёры и портеръ... Глаза разбѣгутся: такая пестрота, блескъ, разнообразіе, а купить, кромѣ вина да сахару, нечего: все это слишкомъ средней руки. Между тѣмъ, цѣны довольно изрядныя. Когда вы станете расплачиваться — наполеондорами, нашими червонцами или какой хотите золотой монетой — вамъ сдадутъ всякими деньгами: французскими, англійскими, сардинскими, русскими, испанскими, турецкими. Нашъ цѣлковый принимается въ четыре франка и въ большомъ ходу.

Между лавками попадаются часто рестораны и кафѐ. Ихъ чуть ли не столько же, сколько лавокъ. Улица пестрѣетъ разнообразнымъ населеніемъ, звучатъ всевозможные языки; гремятъ телеги, несутся дилижансы. Вотъ стали у какой-то зеленой гостинницы, съ большими окнами, съ занавѣсками; кучи французскихъ офицеровъ сидятъ на балконѣ, за маленькими столиками. Въ окна видны накрытые столы, ряды ножей, вилокъ, блестящій хрусталь, обои, зеркала, картины въ золотыхъ рамахъ, — все какъ надо, хо̀ть бы въ городѣ; а тутъ, напротивъ, черезъ улицу, опять чисто лагерное, или ярмарочное строеніе: сѣрый досчатый балаганчикъ съ мотками кренделей и нѣсколькими головами сахару. Какіе-то рожны стоятъ у дверей: тележки, не тележки; торчатъ оглобли; на полъулицы разъѣхались два огромныя колеса. Кучи ящиковъ сло-

жены тутъ же; вороха какихъ-то бочекъ, кадушекъ, досокъ... двѣ убитыя крысы выброшены изъ лавки и никто ихъ не убираетъ... Вдругъ турецкій разговоръ влетѣлъ вамъ въ уши: по деревянному тротуару валитъ прямо на васъ толпа Турокъ, топая и крича... Пробѣжали какіе-то Жидки, выдающіе себя сію же минуту своей жидовской физіономіей. Вотъ скачетъ франтъ Англичанинъ на чудесномъ конѣ. Что̀ за конь! Блеститъ и сіяетъ лондонскій сапогъ у всадника... Вотъ мчится кабріолетъ и за нимъ цѣлая кавалькада разномундирныхъ Англичанъ... Прошли пять-шесть Французовъ въ синихъ шинеляхъ и въ красныхъ брюкахъ. А это что̀? Двѣ сѣрыя русскія шинели! И потянуло васъ къ нимъ, и хочется перемолвить нѣсколько словъ, и они уставились на васъ и смотрятъ, вѣрно, съ тѣми же мыслями... Но ваше вниманіе обращено уже на даму, которая ѣдетъ верхомъ рядомъ съ офицеромъ. Дама сидитъ по-мужски: ноги въ стремена. Офицеръ, красивый собою, кокетливо напуталъ на шею какой-то неформенный шарфъ...

Я просилъ Пишо̀ указать мнѣ лучшую гостинницу. Онъ рекомендовалъ одну, на улицѣ *Наполеона*, куда заѣзжаютъ обыкновенно иностранцы. Мы вошли въ комнату съ ситцевыми обоями, съ бѣлымъ полотнянымъ потолкомъ, весьма ловко устроеннымъ. Нѣсколько небольшихъ столиковъ были заняты Англичанами: мы насилу нашли себѣ мѣсто. Мнѣ подали прейскурантъ: я читалъ, читалъ и ничего не могъ понять, кромѣ *котлетъ*. Пришлось распорядиться этимъ дѣломъ Пишо̀. Онъ потребовалъ супу, волованов, какой-то рыбы, называемой тюрбо̀, бифстексу и бордо. Подавали довольно скоро, и все изготовлено было недурно. Особенно мнѣ понравилась рыба тюрбо̀. Вся эта исторія стоила 15 франковъ 20 сантимовъ. Вотъ счетъ, который представилъ мнѣ garçon послѣ обѣда:

Pour 2 personnes:

Pain	fr.	1	20
Vin	—	2	—
Potage . . .	—	2	—
Beefsteak. . .	—	3	—
Turbot . . .	—	3	—
Vol-au-vent . .	—	4	—

Потомъ мы пошли въ театръ [1]). Уже стемнѣло. По главнымъ улицамъ зажглись фонари. У театра толпилась куча солдатъ. Въ дверяхъ стояли двое часовыхъ съ ружьями; въ корридорѣ опять двое, дальше еще. Всюду ружья и штыки. Мы взяли съ Пишò билеты въ первыя мѣста, по пяти франковъ. Представленіе уже началось.

Странно охватываетъ васъ этотъ блескъ бронзовыхъ лампъ, подъ большими стеклянными колпаками, этотъ громъ оркестра, разноцвѣтные мундиры, европейскій порядокъ. Невольно подумаешь, что за годъ съ небольшимъ, на этомъ самомъ мѣстѣ было пустое, дикое поле, шумѣлъ вѣтеръ и раздавался крикъ морской одинокой чайки...

Но въ звукахъ оркестра мнѣ слышались звуки войны, и траурное покрывало накидывалось для меня въ иныя минуты на весь этотъ блескъ и сіяніе...

Театръ былъ полонъ. Посрединѣ, надъ сценой, горѣлъ въ золотѣ гербъ Франціи, съ орломъ и буквой N. Офицеры сидѣли кто въ шинели, кто въ сюртукѣ. Офицеръ, проѣзжавшій по городу съ амазонкой, рисовался въ томъ же неформенномъ шарфѣ. Двое дежурныхъ офицеровъ, одинъ въ партерѣ, другой въ ложѣ, были оба въ полной формѣ, съ подвязаннымъ къ воротнику знакомъ. Кромѣ того въ ложахъ виднѣлись три-четыре

---

[1]) Въ Севастоп. Альбомѣ рисунокъ 28-й.

жандарма, которые внимательно смотрѣли за солдатской публикой, наполнявшей заднюю часть театра. Солдаты въ антрактахъ сильно шумѣли. Иногда раздавался пискъ, произносились какія нибудь слова, слышалась топотня ногами. Двое жандармовъ сейчасъ являлись изъ ложъ и живо подхватывали шалуна. Весь театръ обращался въ ту сторону; потомъ все утихало по прежнему. Впрочемъ, эта шаловливая публика слѣдила за ходомъ пьесы внимательно и откликалась каждому слову.

Солдаты сидѣли въ шапкахъ. На нѣкоторыхъ офицерахъ тоже были шапки. Въ оркестрѣ, за музыкантами, сіяла мѣдная каска пожарнаго, который обязанъ также быть въ театрѣ.

Въ одной ложѣ я замѣтилъ какихъ-то премудреныхъ дамъ...

Пьесы были тѣ, которыя намъ назвалъ наканунѣ директоръ: Les deux aveugles, Le Caporal et la Payse и, сверхъ того, Une mauvaise nuit est bientôt passée и Le chapeau d'un horloger.

Все это въ лагерномъ духѣ и пересыпано такими каламбурами, какихъ не услышишь ни въ одномъ театрѣ. Актеры сносны. Между ними мнѣ понравились особенно двое: M. Pinson и M. Ludovic. Изъ актрисъ играющая лучше другихъ — M-me Palmerine.

Театръ кончился въ 11 часовъ слишкомъ. Въ улицѣ *Славы* свѣтилось еще нѣсколько огоньковъ. Я зашелъ въ одну ресторацію выпить чашку кофе [1]). Большая зала, обитая ситцемъ, была полна народомъ, преимущественно солдатами. Все это сидѣло за маленькими столиками, у которыхъ верхнія доски были изъ сѣраго мрамора. Всѣ столики ресторації были мраморные и одинъ въ одинъ, какъ на заказъ. У стѣны, на поло-

[1]) Эта ресторація называлась *Au bel air, café spectacle* — въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 29-й.

винѣ комнаты, за прилавкомъ, сидѣла полная и румяная мамзель и что-то шила. Прилавокъ былъ уставленъ множествомъ бутылокъ, образовавшихъ около мамзели родъ ограды. За мамзелью, у самой стѣны, возвышался большой шкапъ до потолка, также полный бутылокъ. По залѣ бѣгалъ маленькій, жиденькій Французикъ, въ сѣромъ короткомъ пальто, въ сѣрыхъ брюкахъ и башмакахъ; на головѣ у него была черная шапочка безъ козырька, которую я никакъ не съумѣю описать. Точь въ точь такія шапочки носятъ запросто австрійскіе солдаты. Французикъ былъ хозяинъ ресторана. Онъ самъ подбѣжалъ къ намъ съ кофейникомъ, поставилъ на столъ двѣ чашки, тяжелыя, какъ бомбы, и налилъ кофею. Сливокъ, разумѣется, не спрашивай. Сухарей я тоже не могъ добиться. Противъ меня, черезъ комнату, на стѣнѣ, была нарисована большая картина, кажется на картонѣ, и такъ искусно приклеена или пришита къ обоямъ, что совершенно съ ними сливалась. Она изображала толпу французскихъ солдатъ съ трубящимъ впереди трубачемъ. Подъ картиной была такая подпись: Du moment où on nous a dit de faire de la musique, la danse ne pouvait pas tarder à recommencer. За спиной у меня оказалась соотвѣтствующая этой живопись, изображавшая какихъ-то матросовъ передъ моремъ, гдѣ торчало изъ воды нѣсколько мачтъ, и внизу была подпись:

— C'est tout d'même fichant de trouver la besogne toute faite; 108 batiments de coulés... en voilà des gâtes-métiers!

Мы заплатили за 4 чашки кофею 70 коп. серебромъ и пошли. Надо было выбираться. Служители гасили безъ церемоніи лампы и свѣчи и ставили вверхъ ножками стулья въ кучу.

— Куда жь дѣваться въ такую темь? спросилъ я у Пишò: давайте ночевать въ Камышѣ!

— Давайте!

— Кудажь итти?

— Пойдемъ въ *гостинницу для иностранцевъ*, на улицѣ Наполеона: тамъ есть номера.

Мы пошли по тихимъ и спящимъ улицамъ. Ворота гостинницы были заперты; но только-что мы стукнули, какъ явился какой-то человѣкъ, въ ночномъ костюмѣ, и сначала не хотѣлъ было отпирать, но мы объяснили, что мы заѣзжіе люди, что я Русскій, — и ворота отворились. Намъ указали номеръ — маленькую комнату, съ неизбѣжными ситцевыми обоями, со столомъ, стуломъ, зеркаломъ и двумя кроватями, и подали стеариновую свѣчу. Все было обыкновенно, исключая кроватей. Кровати были необыкновенныя — двухъ-этажныя, въ родѣ морскихъ, такъ что подъ одной помѣщалась другая. У меня въ нижнемъ этажѣ не было никого; но у Пишò кто-то храпѣлъ. Я раздѣлся и легъ подъ одѣяло, какое послала судьба — сѣренькое, фланелевое. Подушки и простыня были чисты.

На другой день поутру я услышалъ пѣніе пѣтуха. Ему отвѣчали еще пять-шесть отдаленныхъ. Веселый солнечный лучъ ударилъ въ окошко. Я вспомнилъ, что у насъ Свѣтлое Воскресенье, и вотъ гдѣ пришлось мнѣ его встрѣтить, одному, самому съ собой!.. Немного погодя проснулся и Пишò. Мы стали одѣваться, спросили кофею, расплатились и вышли. Ночевка и кофей стоили 2 р. 50 к. серебромъ.

Было часовъ 8. Городъ начиналъ шевелиться...

Черезъ полчаса мы уже неслись на своихъ коняхъ въ Главную квартиру. Турецкій онъ-баши насилу согласился принять отъ меня деньги за лошадей и проводника, говоря, что это бездѣлица, что ему будетъ заплачено штабомъ; но я упросилъ-таки взять. Вышло очень немного: за трехъ лошадей, съ 5-ти часовъ вечера до 8-ми утра другаго дня, за обѣдъ и ужинъ проводника — 8 франковъ, то есть, на наши деньги, 2 р. сер.

Мы пріѣхали въ Главную квартиру часовъ въ 11, прямо къ завтраку. Это былъ мой послѣдній завтракъ съ офицерами Главнаго штаба французской арміи. Срокъ моего отпуска кончился и надо было вспомнить о Бахчисараѣ. Лошадь мою не разсѣдлывали. Я тутъ же простился съ Берто и его товарищами, откланялся начальнику штаба, сѣлъ на своего казацкаго конька и пустилъ его рысью въ Балаклаву. Пишо̀ и Татаринъ командированы были со мной до Черной рѣчки.

—

Я увидѣлъ тоже движеніе по дорогѣ, въ Кадыкъёѣ [1]) и Балаклавѣ. Мы заѣхали въ гостинницу *Королевы Викторіи*. Она отдѣлана была не многимъ лучше французскихъ гостинницъ въ Камышѣ. По стѣнамъ висѣли превосходныя гравюры, изображавшія подвиги Англичанъ въ Крыму. Англія, между прочимъ, страна гравюръ. Чуть что̀ случилось — и уже готова изящнѣйшая гравюра. Почти во всѣхъ углахъ сидѣли англійскіе офицеры; всѣ они привѣтствовали насъ поклономъ. Все шло такъ хорошо: такъ весело глядѣла гостинница; живо бѣгали и щолкали ша̀ры по бильярду.

Я уже думалъ потребовать прейскурантъ и приготовлялся его не понимать, какъ вдругъ подошелъ хозяинъ и объяснилъ намъ, что обѣдъ кончился, и ничего нѣтъ, а что мы можемъ найдти закуску тамъ-то, у madame такой-то. Я разочаровался въ пышныхъ стеклахъ, обояхъ и гравюрахъ гостинницы, носившей такое громкое имя. Мы отправились на другой конецъ Кадыкъёя, вошли въ одинъ угольный домъ: биткомъ набиты

[1]) Деревенька Кадыкъёй, выставленная такъ на всѣхъ картахъ и давшая имя новому англійскому Кадыкъёю... не правда-ли, какъ неловко?.. называлась въ Севастополѣ съ давнихъ поръ просто — Кадыковка.

всѣ комнаты! Французы, Англичане, Сардинцы... Я увидѣлъ прилавокъ, заставленный разными закусками, пирожками всѣхъ видовъ, всякимъ печеньемъ, и хотѣлъ было протянуть руку за пирожкомъ, какъ это дѣлается у насъ, попросту безъ затѣй, въ странѣ безграничной довѣрчивости и простодушія; но Пишо̀, примѣтивъ мое движеніе, остановилъ меня и объяснилъ, что это будетъ здѣсь странно, что надо сѣсть, крикнуть гарсона (то есть быть имъ усмотрѣну) и спросить, чего вздумается.

— Да это лишнія церемоніи!

— Лишнія или не лишнія, но здѣсь такъ заведено...

Мы спросили супу, волованóвъ и бифстексу и заплатили за это почти тоже самое, что̀ и въ Камышѣ; хотѣли потомъ пройтись по лавкамъ, но ихъ уже закрывали, кажется, по случаю праздника. Только шла еще продажа мелочей подъ навѣсомъ.

Пишо̀ предлагалъ мнѣ пройтись вмѣсто этого по задней, закулисной части Кадыкъёя, проникнуть въ такіе переулки, какихъ нигдѣ не видано и не слыхано; но, едва заглянувъ въ нихъ, мы сейчасъ же наткнулись на шайку пьяныхъ Англичанъ и воротились назадъ.

Я увидѣлъ на одной площадкѣ большую толпу народа, стоявшую кружкомъ, гдѣ было нѣсколько парадныхъ англійскихъ всадниковъ. Мнѣ захотѣлось узнать, что̀ тамъ дѣлается. Сѣвъ на лошадь и подъѣхавъ ближе, я увидѣлъ, что въ серединѣ кружка играютъ сардинскіе музыканты. Въ окружавшей ихъ толпѣ я замѣтилъ нашего казака.

— Ты какъ здѣсь? спросилъ я его.

— Съ Мекензіевой, ваше благородіе! [1])

— Поѣдешь назадъ?

---

[1]) Тамъ у насъ долго стояли войска̀, охранявшія прежде дорогу въ Бахчисарай.

— Какъ же, сейчасъ назадъ, только въ Балаклавѣ рубашку куплю.

— Поѣдемъ вмѣстѣ : я тоже ѣду туда.

— Поѣдемъ, ваше благородіе, только позвольте рубашку купить.

— Съѣзди, купи.

Казакъ поскакалъ въ Балаклаву и черезъ пять минутъ прилетѣлъ назадъ.

— Вотъ я готовъ, ваше благородіе!

Мы поѣхали вчетверомъ. Казака удивляло, что Пишо̀ такъ хорошо говоритъ по нашему. Сначала, въ первыхъ попыхахъ, онъ говорилъ ему *ваше благородіе*, но потомъ сталъ всматриваться и, казалось, не доумѣвалъ, что̀ это: офицеръ или какой другой. Не хотѣлось уда̀лому казаку ошибиться. Онъ подъѣхалъ ко мнѣ потихоньку, когда я немного отсталъ, и, наклонясь, спросилъ вполголоса: «благородные?» и моргнулъ глазами на Пишо̀.

— Благородные! отвѣчалъ я.

Казакъ успокоился.

Мы скоро подъѣхали къ Ѳедюхинымъ. Пишо̀ показалъ мнѣ мѣсто, до котораго доходила наша 7-я дивизія 4-го августа. Долго не было видно той горы, гдѣ стоялъ нашъ главнокомандующій въ началѣ боя.

Мы ѣхали ровной и широкой дорогой. Впереди была гора, занятая Піемонтцами, и она-то заслоняла собою Черную рѣчку и ту гору, которой я искалъ. Я увидѣлъ нѣсколько ядеръ, разбросанныхъ въ полѣ: это наша память, оставленная здѣсь въ разныя битвы. Мы проѣхали еще съ версту, и передъ нами раздвинулось ущелье: влѣво мелькнулъ каменный мостъ, извѣстный Pont de Traktir, и все знакомое мнѣ по воспоминаніямъ битвы 4 августа стало являться мало по малу. Толпы французскихъ солдатъ подымались отъ рѣчки ущельемъ, навстрѣчу

намъ, съ ведрами воды. У рѣчки было ихъ еще больше. Доѣхавъ до мосту, я раскланялся съ Пишò и пустился съ моимъ казакомъ дальше. На мосту стоялъ французскій часовой; а за мостомъ уже виднѣлись наши палатки — палатокъ пять-шесть. Французскіе аванпосты смѣшались съ нашими. Здѣсь обыкновенно смотрятъ билеты проѣзжающихъ.

— Ты какъ же проѣхалъ? спросилъ я у казака.

— Мнѣ вездѣ дорога, ваше благородіе! Мнѣ тутъ зачѣмъ ѣхать? нешто броду мало? Шаркнулъ тамъ подъ Чоргуномъ — вотъ тебѣ и билетъ!

Мы скоро проѣхали черту, гдѣ стояли наши батареи въ день битвы на Черной рѣчкѣ. Тихо было кругомъ; только въ сторонѣ скрипѣлъ на телегѣ какой-то Турокъ, кажется, также наровя въ бродъ по-казацки. Ни о чемъ не думалъ онъ, какъ только о томъ, чтобы переправиться и быть скорѣе въ Балаклавѣ. Ничего не говорили ему эти горы, похожія для него на всякія другія горы; но передо мною столько встало группъ и отдѣльныхъ образовъ... Вѣроятно, и спутникъ мой, казакъ, также бывшій въ битвѣ, вспоминалъ что нибудь такое. Онъ безпрестанно поворачивался и оглядывалъ окрестность. Невыразимо любопытно и пріятно было мнѣ проѣзжать этими мѣстами и осматривать каждый кустъ, каждый холмикъ. Здѣсь и мнѣ когда-то выпала своя доля неизбѣжнаго боеваго страху и того одуряющаго, молодецкаго чувства, которое даетъ только битва и котораго не купить ни на какія деньги. Я ѣхалъ тихо тою самою дорогой, гдѣ мы ѣхали тогда, приближаясь къ сраженію. Нѣсколько лошадиныхъ остововъ бѣлѣло по холмамъ. Попадались французскія ядра. Вотъ нашъ нижній перéвязочный пунктъ. Здѣсь уже не стало ядеръ и остововъ; но я замѣтилъ въ сторонѣ чью-то могилу и крестъ. Вотъ наконецъ и спускъ съ Мекензіевой, о которомъ мы спорили съ Давнѐ. Два Англичанина мчались съ горы навстрѣчу намъ. Высоко, на краю

Мекензіевыхъ вершинъ, чернѣли наши батареи и кое-гдѣ виднѣлись орудія, вытянувъ надъ балкой свои длинныя шеи и отчетливо начертываясь въ воздухѣ. Нѣсколько солдатъ стояли наверху, смотря на дорогу. Странно: привычка видѣть столько дней синія шинели Французовъ одѣвала для меня издали и нашихъ въ тотъ же синій цвѣтъ... но вотъ наши землянки и палатки; вотъ наша русская рѣчь! Праздникъ собралъ въ кружки солдатъ, и въ серединѣ этихъ кружковъ раздавалась единственная русская пѣсня... Здорово, ребята!.. Я почувствовалъ себя дома...

Казакъ взялъ влѣво, а я продолжалъ путь прямо по горамъ, и черезъ нѣсколько часовъ въѣзжалъ въ Бахчисарай, уже начинавшій засыпать. Было темно и тихо, только журчали одни вѣчно бьющіе, не засыпающіе фонтаны...

III.

Сѣверная сторона Севастополя. — Иванъ Григорьевичъ Рудневъ. — Нахимовская гичка. — Малаховъ курганъ. — Доки. Черная рѣчка. — Инкерманъ. — Церковь Папы Климента Римскаго. — Возвращеніе. — Пароходъ Андія. — Прощай Севастополь!

—

Черезъ нѣсколько дней Штабъ Крымской арміи долженъ былъ перейдти изъ Бахчисарая въ Одессу. Часть офицеровъ шла походомъ, а часть отправлялась на пароходѣ Андіи, изъ Севастополя. Я принадлежалъ къ числу послѣднихъ и пріѣхалъ на Сѣверную сторону за день до отхода Андіи, бросившей якорь близь Михайловской батареи.

Было пусто и грустно на Сѣверной. Хотѣлось повидать многихъ. Сколько лицъ приходило на память при взглядѣ на эти мѣста... а между тѣмъ никого не было. На пространствѣ земли отъ Михайловской батареи къ Сѣверному укрѣпленію, и дальше, гдѣ такъ недавно двигались и кипѣли густыя массы народу, возовъ и лошадей, теперь мелькали два-три матроса

или солдата. У базара впрочемъ было еще кое-какое движеніе. Этотъ пунктъ оставался попрежнему довольно населеннымъ.

Перебирая мысленно разныя имена, я вспомнилъ Ивана Григорьевича Руднева, командира «Херсонеса» и спросилъ объ немъ у матросовъ Михайловской батареи. Матросы отвѣчали, что Иванъ Григорьевичь живетъ въ Сѣверныхъ баракахъ и я тотчасъ пошелъ его отыскивать.

И бараки глядѣли не такъ, какъ прежде, далеко не такъ. Это были только остовы знакомыхъ мнѣ бараковъ, безъ крышъ, безъ оконъ. Домъ, гдѣ помѣщался когда-то Штабъ, глядѣлъ на меня, ободранный и сквозящій, напоминая множество лицъ и произшествій...

Всѣ бараки смотрѣли одинаково. Я долго не могъ понять, гдѣ же тутъ пріютился такой любитель благоустроенной жизни и всякихъ удобствъ? Но Иванъ Григорьевичь вносилъ съ собою жизнь и удобства всюду, гдѣ только поселялся.

Пройдя до Панеотовой балки, то есть до послѣднихъ бараковъ, я все таки не видалъ ничего, кромѣ развалинъ, и не встрѣчалъ нигдѣ народу. Все было мертво и пустынно. Домикъ станціи, гдѣ я принималъ когда-то первыя Севастопольскія впечатлѣнія, ночуя на овсѣ, домикъ, нѣкогда самый оживленный — стоялъ точно также, какъ и другія, безъ крыши и безъ оконъ, отдѣльно, на бугрѣ, лишенный примыкавшихъ къ нему когда-то заборовъ и конюшенъ. Все это пошло на Бельбекскіе и другіе госпитали.

Наконецъ, направо, у самой Панеотовой балки, я увидѣлъ привѣтную красную крышу. Насупротивъ, у другаго барака, пристроена была досчатая конюшня; я заглянулъ: тройка сытыхъ коней добирала овесъ. Тутъ же, въ углу, стояла деревянная статуя женщины, украшавшая когда-то яхту князя Барятинскаго «Ольвію», на которую я смотрѣлъ съ фрегата

Коварны цѣлые полгода [1]). Опять воспоминанія!.. Я радъ былъ Ольвіи, какъ старой знакомкѣ.

Что жь говорить о встрѣчѣ съ живымъ добрымъ пріятелемъ, если Севастополь умѣлъ придавать особенное значеніе даже всему безжизненному!

Нечего говорить и о томъ, что комнаты Ивана Григорьевича дышали порядкомъ и всякими удобствами. Вездѣ было множество разной мебели; въ гостиной стояла даже рояль; на стѣнахъ висѣли картины. Судите, какое впечатлѣніе должно было производить все это тамъ, среди развалинъ, когда зналъ, что за стѣной, украшенной обоями и картинами, нѣтъ ровно ничего, кромѣ пустаго поля, покрытаго камнями и осколками бомбъ.

А когда мы сѣли за ужинъ, явились такія блюда, которымъ всякій обрадовался бы даже въ столицѣ. Я не могу забыть до сихъ поръ чудовый окорокъ ветчины, телятину и куличъ, привезенный хозяину изъ Одессы, на пароходѣ «Андія». Сервизъ былъ знакомый, Херсонесскій. Иванъ Григорьевичъ спасъ со своего парохода послѣднюю тарелку.

Я ночевалъ у добраго пріятеля. На другой день, послѣ чаю, онъ далъ мнѣ свою гичку съѣздить на Малаховъ, котораго я не успѣлъ осмотрѣть, живя у Французовъ. И гичка была знаменитая: она принадлежала Нахимову. Я съ наслажденіемъ и съ новыми безчисленными воспоминаніями взялся за веревки руля, которыя много разъ бывали въ рукахъ незабвеннаго адмирала.

Гребцы, настоящіе, «характерные» гичешные гребцы (у Ивана Григорьевича не характерныхъ и не водилось) взмахнули

---

[1]) Яхта Ольвія стояла влѣво отъ Коварны, подъ мыскомъ, на которомъ послѣ построили батарею № 22. Эту батарею можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, на рисункѣ № 31.

веслами, утонувъ разомъ въ гичкѣ и потомъ вынырнувъ опять — и птица-лодка понеслась по тихой и пустынной бухтѣ.

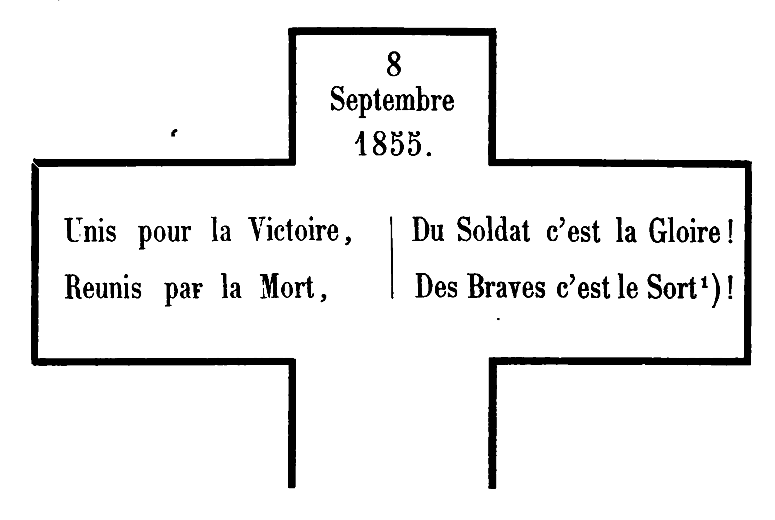
Мы пристали въ Аполлоновой балкѣ, гдѣ уцѣлѣли еще остатки прежней пристани. Это мѣсто, вообще, измѣнилось немного. На берегу, вокругъ водопроводныхъ арокъ, валялись по прежнему ядра, бомбы, осколки, всякій соръ. Но между русскимъ тряпьемъ, оставшимся нетронутымъ, въ разныхъ ямахъ, со дня сдачи Севастополя, — индѣ глядѣло и французское красное сукнецо и торчали изъ грязи поношенные башмаки зуава, подбитые гвоздями.

По лѣвую руку, за арками водопровода, тянулась въ гору траншея, обнесенная турами, вѣроятно имѣвшая соединеніе съ Малаховымъ курганомъ. Эту траншею Французы вывели уже по занятіи города, начавъ въ концѣ сентября и кончивъ въ первыхъ числахъ октября.

Я поднялся въ гору и потомъ повернулъ по извѣстной улицѣ къ заставѣ, мимо трактира «Ростовъ на Дону.» Въ немъ одномъ было движеніе: стоялъ какой-то французскій караулъ. Сквозь закоптѣлыя стекла нижняго этажа мелькали синія шинели французскихъ солдатъ и блестѣли штыки. Всѣ остальные дома были пусты и разрушены. На перекресткахъ, у нашихъ бутокъ, стояли англійскіе гвардейцы, въ своихъ красныхъ кафтанахъ и въ медвѣжьихъ шапкахъ, молодецъ къ молодцу.

Вотъ и поле побоищъ, сейчасъ за заставой, уже знакомое читателямъ изъ прежнихъ моихъ описаній. Оно не измѣнилось ничуть. Развѣ прибавилось ядеръ и осколковъ. Бѣлостоцкая церковь была разбита совсѣмъ. Домики направо и у подножія Малахова представляли кучи мусору и глины. А вотъ и онъ, священный въ лѣтописяхъ курганъ! Я поднялся на него извѣстной прямой дорогой. Онъ глядѣлъ, какъ и всѣ другіе разбитые бастіоны: осѣвшіе валы, полузасыпанные рвы. Въ одномъ изъ нихъ, налѣво отъ Горжи, стоялъ большой деревянный

крестъ, выкрашенный черной краской, и на немъ была такая надпись:

Я насилу-насилу нашелъ дорогу къ башнѣ, отъ которой уцѣлѣлъ только нижній этажъ, гдѣ на ту пору помѣщался французскій караулъ. Изъ-за одного бугра торчали ружья, составленныя въ ко̀злы, съ навѣшенными на нихъ сумками, совершенно по нашему. На самой башнѣ, или правильнѣе, на ея остаткахъ, стоялъ домикъ, служившій прежде убѣжищемъ для тѣхъ, кто смотрѣлъ за телеграфомъ; пестрѣла наша русская будка, вѣялъ трехъ-цвѣтный флагъ и ходилъ часовой [2]).

Я прошелъ мимо его на ту сторону кургана, поднявшись по тропинкѣ между бывшихъ блиндажей Хрулева и Лазарева, и

---

[1]) Быть заодно для побѣды и вновь соединиться смертію — вотъ слава солдата, вотъ участь храбрыхъ!

[2]) У Французовъ, по занятіи кургана, 27 августа 1855, былъ тотчасъ устроенъ тамъ телеграфъ. — Башню въ такомъ положеніи, какъ я описалъ сію минуту, можно видѣть въ Севастоп. Альбомѣ, рисунокъ 33-й.

потомъ перейдя черезъ ровъ по сапернымъ французскимъ лѣстницамъ, вѣроятно оставшимся послѣ 27-го августа, спустился къ ближайшимъ непріятельскимъ сапамъ. Я насилу ихъ отыскалъ: все было засыпано, такъ что едва остался слѣдъ.

На всемъ пространствѣ этой части кургана, этого очень пологаго ската [1]), мнѣ безпрестанно попадались подъ ноги мѣшки съ землей, вросшіе въ грунтъ до такой степени, что ихъ нельзя было пошевельнуть. Кругомъ пестрѣли мелкіе красненькіе цвѣты, въ родѣ астръ, какъ будто выросшіе изъ крови. Всюду валялось множество пуль, картечи и осколковъ.

Я прошелъ оттуда въ доки. Подлѣ морскихъ магазиновъ было сильное движеніе народу, преимущественно Англичанъ [2]). Они складывали въ морскіе магазины разныя вещи, находимыя въ домахъ и на улицахъ. Все это потомъ принималъ пароходъ, стоявшій въ доковой бухтѣ, противъ бывшаго у насъ перевязочнаго пункта. Нѣсколько фуръ и телегъ подвозили туда всякое добро. Иногда шестерка дюжихъ коней, цугомъ, по двѣ въ рядъ, тащила просто по землѣ, на цѣпяхъ бревно, или тяжелую полосу желѣза. Случалось, что цѣпи лопались, сидѣвшій на переднемъ конѣ Французъ, непремѣнно въ синей шинели и въ красной фескѣ, соскакивалъ, бранился, прилаживалъ желѣзныя постромки — и тяжелая полоса опять бороздила землю и глухо звенѣла по мостовой.

Я дошелъ до шлюзовъ и увидѣлъ разрушеніе. Надо признаться, доки были взорваны отлично. Все мѣсто отъ шлюзовъ

---

[1]) Онъ никакъ не круче подъема въ Московскій кремль у Боровицкихъ воротъ.

[2]) Корабельная называлась ***Англійской стороной*** и потому въ ней стояли англійскіе караулы. Французы оставили себѣ честь караулить только одинъ Малаховъ. Южная сторона Севастополя носила названіе ***Французской***.

до конца представляло огромную чашу, полную каменьями и бревнами, которые какой-то богатырь встряхнулъ нѣсколько разъ и перемѣшалъ, но такъ, что не выскочило вонъ ни одного камушка, и ни одного не осталось въ берегахъ. Это истинный chef d'oeuvre между взрывами [1]). Неподалеку отъ шлюзовъ, глядѣли изъ каменныхъ волнъ обломки парохода Первазъ-Бахри, когда-то чинившагося въ докахъ. Красиво подымалась труба и часть колесъ. Зеленѣвшій по ту сторону берегъ, съ развалинами казармъ, придавалъ еще болѣе эффекта картинѣ. Поэзія спорила съ тяжелымъ впечатлѣніемъ...

Я воротился въ гичку другой дорогой, мимо Павловской батареи. Всюду виднѣлись красные часовые въ своихъ величавыхъ шапкахъ.

Времени было еще довольно и мнѣ вздумалось съѣздить на развалины Инкермана.

Отъ Аполлоновой балки до Черной рѣчки слишкомъ 3 версты, но мы летѣли такъ быстро, что я не замѣтилъ, какъ гичка изъ широкой бухты очутилась въ узкихъ берегахъ, покрытыхъ камышами. Попутный вѣтеръ позволилъ поставить парусъ. Проѣхавъ съ полверсты, мы увидѣли небольшой деревянный мостикъ, на которомъ опять ходилъ красный часовой. Нѣсколько Французовъ и Англичанъ, офицеровъ и солдатъ, въ перемежку съ нашими матросами, ловили удочкой рыбу, спрятавшись въ камыши. Какія-то бѣлыя красивыя лиліи, въ три цвѣтка, качались надъ осокой. Мы спустили парусъ, уложили мачту въ гичку и проѣхали подъ мостъ. Сдѣлавъ еще съ полверсты, я велѣлъ причалить къ берегу и вышелъ.

---

[1]) Въ послѣдствіи, гораздо позже, нежели написаны эти строки, я узналъ, что взрывъ доковъ произведенъ не такъ легко, какъ кажется. Доки взрывались постепенно, для чего было подведено, въ разное время, нѣсколько десятковъ минъ.

По правую руку высились крайнія уступы Сапунъ-горы, крутыми обрывами, среди которыхъ чернѣли мѣстами древнія пещеры, похожія издали на гнѣзда птицъ. Къ нимъ уже давно не было подходу: подножія и ступени рухнули Богъ вѣсть когда и лежали внизу сѣрыми обломками.

Налѣво, далеко, виднѣлись пологія горы, гдѣ стоялъ когда-то нашъ лагерь. Немного далѣе выступала Мекензіева гора, а прямо противъ меня чернѣла отвѣсно, въ видѣ огромнаго треугольника, Инкерманская скала, также изрытая пещерами, между которыми, посрединѣ, была древняя церковь съ балкономъ, висѣвшимъ въ воздухѣ.

Я пошелъ къ этой скалѣ по зеленому лугу, изрѣзанному кое-гдѣ мелкими ручьями, и подойдя, поднялся вверхъ по каменнымъ ступенямъ. Старая Инкерманская башня, хранимая столькими вѣками, рухнула въ одинъ годъ подъ грозою войны. Я видѣлъ ее въ началѣ осады еще совершенно цѣлой, а теперь едва могъ узнать. Взглянувъ съ высоты на бѣлыя Ѳедюхины горы, столько памятныя намъ и Французамъ, я сошелъ опять внизъ и поднялся другими ступенями въ церковь, гдѣ, по преданію, служилъ нѣкогда папа Климентъ Римскій, сосланный сюда въ заточеніе. Церковь представляла небольшую комнату, высѣченную въ скалѣ. Новый иконостасъ, престолъ и двери, которыя вели на балконъ, видный снизу, — были пробиты пулями. Въ одномъ мѣстѣ, въ стѣнѣ, даже засѣло ядро. Вѣроятно французскіе штуцерные, сидѣвшіе обыкновенно по ту сторону рѣки, думали, что въ церкви есть народъ, и потому стрѣляли въ нее часто. На задней стѣнѣ алтаря, подъ потолкомъ, былъ высѣченъ крестъ, сохранившійся очень хорошо. Не смотря на нѣсколько новыхъ предметовъ: образовъ и утвари, отъ церкви все-таки вѣетъ древностью. Внизу у дверей, повѣшена кружка для доброхотныхъ дателей и приставленъ караулъ изъ нашихъ солдатъ. Они сказывали мнѣ, что Французы и Англи-

чане часто приходятъ изъ-за рѣчки и кладутъ въ кружку деньги. Въ книжкѣ для записыванія именъ жертвователей я увидѣлъ много иностранныхъ фамилій. На стѣнахъ также было чрезвычайно много надписей, свидѣтельствующихъ, когда и кто посѣщалъ церковь.

На обратномъ пути моемъ къ Сѣвернымъ баракамъ прыснулъ дождикъ. Къ счастію плыть было по теченію, и я скоро очутился въ гостепріимномъ пріютѣ Ивана Григорьевича. Мы закусили и простились. Я ночевалъ на пароходѣ.

На другой день, 21 апрѣля, часа въ 3, зашумѣли колеса, подымая пѣнистую волну.

Прощай Крымъ! Прощай незабвенный Севастополь! Я влѣзъ на кожухъ и долго смотрѣлъ въ сторону исчезающаго города...

Май — іюнь. 1856.
Одесса.

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

РУССКАЯ АРМІЯ ВЪ КРЫМУ,

СЪ МАРТА 1855 ГОДА ДО КОНЦА ОСАДЫ.

Главнокомандующій генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ.
Начальникъ Главнаго штаба генералъ-адъютантъ Коцебу.
Дежурный генералъ генералъ-лейтенантъ Ушаковъ 2-й.
Начальникъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Сержпутовскій.
Начальникъ инженеровъ генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ.
Генералъ-квартирмейстеръ генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ.
Наказной атаманъ казачьихъ полковъ генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ.

2-Й ПѢХОТНЫЙ КОРПУСЪ.

Командующій корпусомъ начальникъ 4-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Шепелевъ.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
4-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Шепелевъ.	1-я бригада: Бѣлозерзскій и Олонецскій пѣхотные полки. 2-я бригада: Шлиссельбургскій и Ладожскій егерскіе.		
	1-я и 2-я батарейныя батареи 4-й артиллерійской бригады. (2-я, въ Августѣ 1855, выведена въ Николаевъ.)		

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
5-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Вранкенъ.	1-я бригада. Великаго князя Владиміра Александровича и Вологодскій пѣхотные. 2-я бригада. Костромской и Галицкій егерскіе.		
	3-я батарейная батарея 5-й артиллерійской бригады.		
	4-я и 5-я легкія 5-й артилл. бригады. (обѣ въ Августѣ выведены въ Николаевъ).		
6-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Бельгардтъ.	1-я бригада. Муромскій и Нижегородскій пѣхотные. 2-я бригада. Низовскій и Симбирскій егерскіе.	12	
	4-я батарейная батарея 6-й артилл. бригады.		12
	7-я и 8-я легкія 6-й артил. бригады.		24
		2-й стрѣлковый бат. 2-й саперный бат.	

3-Й ПѢХОТНЫЙ КОРПУСЪ.

Командиръ: генералъ отъ кавалеріи Реадъ. Потомъ генералъ отъ артиллеріи Сухозанетъ.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
7-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Ушаковъ 3-й.	1-я бригада. Смоленскій и Могилевскій пѣхотные. 2-я бригада. Витебскій и Полоцкій егерскіе.	16	
	1-я и 2-я батарейныя батареи 7-й артиллер. бригады. 1-я и 2-я легкія 7-й артил. бригады. 5-я резервная 7-й артиллерійской бригады.		
8-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-адьютантъ князь Урусовъ.	1-я бригада. Забалканскій и Полтавскій пѣхотные. 2-я бригада. Алексопольскій и Кременчугскій егерскіе.	16	
	3-я батарейная батарея 8-й артил. бригады. 3-я, 4-я и 5-я легкія 8-й артил. бригады.		

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
9-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-майоръ Лысенко.	1-я бригада. Елецкій и Сѣвскій пѣхотные. 2-я бригада. Брянскій и Ериванскій егерскіе.	16	
	4-я батарейная батарея 9-й артил. бригады.	3-й стрѣлковый батальонъ.	
	6-я, 7-я и 8-я легкія 9-й артил. бригады.	3-й саперный батальонъ.	

4-й ПѢХОТНЫЙ КОРПУСЪ.

Командиръ: генералъ-адьютантъ графъ Остенъ-Сакенъ.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
10-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Семякинъ.	1-я бригада. Екатеринбургскій и Тобольскій пѣхотные. 2-я бригада. Томскій и Колыванскій егерскіе.	12	
	1-я и 2-я батарейныя батареи 10-й артил. бригады.		24
	1-я и 2-я легкія 10-й артил. бригады.		24

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
11-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Павловъ.	1-я бригада. Селенгинскій и Якутскій пѣхотные. 2-я бригада. Охотскій и Камчатскій егерскіе.	8	
	3-я батарейная батарея 11-й артил. бригады.		
	3-я, 4-я и 5-я легкія 11-й артил. бригады.		
12-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Липранди. Потомъ генералъ-лейтенантъ Мартинау.	1-я бригада. Азовскій и Днѣпровскій пѣхотные. 2-я бригада. Украинскій и Одесскій егерскіе.	16	
	4-я батарейная батарея 12-й артил. бригады.	4-й стрѣлковый батальонъ.	
	6-я, 7-я и 8-я легкія 12-й артил. бригады.	4-й саперный батальонъ.	

5-Й ПѢХОТНЫЙ КОРПУСЪ.

Командиръ: генералъ-адьютантъ Лидерсъ. Потомъ генералъ-адьютантъ Коцебу.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
14-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Моллеръ. Потомъ генералъ-майоръ Бѣлявцевъ.	1-я бригада. Волынскій и Минскій пѣхотные. 2-я бригада. Подольскій и Житомірскій егерскіе.	11	
	3-я батарейная батарея 14-й артил. бригады.		12
	3-я и 4-я легкія 14-й артил. бригады.		16
13-я дивизія была въ то время на Кавказѣ, а 15-я оставалась при Южной арміи, въ Бессарабіи и послѣ въ Новороссіи.			

6-й пѣхотный корпусъ.

Командиръ: генералъ отъ инфантеріи князь Горчаковъ. Потомъ генералъ-лейтенантъ Липранди.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
16-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Жабокрицкій, потомъ генералъ-лейтенантъ Ренненкампфъ.	1-я бригада. Владимірскій и Суздальскій пѣхотные. 2-я бригада. Углицкій и Великаго князя Михаила Николаевича егерскіе.	8	
	1-я и 2-я батарейныя батареи 16-й артиллерійской бригады. (2-я батарейная была въ Крыму только двѣ недѣли, въ октябрѣ 1855).		24
	1-я и 2-я легкія 16-й артил. бригады.		24

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
17-я пѣхотная дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Веселитскій.	1-я бригада. Московскій и Бутырскій пѣхотные. 2-я бригада. Лейбъ-егерскій Бородинскій и Тарутинскій егерскіе.	8	
	3-я батарейная батарея 17-й артил. бригады. 3-я, 4-я и 5-я легкія 17-й артил. бригады.		24
		6-й стрѣлк. батальонъ. 6-й саперн. батальонъ.	

Дивизіи.	Полки и батареи.	Эскадроны.	Орудія.
6-я легкая кавалерійская дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Ланской.	Гусарскій гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго. Гусарскій Великаго князя Николая Максиміліановича.	16	
	19-я и 20-я коннолегкія батареи 1-й конно-артиллерійской дивизіи.		16
7-я резервная пѣхотная дивизія. Командующій генералъ-майоръ Поповъ. **15-я резервная пѣхотная дивизія.** Командующій генералъ-майоръ Липскій.	При обѣихъ три артиллерійскія батареи.		

ГРЕНАДЕРСКІЙ КОРПУСЪ.

Командиръ: генералъ-адьютантъ Плаутинъ.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
2-я гренадерская дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Жерковъ.	1-я бригада. Его Величества короля Нидерландскаго и принца Евгенія Виртембергскаго.		
	2-я бригада. Лейбъ-гренадерскій Екатеринославскій Его Величества и Гроссъ-Герцога Фридриха Мекленбургскаго.		
	3-я и 4-я батарейныя батареи 2-й гренадерской артиллерійской бригады.		
	3-я и 4-я легкія и 8-я облегченная (нынѣ 6-я облегченная) 2-й гренадерской артил. бригады.		

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
3-я гренадерская дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Крыловъ.	1-я бригада. Великаго князя Николая Николаевича и генералъ-фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго.		
	2-я бригада. Генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, и Великаго князя Александра Александровича.		
	5-я и 6-я батарейныя батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады.	Гренадерскій стрѣлковый батальонъ.	
	5-я, 6-я легкія и 9-я легкая (нынѣ 9-я облегченная) 3-й гренадерской артиллер. бригады.		

Дивизіи.	Полки и батареи.	Эскадроны	Орудія.
7-я легкая кавалерійская дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Безобразовъ.	1-я бригада. Уланскіе: Великаго князя Михаила Николаевича и принца Фридриха Виртембергекаго. 2-я бригада. Гусарскіе: Великаго князя Константина Николаевича и Его Величества короля Виртембергскаго.		
Резервная уланская дивизія. Начальникъ генералъ-лейтенантъ баронъ Корфъ. Потомъ генералъ-адьютантъ князь Радзивилъ.	1-я бригада. Уланскіе: эрцъ-герцога Австрійскаго Леопольда и Ново-архангельскій. 2-я бригада. Уланскіе: Великой княгини Екатерины Михайловны и принца Александра Гессенскаго.	32	
	26-я конно-легкая батарея 2-й конно-артиллерійской дивизіи.		8
	12-я конно-легкая батарея.		8

2-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРІЙСКІЙ КОРПУСЪ.

Командиръ: генералъ отъ кавалеріи Шабельскій.

Дивизіи.	Полки и батареи.	Эскадроны и сотни.	Орудія.
1-я ДРАГУНСКАЯ ДИВИЗІЯ. Начальникъ генералъ-адьютантъ графъ Ржевускій.	Лейбъ-Драгунскій Его Величества; драгунскіе Великихъ князей Константина Николаевича и Михаила Николаевича и 1-й Уральскій казачій полкъ.	30 эскадроновъ и 6 сотень.	
2-я ДРАГУНСКАЯ ДИВИЗІЯ. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Монтрезоръ.	Драгунскіе: принца Эмилія Гессенскаго, Рижскій и Финляндскій, и 2-й Уральскій казачій полкъ.	30 эскадроновъ и 6 сотень.	
		1-й конно-піонерный дивизіонъ.	
Резервная бригада 3-й, 4-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій. Начальникъ генералъ-лейтенантъ Рыжовъ.	Сводный маршевый резервный уланскій и такой-же гусарскій полки.	12 эскадр.	
	9-й, 22-й, 39-й, 42-й, 53-й, 55-й, 56-й, 57-й, 60-й, 61-й, 65-й и 67-й Донскіе казачьи полки.	69 сотень.	

Дивизіи.	Полки и батареи.	Батальоны.	Орудія.
	2-я и 3-я Донскія казачьи батареи.		16
	4-я Донская резервная батарея.		8
	Сводный Черноморскій казачій полкъ.	4 сотни.	
		5-й и 15-й Черноморскіе линейные батальоны.	
		2-й, 5-й, 6-й, 8-й и 9-й Черноморскіе казачьи батальоны.	
	Конно-легкой Черноморской батареи.		4
		1-й эскадронъ лейбъ-гвардіи Черноморскаго дивизіона.	
		Греческій Балаклавскій батальонъ.	
		Таврическій и Керченскій гарнизонные полубатальоны.	
		4-й эскадронъ жандармскаго полка.	

Кромѣ того, въ Крыму находились слѣдующія ополченія:

1) *Курское ополченіе*. Командующій: генералъ-майоръ Бѣлёвцевъ. Въ этомъ ополченіи заключались дружины: 39) Фатежская — командиръ майоръ Корецкій. 40) Курская — полковникъ Васильевъ. 41) Курская — генералъ-майоръ Толмачевъ. 42) Тимская — майоръ Бунинъ (стояла около Сарабулата). 43) Щигровская — майоръ Черемисиновъ. 44) Старо-оскольская — майоръ Кокурановъ, (на Мекензіевой горѣ). 45) Старо-оскольская — князь Голицынъ. 46) Короченская — майоръ Звегинцевъ (около Бахчисарая). 47) Обоянская — майоръ Фонъ-Аммерсъ. 48) Бѣлгородская — подполковникъ Рѣдинъ. 49) Грайворонская — подполковникъ Трифоновъ (прибыла первая въ Севастополь, 1-го Іюля 1855). 50) Суджинская — майоръ Выдовъ. 51) Льговская — майоръ Изъѣдиновъ. 52) Рыльская — подполковникъ Сафоновъ, (оба номера 51 и 52 на Бельбекѣ). 53) Дмитріевская — подполковникъ Сигаревъ. 54) Путивльская — дѣйствительный статскій совѣтникъ Степановъ (въ Симферополѣ). 55)...

Сначала, дружины: 45-я, 47-я и 48-я поставлены на Сѣверной сторонѣ, въ кремальерныхъ батареяхъ, а 49-я на 10-мъ бастіонѣ; и отъ каждой изъ 17-ти дружинъ отправлено по разнымъ бастіонамъ отъ полутораста до двухсотъ человѣкъ.

Въ день штурма 27-го августа были: 47-я на Малаховомъ. 48-я на 1-мъ и 2-мъ бастіонахъ. 49-я на 2-мъ бастіонѣ. 43-я на 3-мъ бастіонѣ. 39-я и 41-я на Графской площади. 40-я между 3-мъ и 4-мъ бастіономъ. 53-я между 3-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ. 45-я оставалась на работахъ въ кремальерной линіи на Сѣверной сторонѣ.

Въ дружинѣ считалось всѣхъ чиновъ 1,120 человѣкъ. Во всѣхъ 17-ти дружинахъ Курскаго ополченія было до 18-ти тысячъ человѣкъ.

2) *Тульское ополченіе* (приведено по сдачѣ Севастополя генералъ-лейтенантомъ княземъ Голицынымъ, выведено генералъ-адьютантомъ княземъ Меншиковымъ). Въ немъ были слѣдующія дружины: 80) Бѣлевская — майоръ Озеровъ. 81) Тульская — майоръ Меринскій. 82) Алексинская — полковникъ Бартельсонъ. 83) Каширская — майоръ Муромцевъ, (всѣ эти номера между Бахчисараемъ и Севастополемъ). 84) Ефремовская — майоръ Масловъ, (подъ Еническомъ). 85) Богородицкая — генералъ-майоръ Любенковъ и потомъ майоръ Ладыженскій, (на Чонгарскомъ мосту). 86) Новосильская — майоръ Зыбинъ, (подъ Еническомъ). 87) Крапивинская — полковникъ Чернявкинъ, (въ Дуванкѣ). 88) Чернская — майоръ Сухотинъ, (подъ Еническомъ). 89) Веневская — полковникъ Норовъ. 90) Епифанская — подполковникъ Муравьевъ, (оба номера между Бахчисараемъ и Севастополемъ).

Была часть *Калужскаго*, стоявшая въ Ѳеодосіи и часть *Орловскаго* ополченія, (55, 56, 59, 60, 63, 64, 65 и 66-я дружины, кои были прикомандированы къ гренадерамъ.)

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМІЯ

СЪ $^{7}/_{19}$ МАЯ 1855 ДО КОНЦА ОСАДЫ.

Главнокомандующій Пелиссье. Начальникъ его штаба генералъ Мартемпре. Начальникъ всей артиллеріи генералъ Тири. Начальникъ инженеровъ генералъ Ніель.

1-й КОРПУСЪ.

Корпусный командиръ генералъ де Салль.—Начальникъ штаба генералъ Риве́ (убитъ 27 августа). Начальникъ артиллеріи генералъ Лебёфъ. Начальникъ инженеровъ Трипье́, потомъ Дале́мъ.

Дивизіи.	Бригады.	Номера линейныхъ полковъ.	Батальоны.	Сколько батальоновъ.	Орудія.	Роты саперъ.
1-я дивизія д'Отмара.	1-я бригада Ніоля.	19,26	5-й стр.	5	6	1 р.
	2-я бригада Бретона (убитъ 27 августа.)	39,74		4	6	
2-я дивизія Левальяна.	1-я бр. Кустона.	21,42	9-й стр.	5	6	1 р.
	2-я Дюваля; Де Ламоттъ-Ружа; Трошю.	46,80		4	6	
3-я дивизія Пате́.	1-я бригада Бёре́.	28,98	6-й стр.	5	6	1 р.
	2-я бригада Базе́на.	1-й и 2-й иностр. лег.		6	6	

Дивизіи.	Бригады.	Номера линейныхъ полковъ.	Батальоны.	Сколько батальоновъ, или эскадроновъ.	Орудія.	Роты саперъ.
4-я дивизія Буà.	1-я бригада Фошё; Лефевра.	18,79	10-й стрѣл.	5	6	1 р.
	2-я бригада Дюваля; дела Рокетта.	14,43		4	6	
Кавалерійская дивизія Морриса.	1-я бригада Кассаньоля.	1-й и 3-й	африк. егерей.	8	6	
	2-я бригада Дювà; Фераля.	2-й и 4-й		8		
	Въ половинѣ августа прибыли полки.	30,35		..	..	...
	Кромѣ того при корпусѣ артиллеріи				24	...

—

У Французовъ, въ линейномъ полку 3 батальона, въ зуавскомъ 2 батальона. Комплектъ въ ротѣ 125 ч., въ батальонѣ обыкновенно 8 ротъ, въ Крыму нерѣдко было по 6-ти ротъ. Подъ конецъ осады, по увѣренію плѣнныхъ, въ ротѣ считалось

отъ 60 до 80 ч., въ батальонѣ отъ 360 до 480. Взявъ среднее въ ротахъ, будетъ 70, а въ батальонахъ 420. — 2 полка составляютъ бригаду; 4 полка — дивизію.

Въ кавалерійскомъ полку 4 эскадрона. Комплетъ въ эскадронѣ 125 ч. Въ полку 500. Къ концу осады въ эскадронѣ считалось 100, въ полку 400 человѣкъ.

2-й КОРПУСЪ.

Корпусный командиръ генералъ Боске́. — Начальникъ штаба де-Линьерсъ. — Начальникъ артиллеріи генералъ Бёре́. — Начальникъ инженеровъ генералъ Фроссаръ.

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Батальоны.	Число батальоновъ, или эскадроновъ.	Орудія.	Роты саперъ.
1-я дивизія Канробера; Брюа̀; Макъ-Магона.	1-я бригада Эспинаса; полковника Декана.	1-й зуав. 7-й лин. (шли впереди на Малаховъ, 27 августа 1855).		6	6	1 р.
	2-я бр. Винуа̀.	20, 27 лин.	1-й стр.	4	6	
2-я дивизія Каму.	1-я бригада Вимпфена.	3-й зуавск. 50 лин.	алжир. стрѣлк.	7	6	1 р.
	2-я бригада Верже́.	6,82 лин.	2-й стр.	5	6	

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Батальоны.	Число батальоновъ, или эскадроновъ.	Орудія.	Роты саперъ.
3-я дивизія Мерана (убитъ 6 іюня). Фошё.	1-я бр. Лаваранда (убитъ 27 мая).	2-й зуав. и 4-й морской.	19-й стрѣлк.	6	6	1 р.
	2-я бригада Фальи.	95,97		4	6	
4-я дивизія Дюлака.	1-я бригада Сенъ-Поля (убитъ 27 августа).	57,85	17 стр.	5	6	1 р.
	2-я бр. Биссона (убитъ 27 авг.)	10,61		4	6	
5-я дивизія Брюне́ (убитъ 6 іюня); де Ламоттъ-Ружа.	1-я бригада Клера; полк. Дюпра̀; ген. Бурбаки.	86,100	4-й стр.	5	6	1 р.
	2-я Лафонъ-деВильерса; полк. Пикара.	49,91		4	6	

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Эскадроны.	Число эскадроновъ.	Орудія.	Роты саперъ.
Кавалерійская дивизія д'Аллонвиля.	1-я бригада	1-й и 4-й гусарскіе.		8	6	1 р.
	2-я Шамперона.	6-й и 7-й драгунскіе.		8	6	
Кромѣ того артиллеріи при корпусѣ					30	

—

РЕЗЕРВНЫЙ КОРПУСЪ.

Корпусный командиръ генералъ Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели. — Гербильонъ.

Дивизіи.	Бригады.	Номера линейныхъ полковъ.	Батальоны.	Число батальоновъ, или эскадроновъ.	Орудія.	Роты саперъ.
1-я дивизія Гербильона.	1-я бригада Моргенà.	47,53	14-й ст.	5	6	1 р.
	2-я бригада Клера.	62,73		4	6	
2-я дивизія д'Орелля.	1-я бригада Монтенара.	9,32	7-й стр.	5	6	1 р.
	2-я Перренъ - Жонкьё; Маролля.	15,96		4	6	

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Батальоны.	Число батальоновъ, или эскадроновъ.	Орудій.	Роты саперъ.
Гвардейская дивизія Меллинé.	1-я бригада Урика.	1-й и 2-й зуав. волт.		7	6	1 р.
	2-я бр. Понтевé.	1-й и 2-й грен. стрѣл.		7	6	
	Кавалерійская бриг. Фортона.	6-й и 9-й кирассир.		16	6	
		Кромѣ того артиллеріи			24	

—

АНГЛІЙСКАЯ АРМІЯ.

Главнокомандующій лордъ Рагланъ; потомъ генералы Симпсонъ; Кодрингтонъ.

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Число батальоновъ.
1-я пѣхотная дивизія Колинъ-Кемпбеля.	1-я бриг. Рокби; Горна.		9
	2-я Камерона.		
2-я пѣх. дивизія Пеннефетера; Бернара; Маркгама;	1-я бр. Троллопа; Варрена.	41,47,49	7
	2-я Токьюра; Виндгама.	30,35,95	

Дивизіи.	Бригады.	Номера полковъ.	Число бат. или эскадр.
3-я пѣх. дивизія Ингленда; Эйра.	1-я бригада Бернара; Барлова. 2-я Эйра; Троллопа.	 4,28,36	10
4-я пѣх. дивизія Джонъ-Кемпбеля (уб. 6 іюня); Бентинка.	1-я бр. Макферсона. 2-я Геррета.	20,21,46	7
Легкая пѣх. див. Броуна; Бюллера; Кодрингтона.	1-я бр. Кодрингтона; Шиллея. 2-я Бюллера; Штраубензея.	7,19,23 33,77,78	10
Кавалер. дивизія Скерлета.	1-я бр. Педжета. 2-я Годге.	5 полковъ гусар. улан. и драгунъ. 7 полковъ драгунъ.	24 эскадр.
Орудій 60.			

У Англичанъ, по словамъ плѣнныхъ, въ пѣхотной дивизіи 10 полковъ, въ полку 1 батальонъ, въ батальонѣ 8 ротъ. Комплектъ въ ротѣ 100 чел., въ батальонѣ 800. Къ концу осады въ полку считалось около 550 чел.

САРДИНСКАЯ АРМІЯ.

Главнокомандующій Альфонсъ делла-Мармора.

Дивизіи.	Бригады.	Число батал. или эскадроновъ.
1-я пѣхотная дивизія Дурандо.	1-я бригада Фанти. 2-я Чіальдини.	10
2-я пѣхотная дивизія Тротти.	1-я бр. Монтевеккіо. 2-я Моллара.	10
	Резервная бр. Жаллье	5
	и одинъ полкъ кавалеріи (600 ч.)	4
Артиллеріи 36 батарей.		

Арміи до 15 тысячъ.

У Сардинцевъ въ полку по одному батальону, въ батальонѣ 4 роты; комплектъ въ ротѣ 125 чел.; въ батальонѣ 500. Къ концу осады считалось въ ротѣ до 90 ч.; въ батальонѣ 360 ч.

Примѣчаніе. Въ этихъ спискахъ чины дивизіонныхъ и бригадныхъ генераловъ вездѣ опущены. Если же бригадой командовалъ полковникъ, то чинъ его обозначенъ. «Дивизія Канробера; Брюà; Макъ-Магона» — означаетъ, что этою дивизіею командовали послѣдовательно генералы: Канроберъ, потомъ Брюà и наконецъ Макъ-Магонъ. Тоже и въ бригадахъ.

—

ТУРЕЦКАЯ АРМІЯ.

Главнокомандующій Омеръ-Паша.

4 дивизіи:

Решидъ-Паши.
Османъ-Паши.
Измаилъ-Паши.
Менекли-Паши. (Египетская).

Всего до 28 тысячъ.

Всей арміи у союзниковъ было въ одно время около 160 тыс.

РАПОРТЪ МАРШАЛА ПЕЛИССЬЕ

ВОЕННОМУ МИНИСТРУ О ВЗЯТІИ СЕВАСТОПОЛЯ.

Главная квартира Севастополь,
$^{2}/_{14}$ сентября, 1855.

Честь имѣю представить вашему превосходительству подробный рапортъ о взятіи Севастополя, что́ было уже мною донесено вкратцѣ, депешей отъ 11 числа.

Часъ приступа казалось насталъ. На лѣвомъ нашемъ флангѣ осадныя работы приблизились уже довольно давно къ Мачтовому и Центральному бастіонамъ на 40 и на 30 метровъ[1]). На правомъ флангѣ наши подступы, двинутые быстро подъ защитою артиллерійскаго огня, открытаго $^{5}/_{17}$ августа, подошли на 25 метровъ къ исходящему углу Малахова кургана и Малаго реданта[2]). Артиллерія наша состояла изо ста дѣйствующихъ батарей, имѣя въ совокупности 350 орудій на лѣвомъ и 250 на правомъ флангѣ. Англичане, задержанные въ работахъ упорнымъ каменистымъ грунтомъ, подошли не ближе 200 метровъ къ Большому реданту[3]), противъ котораго вели свои аппроши.

---

[1]) Мачтовый и Центральный бастіоны у насъ — 4-й и 5-й. Метръ равняется аршину и пяти вершкамъ съ небольшимъ; на вершки почти 22 вершка.

[2]) 2-й бастіонъ.

[3]) 3-й бастіонъ.

Съ ихъ стороны дѣйствовало 200 орудій. Русскіе въ это время заложили сзади Малахова вторую линію укрѣпленій, которую намъ слѣдовало не допустить до окончанія. Наконецъ, вспомогательная армія[1]) непріятеля была совершенно разсѣяна 16-го августа, на Черной рѣчкѣ, и можно было съ достовѣрностію предположить, что новыхъ подкрѣпленій Русскіе не получатъ и не отважатся вторично атаковать нашу Ѳедюхинскую позицію, гдѣ мы укрѣпились еще сильнѣе и конечно могли отразить всякое покушеніе противника.

Въ слѣдствіе всего этого было соглашено между мной и генераломъ Симпсономъ штурмовать Севастополь. Главный начальникъ артиллеріи, а равно и главный начальникъ осадныхъ работъ были съ нами одного мнѣнія. Днемъ приступа мы назначили 8-е сентября.

Должно было атаковать непріятеля на всѣхъ главныхъ пунктахъ его обширной оборонительной линіи, дабы воспрепятствовать ему направить всѣ свои силы противъ главной, избранной нами точки приступа, а также слѣдовало нанести пораженіе и самому городу, гдѣ Русскіе построили мостъ для переправы арміи на Сѣверный берегъ. Генералъ де-Салль съ 1-мъ корпусомъ, усиленнымъ бригадою Сардинцевъ, которыхъ содѣйствіе предложилъ мнѣ генералъ делла-Мармора, — долженъ былъ атаковать непріятеля съ лѣваго фланга. Въ центрѣ, противъ Большаго реданта имѣли дѣйствовать Англичане; наконецъ, на правомъ флангѣ, предназначено вести атаку генералу Боске противъ Малахова кургана и Малаго реданта, — главныхъ исходящихъ пунктовъ Корабельной.

---

[1]) Такъ Французы называли постоянно наши войска, стоявшія на Мекензіевой горѣ и вообще на Сѣверной сторонѣ, хотя для насъ это была одна и таже армія, что на Южной.

Диспозиціи для этихъ атакъ были слѣдующія: на лѣвомъ флангѣ дивизія Левальяна (2-я дивизія 1-го корпуса; бригада Кустона: 9-й стрѣлковый батальонъ, подъ командой майора Рожьé; 21-й линейный, — подполковникъ Виллеретъ; 42-й линейный — подполковникъ де-Маллетъ. Бригада Трошю: 46-й линейный — подполковникъ Лебанёръ; 80-й линейный — полковникъ Латеррадъ), имѣвшая дѣйствовать противъ Центральнаго бастіона и его люнетовъ, была помѣщена въ передовыхъ параллеляхъ. Направо отъ нея находилась дивизія д'Отмара (1-я дивизія 1-го корпуса; бригада Ніоля: 5-й стрѣлковый батальонъ — майоръ Гарнье; 19-й линейный — полковникъ Гиньяръ; 26-й линейный — полковникъ де Сорбьеръ. Бригада Бретона: 39-й линейный — полковникъ Коминьянъ; 74-й линейный — полковникъ Гюйо-де-Леспаръ), которая должна была, вслѣдъ за движеніемъ дивизіи Левальяна, овладѣть горжей Мачтоваго бастіона и окружающихъ его батарей. Бригада Сардинцевъ, подъ начальствомъ генерала Чіальдини, помѣстясь рядомъ съ дивизіей д'Отмара, должна была атаковать правый флангъ сказаннаго бастіона. Наконецъ дивизія Буà (4-я дивизія 1-го корпуса; бригада генерала Лефевра: 10-й стрѣлковый батальонъ — майоръ Гимаръ; 18-й линейный полкъ — полковникъ Дантенъ; 19-й линейный — полковникъ Греньé. Бригада генерала де-ла-Рокетта: 14-й линейный — полковникъ Негрьé; 43-й линейный — полковникъ Бруттà) и дивизія Патé (3-я дивизія 1-го корпуса; бригада Бёрé: 6-й стрѣлковый батальонъ — майоръ Фермьé де-ла-Превоте; 28-й линейный — полковникъ Лартигъ; 98-й линейный — полковникъ Консель-Дюмениль. Бригада Базѐна: 1-й полкъ Иностраннаго легіона — Мартено-де-Корду; 2-й полкъ Иностраннаго легіона — полковникъ де-Шабрьеръ) служили резервомъ дивизіи Левальяна. Сверхъ того, на случай непредвидѣнныхъ измѣненій битвы на упомянутомъ флангѣ, я приказалъ дви-

нуться изъ Камыша и состоять въ распоряженіи генерала де Салля: 30-му и 35-му линейнымъ полкамъ, которые были помѣщены на самой оконечности лѣваго крыла, подкрѣпляя съ этой стороны наши линіи.

Впереди Корабельной, какъ я уже сказалъ, наша атака должна была принять три направленія: слѣва на Малаховъ и его редюитъ; справа на Малый редантъ, и въ центрѣ на Куртину, которая соединяетъ эти два верка. Малаховъ курганъ былъ очевидно самымъ главнымъ пунктомъ этой части русскихъ укрѣпленій. Занятіе его влекло за собой послѣдовательное уничтоженіе остальныхъ оборонительныхъ пунктовъ; въ слѣдствіе чего, къ войскамъ, которыми командовалъ генералъ Боске́, я присоединилъ всю пѣхоту Императорской гвардіи.

Атака Малахова кургана была поручена генералу Макъ-Магону (1-я дивизія 2-го корпуса; 1-я бригада полковника Декана: 1-й зуавскій полкъ — полковникъ Колино, и 7-й линейный — полковникъ Деканъ. 2-я бригада генерала Винуа: 1-й стрѣлковый батальонъ — майоръ Гамбье́; 20-й линейный — полковникъ Оріанъ; 27-й линейный — полковникъ Адамъ), который имѣлъ въ резервѣ бригаду Вимпфена изъ дивизіи Каму (3-й зуавскій полкъ — полковникъ Полѐсъ; 50-й линейный — полковникъ Николя и алжирскій стрѣлковый батальонъ — полковникъ Розъ) и 2 батальона гвардейскихъ зуавовъ — полковникъ Жанненъ.

Атака Малаго реданта предоставлена была генералу Дюлаку (4-я дивизія 2-го корпуса; бригада Сенъ-Поля: 17-й стрѣлковый батальонъ — майоръ де-Ферюссакъ; 57-й линейный — полковникъ Дюпюи; 85-й линейный — полковникъ Жавель. Бригада Биссона: 10-й линейный — майоръ де-Лаконтри; 61-й линейный — полковникъ де-Таксисъ). Въ резервѣ у него бригада Маролля изъ дивизіи д'Орелля (15-й линейный — полковникъ Геренъ и 96-й линейный — полковникъ Малербъ)

и гвардейскій стрѣлковый батальонъ — майоръ Корнюлье-де-Люсиньеръ. Наконецъ генералъ де-Ламоттъ-Ружъ (бригада Бурбаки: 4-й стрѣлковый батальонъ — майоръ Клиншанъ; 86-й линейный — полковникъ де-Бертье; 100-й линейный — полковникъ Матьё. Бригада полковника Пикара: 91-й линейный — полковникъ Пикаръ; 49-й линейный — полковникъ Кергуернъ) велъ атаку въ центрѣ, на Куртину, имѣя въ резервѣ гвардейскихъ волтижеровъ (полковники Монтера̀ и Дуэ) и гвардейскихъ гренадеръ (полковники Бланшаръ и Дальтонъ), подъ прямымъ начальствомъ гвардейскаго дивизіоннаго генерала Меллине, коему были подчинены бригадные генералы Понтеве и Фальи.

Для помѣщенія сихъ войскъ наши траншеи были раздѣлены на три части, изъ которыхъ каждая должна была содержать въ своихъ передовыхъ линіяхъ почти цѣлую дивизію, а резервы должны были занять частію старыя наши траншеи, частію овраги Корабельный и Килевой [1]). Необходимо было имѣть въ виду, чтобы сборъ этихъ войскъ не былъ замѣченъ непріятелемъ: въ слѣдствіе чего коммуникаціонныя линіи, ведущія къ передовымъ плацдармамъ, осмотрѣны съ надлежащимъ вниманіемъ, и всюду, гдѣ только войска могли быть открыты, гребень бруствера достаточно возвышенъ, дабы сдѣлать проходъ совершенно безопаснымъ.

На обоихъ флангахъ атакъ находились команды саперъ и артиллеристовъ, съ шанцевымъ инструментомъ, чтобы слѣдовать во главѣ каждой атакующей колонны. Саперы, прикрываемые особеннымъ авангардомъ, должны были наводить мосты, для чего было произведено нѣсколько предварительныхъ маневровъ, а самые матерьялы для мостовъ были заготовлены

---

[1]) Доковый оврагъ и Киленъ-балку.

впереди первой линіи траншей. Артиллеристы имѣли при себѣ все необходимое для ихъ дѣйствій, какъ-то: молотки, расклепки и другія инструменты, дабы заклепывать, или расклепывать орудія, смотря по надобности, и обращать ихъ, если будетъ возможно, противъ непріятеля. Сверхъ того, во всѣхъ передовыхъ батальонахъ атакующихъ войскъ, находились особыя команды съ короткими лопатами, которыя могли прицѣпляться къ зарядной сумѣ: эти команды устраивали переходы, засыпàли рвы, переносили траверсы, словомъ исполняли всѣ начальныя работы, столь важныя въ первое мгновеніе.

Наконецъ было поставлено нѣсколько полевыхъ батарей въ такихъ мѣстахъ, откуда онѣ, въ случаѣ надобности, могли немедля открыть огонь и принять участіе въ общемъ дѣйствіи. На лѣвомъ флангѣ одна такая батарея заняла самую ближайшую къ непріятелю каменоломню, со своими упосными лошадьми и артиллеристами, которые имѣли при себѣ всѣ надлежащіе снаряды. Двѣ другія батареи 1-й дивизіи должны были держаться на батареѣ Клошетонъ. Послѣдняя, 4-я батарея, расположилась влѣво отъ нашихъ госпиталей. На правомъ флангѣ артиллерійскій резервъ, въ 24 полевыхъ орудія, долженъ былъ размѣститься такимъ образомъ: 12 орудій дивизіонныхъ на старой Ланкастерской батареѣ и 12 гвардейскихъ на редутѣ Викторіи. Рабочіе, поставленные въ извѣстныхъ пунктахъ, должны были, когда потребуется, устроить проѣздъ для упомянутой артиллеріи.

Первая бригада дивизіи д'Орелля расположена была такъ, чтобы отразить движеніе непріятеля противу Инкерманскихъ отлогостей, имѣя въ помощь себѣ всѣ батареи и редуты, находящіяся на этомъ протяженіи.

Сзади всѣхъ поименованныхъ линій генералъ Гербильонъ охранялъ нашу позицію на Черной, будучи готовъ ежеминутно

вооружить пѣхоту, посадить на коней кавалерію и двинуть артиллерію.

Въ подкрѣпленіе ему я велѣлъ спуститься туда же кирасирской бригадѣ генерала Фортона. Генералъ делла-Мармора былъ предувѣдомленъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ. Что же касается до генерала д'Аллонвиля, онъ долженъ былъ, въ ночь съ 7-го на 8-е сентября (съ 26-го на 27-е августа) выступить изъ Байдарской долины и сосредоточить свои войска подлѣ Крёзѐнскаго моста, на случай, если бы вспомогательная русская армія стала угрожать намъ съ этого пункта.

Вслѣдствіе обоюднаго соглашенія съ генераломъ Симпсономъ, мы рѣшили начать приступъ въ полдень. Этотъ часъ представлялъ многія выгоды: онъ давалъ намъ надежду напасть на непріятеля въ расплохъ. И еслибы вспомогательная армія отважилась отбивать занятые нами верки, она не могла бы совершить этого до заката солнца. Вообще, какой бы ни былъ результатъ нашихъ атакъ, у насъ оставалось до слѣдующаго утра довольно времени, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія.

Съ ранняго утра 8-го сентября, артиллерія нашего лѣваго фланга (которая еще 5 сентября, на разсвѣтѣ, открыла сильный огонь), начала громить непріятеля. Батареи праваго фланга помогали ей съ равной энергіей, имѣя однакоже въ виду дѣйствовать во время пріуготовляемаго штурма.

Къ 8-ми часамъ было взорвано передъ Центральнымъ бастіономъ двѣ мины, каждая во 100 киллограммовъ пороху, и тогда же, впереди Малахова, поднято на воздухъ три фугаса въ 1.500 киллограммовъ пороху, дабы пробить русскія подземныя галлереи.

Овладѣніе курганомъ и окрестными ему батареями должно было упредить всѣ наши дѣйствія этого дня: другія атаки под-

чинялись ему необходимо. Въ слѣдствіе чего мы условились съ генераломъ Симпсономъ, чтобы Англичане двинулись на Большой редантъ не иначе, какъ послѣ даннаго отъ меня сигнала, когда я увѣрюсь, что мы стоимъ на Малаховомъ твердою ногою. Равно и генералъ де-Салль не долженъ пускать въ атаку своихъ войскъ, покамѣстъ не увидитъ другаго моего сигнала.

Не задолго до полудня всѣ войска были на предназначенныхъ имъ мѣстахъ, въ совершенномъ порядкѣ, а также и всѣ другія распоряженія приведены въ исполненіе. Генералъ де-Салль былъ тоже готовъ. Генералъ Боске находился на своемъ боевомъ посту, въ 6-й паралели; а я прибылъ съ генералами: Тири (начальникомъ артиллеріи) Ніелемъ (начальникомъ инженеровъ) и Мартемпре (начальникомъ моего штаба) на редутъ Брансьонъ [1]), избранный мною на этотъ день мѣстомъ Главной квартиры.

Часы были свѣрены. Въ полдень ровно всѣ наши батареи прекратили огонь, дабы возобновить его еще усиленнѣе противу резервовъ непріятеля. По знаку своихъ военачальниковъ, дивизіи: Макъ-Магона, Дюлака и де-Ламоттъ-Ружа вышли изъ траншей. Барабанщики и гарнисты проиграли «наступленіе», и съ крикомъ — *да здравствуетъ Императоръ!* повтореннымъ тысячу разъ на всѣхъ линіяхъ, наши храбрые солдаты кинулись на непріятеля. Это была истинно торжественная минута!

1-я бригада дивизіи Макъ-Магона: 1-й зуавскій полкъ впереди всѣхъ, потомъ 7-й линейный, имѣя влѣво отъ себя 4-й стрѣлковый батальонъ, — бросились на лѣвый фасъ и на исходящій уголъ Малахова. Ширина и глубина рва, и вышина эскарпа замедляютъ движеніе нашихъ войскъ, однако же они смѣло

---

[1]) Бывшій Камчатскій.

достигли непріятельскихъ парапетовъ; Русскіе схватились съ ними на курганѣ и, по недостатку ружей, бьются лопатами, кирками, камнями, банниками и всѣмъ, что̀ попадетъ подъ руку. Произошла одна изъ тѣхъ кровавыхъ стычекъ, въ которой только неудержимая стремительность нашихъ людей могла дать перевѣсъ надъ противникомъ. Солдаты вскочили въ укрѣпленіе, оттѣснили Русскихъ, старавшихся не уступать имъ ни шагу, и скоро знамя Франціи заколыхалось надъ Малаховымъ, съ тѣмъ, чтобы не опускаться.

На правомъ крылѣ и въ центрѣ, съ тѣмъ-же стремленіемъ, которое разрушило всѣ преграды и далеко отбросило непріятеля, дивизіи Дюлака и де-Ламоттъ-Ружа, увлекаемыя своими предводителями, овладѣли Малымъ редантомъ и Куртиной, пробившись даже до 2-й оборонительной линіи Русскихъ. Мы одержали верхъ на всѣхъ пунктахъ, какія только атаковали. Но этотъ первый, блестящій успѣхъ, стоилъ намъ очень дорого: пораженный большимъ осколкомъ бомбы въ правый бокъ, генералъ Боске долженъ былъ оставить поле битвы. Я поручилъ командованіе войсками генералу Дюлаку, который имѣлъ дѣятельнаго помощника въ лицѣ генерала де-Линьерса, начальника штаба 2-го корпуса.

Саперы, находившіеся при атакующихъ колоннахъ, начали немедля свою работу: засыпа̀ли рвы, устроивали переходы, наводили мосты. Вторая бригада генерала Макъ-Магона двинулась быстро на Малаховъ, чтобы подкрѣпить бывшія тамъ войска. Я подалъ условленный знакъ Англичанамъ для атаки Большаго реданта и немного спустя, другой, генералу де-Саллю, для атаки города.

Англичане должны были пробѣжать 200 метровъ подъ убійственнымъ огнемъ картечи. Это пространство тотчасъ покрылось убитыми и раненными. Однакоже атакующая колонна достигла до капитали укрѣпленія, спустилась въ ровъ, имѣвшій

около 5 метровъ глубины, и несмотря па всѣ усилія Русскихъ, поднялась на эскарпъ и вскочила на исходящій уголъ Редапта. Тамъ, послѣ первой стычки, стоившей Русскимъ очень дорого, англійскіе солдаты увидѣли себя на открытомъ со всѣхъ сторонъ мѣстѣ, куда сосредоточивались выстрѣлы непріятеля, защищеннаго траверсами. Прибывавшіе вновь только смѣняли павшихъ. Однако не прежде, какъ выдержавъ самый неровный бой въ продолженіи двухъ часовъ, Англичане рѣшились оставить Редантъ, въ полной увѣренности, что непріятель не осмѣлится ихъ преслѣдовать.

На лѣвомъ флангѣ, по данному сигналу, колонны дивизіи Левальяна, предводимыя генералами Кустономъ и Трошю, бросились на лѣвый фасъ Центральнаго бастіона и его лѣвый люнетъ. Несмотря на градъ пуль, ядеръ и картечи, послѣ самой краткой и живой схватки, стремленіе и стойкость нашихъ солдатъ восторжествовали надъ непріятелемъ и одолѣвъ всѣ препятствія, мы проникли въ оба укрѣпленія. Но противникъ, скрытый за траверсами, стоявшими послѣдовательно одинъ за другимъ, держался крѣпко. Убійственный ружейный огонь былъ направленъ со всѣхъ возвышенныхъ пунктовъ; крѣпостныя орудія другихъ верковъ и полевая артиллерія, разставленная кругомъ во многихъ мѣстахъ, извергали картечь и поражали нашихъ. Генералы Кустонъ и Трошю, будучи тотчасъ ранены, принуждены были сдать командованіе. Генералы Риве и Бретонъ были убиты. Множество взорванныхъ фугасовъ замедлили наше стремленіе; наконецъ прибывшее къ непріятелю сильное подкрѣпленіе заставило наши войска очистить занятые ими верки и ретироваться къ ближайшимъ плацдармамъ.

Наши батареи этого фланга, направленныя искусно генераломъ Лебёфомъ, которому адмиралъ Риго-де-Женульи помогалъ, какъ и всегда, самымъ дѣятельнымъ образомъ — размѣряли свой огонь соотвѣтственно ходу дѣла и принудили

Русскихъ скрыться за ихъ парапеты. Генералъ де-Салль, выдвинувъ впередъ дивизію д'Отмара, приготовился тѣмъ временемъ къ другой рѣшительной атакѣ, но мы уже утвердились на Малаховѣ и потому я приказалъ войскамъ лѣваго фланга остаться на своихъ мѣстахъ.

Однакоже Русскіе долго и съ необыкновенной энергіей защищали Малаховъ.

При помощи батарей Дома-Крестомъ (de la Maison en Croix)[1]), полевой артиллеріи, занимавшей выгодные пункты, а также батарей Сѣвернаго берега и подошедшихъ пароходовъ, непріятель осыпàлъ насъ картечью и всевозможными снарядами, сильно опустошая наши ряды. Пороховой погребъ одной изъ батарей Малахова взлетѣлъ на воздухъ, увеличивъ наши потери и скрывъ на мгновеніе орла 91-го линейнаго полка. Множество офицеровъ, начальствующихъ отдѣльными частями и субалтернъ-офицеровъ были перебиты или переранены. Генералы Сенъ-Поль и Маролль пали со славой, а генералы Меллине, Понтеве[2]), и Бурбаки тяжело ранены во главѣ своихъ колоннъ. Три раза дивизія Дюлака и де-Ламоттъ-Ружа занимали Малый редантъ и Куртину и три раза отступали передъ страшнымъ огнемъ артиллеріи и сильными массами войскъ. Однако двѣ полевыя батареи, стоявшія въ резервѣ на Ланкастерской, спустились въ галопъ, перерѣзали траншеи и смѣло ставъ въ полувыстрѣлѣ отъ непріятеля, принудили удалиться русскія войска и пароходы. Часть сказанныхъ двухъ дивизій, поддержанная гвардіей, которая въ этотъ дéнь покрыла себя неувядаемой славой, помѣстилась влѣво отъ Куртины, откуда непріятель не могъ уже ея выбить.

Въ продолженіи этихъ схватокъ на правомъ крылѣ и въ

---

[1]) Оборонительная казарма 1-го бастіона.

[2]) Черезъ нѣсколько дней умеръ.

центрѣ, Русскіе употребляли всѣ усилія, чтобы овладѣть снова Малаховымъ. Это укрѣпленіе, родъ земляной цитадели въ полтораста метровъ ширины, вооруженное 62-мя орудіями разныхъ калибровъ, вѣнчаетъ собою холмъ, который господствуетъ надъ центромъ Корабельной, беретъ во флангъ и въ тылъ Большой редантъ, отстоя отъ Южной пристани на 200 метровъ и угрожая не только единственному мѣсту, гдѣ корабли могли держаться на якоряхъ, но и единственному пункту отступленія Русскихъ: мосту, который они провели съ Южной стороны на Сѣверную.

И потому, въ первые часы этой борьбы двухъ армій, Русскіе возобновляли много разъ свои наступательныя дѣйствія, но генералъ Макъ-Магонъ, получая постепенно подкрѣпленія: сперва бригаду Винуа, той же дивизіи, потомъ гвардейскихъ зуавовъ, резервъ Вимпфена и наконецъ часть гвардейскихъ волтижеровъ, — могъ устоять противъ всѣхъ нападеній: непріятель былъ постоянно отражаемъ и мы всякій разъ одерживали верхъ. Русскіе рѣшились сдѣлать послѣдній отчаянный приступъ: трижды бросались они огромными массами на горжу укрѣпленія и трижды принуждены были ретироваться, понеся невѣроятныя потери.

Послѣ этой окончательной попытки, которая прекратилась въ 5 часовъ вечера, непріятель, казалось, отступилъ отъ этой части города и только его батареи продолжали вплоть до ночи посылать къ намъ разные снаряды, не причиняя войскамъ почти никакого вреда.

Отряды саперъ и артиллеристовъ, которые во время боя, или храбро сражались, или стремительно исполняли свое назначеніе, — тотчасъ принялись за дѣло, подъ руководствомъ своихъ офицеровъ, дабы кончить начатыя ими работы внутри укрѣпленія.

По приказанію моему, генералы Тири и Ніель, послали

генераловъ Бёре и Фроссара (начальника артиллеріи и начальника инженеровъ 2-го корпуса), сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія для прочнаго и окончательнаго удержанія за нами Малахова кургана и занятой части Куртины, чтобы имѣть возможность отразить ночную атаку непріятеля, еслибы она случилась, и уничтожить утромъ Малый редантъ, батарею Дома-Крестомъ, и остальныя части этой линіи русскихъ верковъ.

Но эта предусмотрительность оказалась безполезною: непріятель, потерявъ надежду отбить Малаховъ, рѣшился на крайность: онъ оставилъ городъ.

Солнце встало и освѣтило развалины, которыя представились намъ гораздо ужаснѣе, нежели мы воображали: послѣдніе русскіе корабли, стоявшіе на рейдѣ, были затоплены, мостъ завороченъ; непріятель сохранилъ только пароходы, которые перевозили отставшихъ и нѣсколькихъ экзальтированныхъ, старавшихся распространять огонь въ улицахъ несчастнаго города. Но скоро эти небольшія кучки скрылись, а равно ушли и пароходы, ища спасенія въ малыхъ бухтахъ Сѣвернаго берега. Севастополь былъ нашъ.

Такъ кончилась эта знаменитая осада, впродолженіи которой вспомогательныя войска непріятелей были разбиты дважды въ открытомъ полѣ; и въ которой средства обѣихъ сторонъ, атакующей и осажденной, достигли колоссальныхъ размѣровъ. Атакующая армія имѣла въ разныя времена около 800 орудій, кои сдѣлали болѣе 1,600,000 выстрѣловъ, а наши траншеи, вырытыя въ 336 дней, со времени открытія траншеи, въ твердой скалистой почвѣ, на протяженіи 80 километровъ (20 лье) были исполнены подъ неумолкаемымъ огнемъ городскихъ батарей и при непрестанныхъ стычкахъ съ непріятелемъ, днемъ и ночью.

День 8 сентября, въ который арміи союзниковъ одержали верхъ надъ арміей почти равной имъ въ числѣ, не отрѣзанной

отъ сообщеній, защищенной сильными верками, подъ покровительствомъ болѣе нежели 1,100 орудій, кромѣ батарей флота и сѣверныхъ; имѣвшей позади себя многочисленные резервы, — останется навсегда примѣромъ того, что̀ только могутъ выполнить храбрыя, обученныя и приспособленныя къ войнѣ войска.

Мы потеряли въ этотъ приступъ убитыми: генераловъ 5, старшихъ офицеровъ 240, субалтернъ-офицеровъ 116, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 4,489; раненными: генераловъ 4, старшихъ офицеровъ 20, субалтернъ-офицеровъ 224, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 4,259; контуженными: генераловъ 6; безъ вѣсти пропавшими: старшихъ офицеровъ 2, субалтернъ-офицеровъ 8, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 1,400. Всего изъ строю выбыло 7,551.

Эти потери очень велики; многія между ними заслуживаютъ особеннаго сожалѣнія; но все-таки онѣ менѣе страшны, нежели надо было ожидать.

Всѣ войска, отъ генерала до солдата, съ честью исполнили свой долгъ. Наша армія, которою Императоръ можетъ гордиться, истинно достойна своего отечества. Я буду ходатайствовать о наградѣ многихъ; много именъ представлю на вниманіе вашего превосходительства. Но здѣсь не мѣсто входить объ этомъ въ подробности.

Флоты адмираловъ Лайонса и Брюа должны были приблизиться ко входу въ Севастопольскій рейдъ и вспомоществовать дѣйствіямъ войскъ и батарей, но поднявшійся крѣпкій нордъ-остъ, безпокоившій насъ даже и на сушѣ, воспрепятствовалъ имъ сняться съ якоря. Однѣ только англійскія и французскія бомбарды могли дѣйствовать, нанося большой вредъ городу и его береговымъ фортамъ. Какъ и всегда, храбрые и отважные моряки выказали себя искусными не менѣе сухопутныхъ

артиллеристовъ и направляли свои выстрѣлы съ замѣчательной быстротой и мѣткостью.

Английская армія отличалась свойственнымъ ей одушевленіемъ. Она приготовила вторичную атаку, которая безъ сомнѣнія восторжествовала бы надъ всѣми неожиданными препятствіями, какія встрѣтила первая, но занятіе Малахова позволило устранить эту уже излишнюю атаку.

Къ концу дня, какъ я это предчувствовалъ, мы увидѣли тянущіяся по мосту линіи войскъ, переходившихъ на Сѣверный берегъ. Вскорѣ пожаръ, вспыхнувшій во многихъ мѣстахъ, разрѣшилъ послѣднія недоумѣнія. Я хотѣлъ было двинуть войска, чтобъ занять мостъ и отрѣзать Русскимъ отступленіе, но осажденный, уходя, сталъ взрывать всѣ свои верки, пороховые погреба, зданія и разныя заведенія. Эти взрывы могли бы намъ сильно повредить и потому намѣреніе мое осталось неисполненнымъ. Я удержалъ войска на мѣстѣ; ожидая, пока явится день и озаритъ картину опустошенія.

Бригада Сардинцевъ подъ командой Чіальдини, которой содѣйствіе такъ благосклонно предложилъ мнѣ генералъ делла-Мармора для подкрѣпленія 1-го корпуса, — выдержала со стойкостію старыхъ войскъ самый страшный огонь, сосредоточенный на нашихъ траншеяхъ. Пьемонтцы горѣли желаніемъ вступить въ бой. Но атака Мачтоваго бастіона уже не имѣла мѣста и потому было невозможно удовлетворить храброму порыву этихъ войскъ.

Какъ всегда, наши и непріятельскіе раненные получили самую скорую помощь, надлежащій уходъ и всѣ необходимыя попеченія. Благодаря отличному устройству нашихъ госпиталей, усердію и искусству состоявшихъ при оныхъ лицъ, мы спасли значительное число храбрыхъ.

Въ заключеніе моего рапорта, не могу не упомянуть, какъ много я обязанъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, а равно

и во всѣхъ другихъ, генералъ-майору Гугу-Розу и подполковнику Джоржу-Фолею, уполномоченнымъ комиссарамъ ея Британскаго величества, при главнокомандующемъ Французской арміи, имѣвъ съ ними безпрестанныя сношенія, вслѣдствіе нашихъ совмѣстныхъ дѣйствій съ главнокомандующимъ Англійскими войсками Джемсомъ Симпсономъ.

Главнокомандующій маршалъ А. Пелиссье.

Извлеченіе изъ статьи академика Пирогова:

«Историческій обзоръ дѣйствій Крестовоздвиженской общины сестеръ попеченія о раненныхъ и больныхъ, въ военныхъ госпиталяхъ Крыма и Херсонской губерніи, съ 1-го декабря 1854 года по 1-е декабря 1855 года.» [1])

Служеніе сестеръ Крестовоздвиженской общины началось съ 1-го декабря, 1854, въ Симферополѣ, куда прибыло изъ С.-Петербурга *1-е отдѣленіе*, состоявшее изъ 28 сестеръ, подъ управленіемъ главной начальницы Стаховичь. Онѣ пріучились къ госпитальному порядку подъ руководствомъ академика Пирогова.

Около 20 декабря сестры занемогли и были смѣнены сердобольными вдовами, прибывшими къ тому времени изъ Одессы. 4 сестры умерли отъ тифозной горячки. [2])

23 декабря нѣсколько сестеръ, подъ управленіемъ помощницы главной начальницы, Лоде, отправились въ Бахчисарай, для служенія при тамошнемъ военномъ госпиталѣ, но и здѣсь всѣ онѣ переболѣли тифозною горячкой и одна умерла. [3])

13 генваря, 1855, явилось на Южной сторонѣ Севастополя *2-е отдѣленіе* сестеръ, подъ управленіемъ старшей сестры

---

[1]) Морской Сборникъ 1856, № 4, и Русскій Инвалидъ 1856, №№ 62 и 63.

[2]) Шперлингъ, Аленина, Ждановская, Эрбергъ.

[3]) Лашкова.

Меркуровой. Онѣ дежурили днемъ и ночью на главномъ перевязочномъ пунктѣ (бывшемъ сначала въ Дворянскомъ Собраніи, а потомъ въ Инженерномъ домѣ, съ конца генваря до 4-е марта, а съ этого числа опять въ домѣ Собранія), въ Николаевской батареѣ и въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ, гдѣ находились госпитали, при чемъ сестры раздѣлились на перевязывающихъ, аптекаршей и хозяекъ. Первыя помогали докторамъ при перевязкахъ, приготовляя бинты и другія перевязочныя средства. Вторыя — надзирали за правильнымъ отпускомъ лекарствъ и получали въ свое распоряженіе медикаменты, коихъ изготовленіе не терпитъ отлагательства. Третьи наблюдали за бѣльемъ и вообще за содержаніемъ больныхъ.

17 генваря, 1855, прибыло въ Севастополь *3-е отдѣленіе* сестеръ, подъ управленіемъ старшей сестры Бакуниной, и занималось, въ продолженіи недѣли, уходомъ за больными на Сѣверной сторонѣ, а потомъ переправилось на Южную, гдѣ соединилось съ сестрами 2-го отдѣленія.

Оба отдѣленія размѣстились на слѣдующихъ пунктахъ:

1) Въ Инженерномъ Домѣ (главный перевязочный пунктъ).

2) Въ Николаевской батареѣ.

3) Въ домѣ Орловскаго, и

4) Въ домѣ Гущина, гдѣ находились смертельно-раненные и гангренозные. Сестры, посвятившія себя на столь опасную и тяжелую службу, были: Григорьева, Голубцова, Грибоѣдова и Богданова 2-я.

Около 10 февраля занемогли почти всѣ сестры, служившія въ Севастополѣ, и двѣ изъ нихъ умерли отъ тифозной горячки [1]).

21 февраля прибыло изъ Симферополя *1-е отдѣленіе*,

---

[1]) Кузнецова и Протопопова.

съ начальницею Стаховичь и помѣстилось въ Сѣверныхъ баракахъ, считаясь, по времени прїѣзда *4-мъ отдѣленiемъ.*

Въ срединѣ марта занятъ былъ для больныхъ офицеровъ Екатерининскiй Дворецъ, куда отряжена одна сестра милосердiя.

28 марта прибыли сестры *5-го отдѣленiя*, подъ надзоромъ сестры Будбергъ, и приступили къ занятiямъ въ Михайловской батареѣ и въ Корабельной слободкѣ.

Послѣ этого сестры переходили въ разные пункты, по мѣрѣ надобности.

По отъѣздѣ Пирогова (въ маѣ 1855) община подчинена начальнику гарнизона графу Остенъ-Сакену.

Въ iюнѣ образовался офицерскiй госпиталь въ 4 номерѣ батареи, на Сѣверной сторонѣ, куда отправлено двѣ сестры, съ главнымъ врачемъ, докторомъ Тарасовымъ.

Въ началѣ iюля устроился госпиталь на Бельбекѣ, гдѣ жило нѣсколько сестеръ.

Въ госпиталѣ Сѣвернаго укрѣпленiя находилась одна сестра.

Въ лагерномъ госпиталѣ на Инкерманскихъ высотахъ помѣщалось 11 сестеръ.

Кромѣ того, въ это время 5 особыхъ отрядовъ общины состояли при госпиталяхъ въ разныхъ городахъ Крыма и Новороссiи: въ Бахчисараѣ (7 сестеръ), въ Симферополѣ (5 сестеръ), въ Перекопѣ (3 сестры) и нѣсколько въ Херсонѣ и въ Николаевѣ.

По оставленiи Южной стороны Севастополя, дѣятельность сестеръ сосредоточилась на Инкерманскихъ высотахъ, подъ управленiемъ старшей сестры Чупати, и на Бельбекѣ, подъ управленiемъ начальницы Стаховичь.

Въ половинѣ сентября, вслѣдствiе перемѣщенiя госпиталей, сестры переѣхали въ Бахчисарай и Симферополь. На

Бельбекѣ осталось только три, подъ руководствомъ одной изъ нихъ Линской [1]).

Въ это же время, по разстроенному здоровью Стахович, главное начальство ввѣрено Высокой Покровительницей сестеръ начальницѣ Одесскихъ сердобольныхъ вдовъ, Хитрово, съ званіемъ сестры-настоятельницы. Тогда же прибыло изъ С.-Петербурга нѣсколько новыхъ сестеръ, подъ надзоромъ старшей сестры Карцевой.

Академикъ Пироговъ, снова пріѣхавшій въ Крымъ, въ началѣ сентября, опять принялъ общину въ свое распоряженіе. Имъ учреждено *транспортное отдѣленіе* сестеръ, подъ начальствомъ старшихъ: Бакуниной, Медвѣдевой и Травиной. Двѣ или три сестры, подъ надзоромъ старшей, имѣя при себѣ запасъ медикаментовъ, перевязокъ, а также чай и сахаръ, отправлялись при транспортахъ съ больными, до городовъ: Перекопа, Берислава и Екатеринослава. Такихъ поѣздокъ совершено ими болѣе шести.

Въ концѣ 1855 года сестры переѣхали въ Россію.

---

[1]) Оставались тамъ до 1856 года.

СПИСОКЪ СЕСТРАМЪ МИЛОСЕРДІЯ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.

1-е Отдѣленіе.

(Въ Симферополѣ, съ Декабря 1854.)

1. Стаховичь (начальница Общины).
2. Шперлингъ.
3. Аленина.
4. Ждановская.
5. Эрбергъ.
6. Лоде.
7. Василенко.
8. Лашкова.
9. Степанова.
10. Васильева.
11. Гордынская.
12. Антипова.
13. Балашова.
14. Борисова.
15. Глѣбова.
16. Хольмбергъ.
17. Гродницкая.
18. Дарсонвиль.
19. Домбровская.
20. Дружинина.
21. Сельстремъ.
22. Иллеръ.
23. Лебедева.
24. Павлова.
25. Барщевская.
26. Смирнова 1-я.
27. Смирнова 2-я.
28. Тидеманъ.
29. Никитина.

30. Долголенкова.
31. Аникина.
32. Саватьева.
33. Сапрановская.
34. Инокиня Ушакова.

Изъ этого отдѣленія сестры: Лоде, Василенко, Лашкова, Степанова и Васильева переѣхали въ концѣ декабря въ Бахчисарай; а остальныя, въ концѣ февраля, — въ Севастополь, гдѣ составили *4-е отдѣленіе*, какъ уже сказано въ извлеченіи. Къ нимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ присоединились вновь-прибывшія сестры:

1. Ремизова.
2. Николаева.
3. Пожидаева.

2-е Отдѣленіе.

(Въ Севастополѣ.)

1. Старшая сестра Меркурова.
2. Богданова 1-я.
3. Вигилянская.
4. Назимова.
5. Шимкевичь.
6. Линская.
7. Залебедская.
8. Крупская.
9. Синявская.
10. Григорьева.
11. Кузнецова.
12. Протопопова.
13. Голубцова.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, къ сему отдѣленію, на Бельбекъ, прибыли сестры:

1. Алферова.
2. Болгова.
3. Матковская.
4. Попова 1-я.
5. Попова 2-я.
6. Стратопуло.
7. Аксенова.
8. Дунда.
9. Анисимова.
10. Астафьева 1-я.

11. Астафьева 2-я.
12. Вахрамѣева.
13. Жигарева.
14. Никитина.
15. Филимонова.
16. Шульцъ.
17. Красильникова.

3-е Отдѣленіе.

1. Старшая сестра Бакунина.
2. Богданова 2-я.
3. Травина.
4. Зихель.
5. Куткина.
6. Никитина.
7. Грибоѣдова.

5-е Отдѣленіе.

1. Старшая сестра Будбергъ.
2. Бабикова.
3. Башмакова.
4. Бышева.
5. Благовѣщенская.
6. Блюмеръ.
7. Вигренъ.
8. Гинцельманъ.
9. Грабаричь.
10. Леонова.
11. Лише.
12. Медвѣдева.
13. Мятельская.
14. Мещерская.
15. Надежина.
16. Петрова.
17. Селиванова.
18. Старченко.
19. Чупати.
20. Краузе.

Въ концѣ іюля прибыли въ Перекопъ сестры:

1. Старшая сестра Романовская.
2. Боделова.
3. Медвѣцкая.
4. Матковская.

Въ Херсонѣ и Николаевѣ находились:

1. Старшая сестра Щедрина.
2. Курбатова.
3. Дмитріянова.
4. Никсичь.
5. Пустозерова.
6. Аверкіева.
7. Пономарева.
8. Наставина.
9. Данилевская.
10. Набокова.
11. Богданова 3-я.
12. Николенкова.
13. Предилина.
14. Тимошенко.
15. Якушева.
16. Малѣева.
17. Вальтеръ.
18. Булгарова.
19. Носенкова.
20. Мильшина.
21. Ковалева.
22. Кирова.
23. Главачь.
24. Бѣлоускова.
25. Яроцкая.
26. Измайлова 2-я.
27. Фокина.
28. Ермолаева.
29. Логинова.
30. Гусева.
31. Рудовская.
32. Короткова.
33. Штина.
34. Дозорова.
35. Виноградова.

Въ концѣ сентября прибыли въ Симферополь:

1. Старшая сестра Карцева.
2. Малышева.
3. Непеніе.
4. Пржевалинская.

СПИСОКЪ ВРАЧАМЪ,

ЗАНИМАВШИМСЯ РАНЕННЫМИ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Главное управленіе Медицинской части.

1) Генералъ-штабъ-докторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шрейберъ.

2) Помощникъ его статскій совѣтникъ Цитовичь.

3) Исправляющій должность главнаго хирурга коллежскій совѣтникъ Райскій.

4) Главный хирургъ Южной арміи статскій совѣтникъ Рудинскій.

5) Правитель канцеляріи генералъ штабъ-доктора изъ медиковъ Борисовъ.

6) Старшій докторъ Главной квартиры надворный совѣтникъ Эйхвальдъ.

Главный перевязочный пунктъ.

(Прибывшіе изъ Россіи и занимавшіеся постоянно).

1) Академикъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Пироговъ.

2) Лекарь Обермиллеръ.

3) Лекарь Хлѣбниковъ.

4) Титулярный совѣтникъ Тарасовъ.

5) Коллежскій асессоръ Каде́.
6) Докторъ медицины операторъ и акушеръ Пабо.
7) Лекарь Беккерсъ.
8) Докторъ медицины Ребергъ.
9) Медико-хирургъ надворный совѣтникъ Тюринъ.
10) Московскаго п. полка батальонный лекарь Добровъ.

(*Мѣстные изъ флота и занимавшіеся временно.*)

11) Рождественскій.
12) Младшій врачъ 42 флотскаго экип. лекарь Сибиряковъ.
13) Земанъ.
14) Новиковъ.
15) Вальтеръ (полковой).
16) Дмитровъ (вольно практикующій).
17) Турнепсидъ. } Американцы.
18) Дрёпперъ. }

Николаевская батарея.

1) Профессоръ хирургіи коллеж. совѣтн. фонъ-Гюббенетъ.
2) Піотровскій. }
3) Шелома. }
4) Миштольдъ. }
5) Левицкій. } Морскіе.
6) Сброжекъ. }
7) Пржиборскій. }
8) Стефановскій. }
9) Пастуховъ. }
10) Ульрихсонъ. }
11) Вноровскій. } Полковые.
12) Бѣлявскій (умеръ въ Севастополѣ). }

Павловскій мысокъ.

1) Надворный совѣтникъ Дземишкевичъ.
2) Надворный совѣтникъ Неводовскій.
3) Павловскій (морской.)

Домъ Гуцина.

1) Лекарскій помощникъ коллеж. регистрат. Калашниковъ.

При дивизіяхъ и полкахъ, поступавшихъ на означенные пункты, состояли свои медики, но такъ-какъ полки безпрестанно перемѣняли мѣста, то и невозможно съ точностію означить всѣхъ полковыхъ врачей, кто и когда изъ нихъ находился на извѣстномъ пунктѣ.

Кромѣ того было болѣе ста прусскихъ и американскихъ врачей и до 30 хорошихъ русскихъ фельдшеровъ, изъ коихъ могу наименовать двухъ: Никитина и Дзятко, состоявшихъ при главномъ перевязочномъ пунктѣ.

СПИСОКЪ СЕВАСТОПОЛЬСКИМЪ КУПЦАМЪ,

ТОРГОВАВШИМЪ ВЪ ГОРОДѢ И ПОТОМЪ НА СѢВЕРНОЙ, ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ. [1]

1. Витчинкина — краснымъ товаромъ.
2. Гахъ — краснымъ товаромъ.
3. Поповъ — бакаліей.
4. Коломейцевъ — галантерейнымъ товаромъ и офицерскими вещами.
5. Кефѐли — краснымъ товаромъ [2].

НА СѢВЕРНОМЪ БАЗАРѢ.

ПЕРВЫЙ КВАРТАЛЪ:

1. Пиклеръ — трактиръ.
2. Артамоновъ — галантерейными вещами.

---

[1] Этотъ списокъ доставленъ мнѣ старшимъ гозаномъ (раввиномъ) Караимскаго общества въ Крыму, С. А. Бенмомъ, котораго гостепріимный домъ посѣщается всѣми путешественниками, бывающими въ Чуфутъ-Калѐ — небольшомъ мѣстечкѣ близь Бахчисарая. О Чуфутъ-Кале и почтенномъ хранителѣ его древностей, Бенмѣ, я упоминалъ нѣсколько разъ въ моихъ «Севастопольскихъ письмахъ» — Москвитянинъ 1855, Сентябрь, страница 139 и Ноябрь, страница 111.

[2] Эти пятеро оставили городъ только за недѣлю до послѣдняго штурма.

3. Мортухай Айвàзъ — бакаліей.
4. Ефуда Рофè — краснымъ товаромъ.
5. Ефуда Мѝчри — бакаліей.
6. Сима Сопàкъ — бакаліей.
7. Абрамъ Кефèли — краснымъ товаромъ.
8. Абрамъ Шàпшалъ — краснымъ товаромъ.
9. Исаакъ Шàпшалъ — краснымъ товаромъ.
10. Образцовъ — шапошнымъ товаромъ.
11. Старчиковъ — бакаліей.

ВТОРОЙ КВАРТАЛЪ:

1. Бероха Кушлю — бакаліей.
2. Шлёме Казазъ — краснымъ товаромъ.
3. Шамойлъ Айвазъ — краснымъ товаромъ.
4. Мошè Оксузъ — галантерейнымъ товаромъ.
5. Орловскій — бакаліей.
6. Марковъ — трактиръ.
7. Бурназъ — трактиръ.
8. Кухтинъ — трактиръ.
9. Кашинъ — бакаліей.
10. Крыжановскій — бакаліей.
11. Мошè Прикъ — краснымъ товаромъ.
12. Эмануилъ Лèви — бакаліей.
13. Смакопуло — бакаліей; имѣлъ также пекарню.
14. Гущинъ — трактиръ.
15. Дученко — бакаліей.
16. Поповъ — винами.
17. Илья Чевке — табакомъ.
18. Іосифъ Кефèли — табакомъ.
19. Эздра Боручукъ — табакомъ.

20. Чикинъ — бакаліей.
21. Томàсъ — трактиръ.
22. Соловьевъ — бакаліей.
23. Серебряниковъ — бакаліей. (Онъ-же старшина).
24. Ной Эмельдешъ — краснымъ товаромъ.
25. Яковъ Соферъ — бакаліей.
26. Гвоздковъ — бакаліей
27. Тарасовъ — бакаліей.
28. Пикинъ — бакаліей.

СПИСОКЪ

всѣмъ батарейнымъ командирамъ Малахова кургана съ начала осады до конца.

1) На батареѣ въ 5 орудій, стоявшихъ на башнѣ, командовалъ капитанъ морской артиллеріи Лосевъ, а комендантомъ въ башнѣ былъ полковникъ Арцыбашевъ. (Умеръ.)

2) На батареѣ въ 6 орудій, направо отъ башни — лейтенантъ Сенявинъ. Послѣ него капитанъ-лейтенантъ Швенднеръ 3-й (убитъ). Потомъ лейтенантъ Озерскій (умеръ отъ ранъ). За нимъ мичманъ Костомаровъ и наконецъ лейтенантъ баронъ Гейкингъ.

3) На батареѣ Корнилова — лейтенантъ Маркизъ де-Траверсé; потомъ мичманъ Шкоттъ; послѣ него капитанъ морской артиллеріи Станиславскій (убитъ), за нимъ капитанъ-лейтенантъ Григорашъ, потомъ капитанъ-лейтенантъ Лазаревъ, лейтенантъ Никифоровъ и наконецъ лейтенантъ баронъ Гейкингъ. (Командовалъ въ одно время двумя батареями: этой и предыдущей).

4) На слѣдующей батареѣ до Горжи — мичманъ Жидковъ.

5) Налѣво отъ башни — капитанъ-лейтенантъ Кандагури (умеръ) и лейтенантъ Свѣшниковъ, потомъ капитанъ-лейтенантъ Явленскій; послѣ него лейтенантъ Шмидтъ 2-й. При немъ стала устроиваться Тыльная оборона и ею завѣдывалъ

также Шмидтъ. Въ послѣдствіи эта батарея раздѣлилась на двѣ: ближе къ Гласису, Штурмовая, въ 5 орудій, коими командовалъ въ августѣ артиллеріи поручикъ баронъ Драхенфельсъ. Батареей ближе къ Рогаткѣ командовалъ лейтенантъ Пàнфировъ. Онъ же командовалъ подъ-конецъ Тыльной обороной.

6) На Гласисной батареѣ, (которая образовалась впереди башни, по разрушеніи послѣдней) — капитанъ-лейтенантъ Явленскій (умеръ); за нимъ лейтенантъ Юрьевъ (убитъ); потомъ мичманъ (подъ-конецъ осады лейтенантъ) Лесли.

4-е Отдѣленіе.

МАЛАХОВЪ КУРГАНЪ.

(Объясненія къ плану.)

a) ***Батарея Пàнфирова*** — въ 3 орудія на Камчатку. Командиръ лейтенантъ Пáнфировъ. Пунктъ, куда прежде всего ворвался непріятель 27-го августа 1855.

b) ***Штурмовая***, въ 5 орудій, вдоль Рогатки. Командиръ поручикъ полевой артиллеріи 12-й легкой бригады, баронъ Драхенфельсъ.

cc) ***Гласисъ***, въ 5 орудій: 2 ближайшія къ предыдущей по Камчаткѣ и по Маріи; 2 за тѣмъ по Камчаткѣ, и одно по принцу Альберту (Англійская 24-хъ орудійная). На этой же батареѣ, справа, стояли 4 полевыя орудія на барбетахъ — командиръ лейтенантъ Лесли. H — мѣсто, гдѣ раненъ Нахимовъ.

d) ***Правый передній фасъ***, въ 5 орудій, по принцу Альберту и Доковому оврагу. Командиръ лейтенантъ баронъ Гейкингъ. Тутъ же стояла вправо 5-ти пудовая мортира — γ.

e) ***Корнилова батарея***, въ 9 орудій, по 9-ти орудійной

Англійской, что̀ противъ 3-го бастіона. Командиръ лейтенантъ баронъ Гейкингъ. ✝ мѣсто, гдѣ раненъ адміралъ Корниловъ.

f) *Батарея Жидкова*, въ 4 орудія, по 9-ти орудійной Англійской, командиръ лейтенантъ Жидковъ.

gg) *Правый задній фасъ*, въ 5 орудій, по 3-му бастіону внутрь. Командиръ тотъ-же лейтенантъ Жидковъ.

h) *Капониръ*, въ 3 орудія, по Англійской атакѣ. Командиръ лейтенантъ Жидковъ.

iiii) *Лѣвый задній фасъ* или *Тыльная оборона* въ 17 орудій: 2 ближайшія къ горжѣ по 2-му бастіону и по мѣстности. Одно за тѣмъ фланкировало ровъ. 4 слѣдующія по 2-му бастіону и по мѣстности. Тутъ же стояло 2 фальконета. Одно за тѣмъ по Селенгинскому редуту. Два по Камчаткѣ и тутъ же стояла старая, треснувшая 5-ти пудовая мортира, изъ которой иногда стрѣляли Французскими снарядами — δ. Наконецъ 7 орудій по 2-му бастіону и Селенгинскому редуту. Командиръ лейтенантъ Панфировъ, тотъ же, который командовалъ сосѣдней батареей въ 3 орудія.

Кромѣ того предполагалось вывезти, въ случаѣ нужды, одно орудіе въ горжу, которое тутъ и стояло за брустверомъ — F.

Внутреннія части кургана.

A) Башня. l) Блиндажъ Лесли, Лазарева, Иванова и другихъ. k) Блиндажъ Буссау. m) Ходъ въ потерну. n) Блиндажъ Карпова. o) Траверсъ. p) Небольшой пороховой погребъ, пудовъ на полтораста, и рядомъ съ нимъ блиндажъ для нѣсколькихъ человѣкъ. r) Блиндажъ. s) Другой ходъ въ потерну. t) Блиндажъ. u) Небольшой пороховой погребъ, пудовъ на пол-

тораста, и рядомъ съ нимъ траверсъ. w) Мостикъ черезъ ровъ. Этотъ мостикъ, а также и другой — x) безпрестанно разбивали бомбы. y) Блиндажъ, и рядомъ съ нимъ траверсъ. β) Траверсъ. E) двойная сапа для проѣзда троекъ. λ) Блиндажъ. μ) Главный бомбовой погребъ. ρ) Блиндажъ. σ) Траверсъ. στ) Блиндажъ. φ) Помѣщеніе доктора и перевязочный пунктъ. Тутъ же жила Прасковья Ивановна Графова. Рядомъ за досками блиндажъ. ψ) Блиндажъ. ω) Блиндажъ и рядомъ съ нимъ траверсъ. αα) Главный пороховой погребъ на 800 пудовъ. Рядомъ съ нимъ траверсъ. ββ) Траверсъ. q) Траверсъ. ν) Траверсъ. α) Траверсъ. λλ) Барбетъ для полеваго орудія.

BD. *Батарея Никифорова*, въ 12 орудій, для штурма. Влѣво MN — 4 полевыя орудія черезъ барбетъ; 2 двухъ-пудовыя мортиры и 6 полу-пудовыхъ мортиръ.

P) 2 5-ти пудовыя мортиры. Командиръ лейтенантъ Никифоровъ.

Rs) *Редантъ*, 3 орудія: одно по Камчаткѣ и два для штурма. Командиръ прапорщикъ конной артиллеріи Постниковъ.

Ровъ на курганѣ, вообще, до 3-хъ сажень глубины. Ширины, внизу, $1\frac{1}{2}$ сажени. Брустверъ, круглой мѣрой, до 8-ми футовъ въ вышину. Въ толщину около 20 фут. Въ Горжѣ свободно проѣзжала тройка. — На банкетахъ могло помѣститься до 3-хъ тысячъ человѣкъ.

ВТОРАЯ ЛИНІЯ.

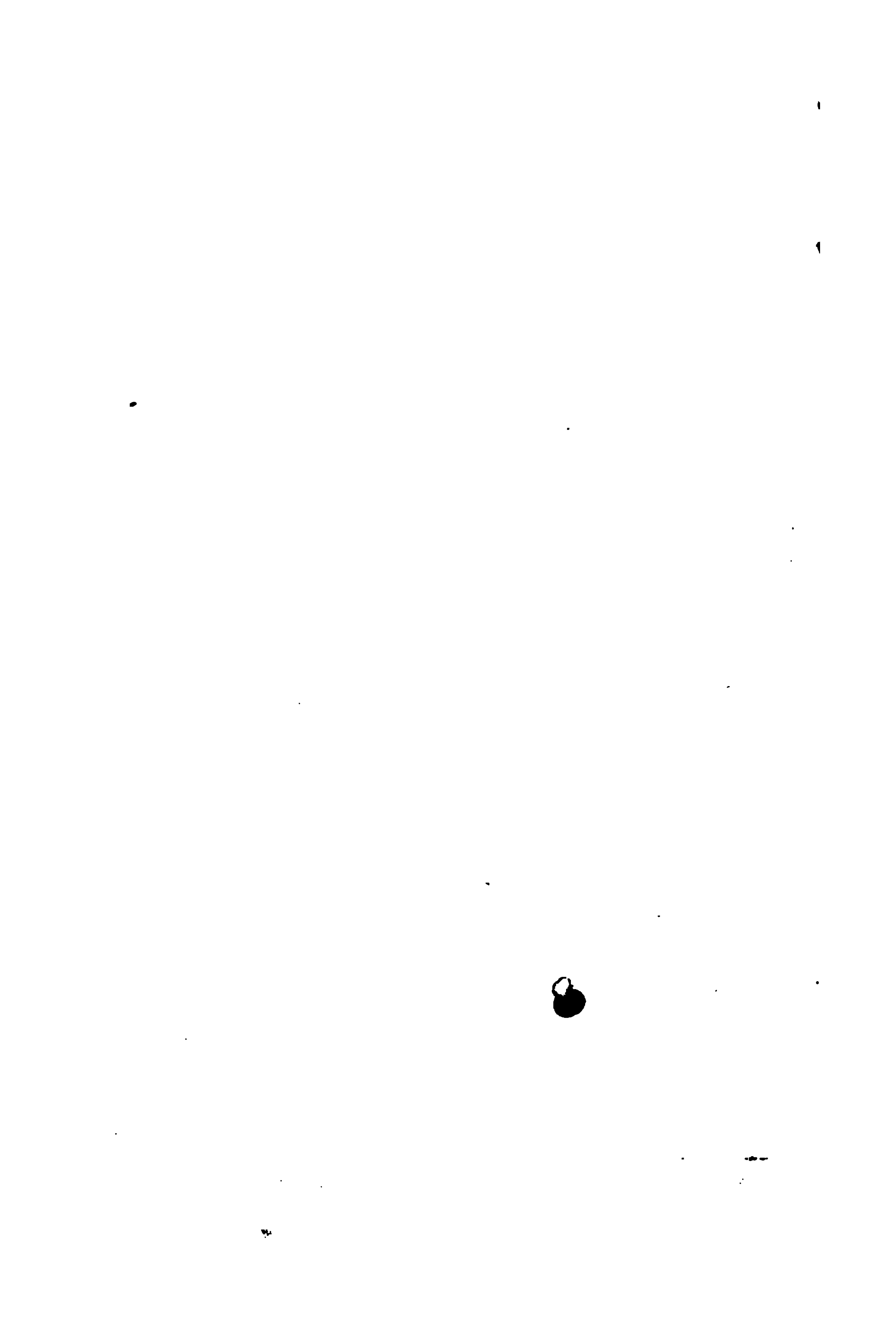
ZZ) Было прорѣзано 11 амбразуръ: 9 для штурма и 2 для стрѣльбы по двойной непріятельской сапѣ передъ 2-мъ басті-

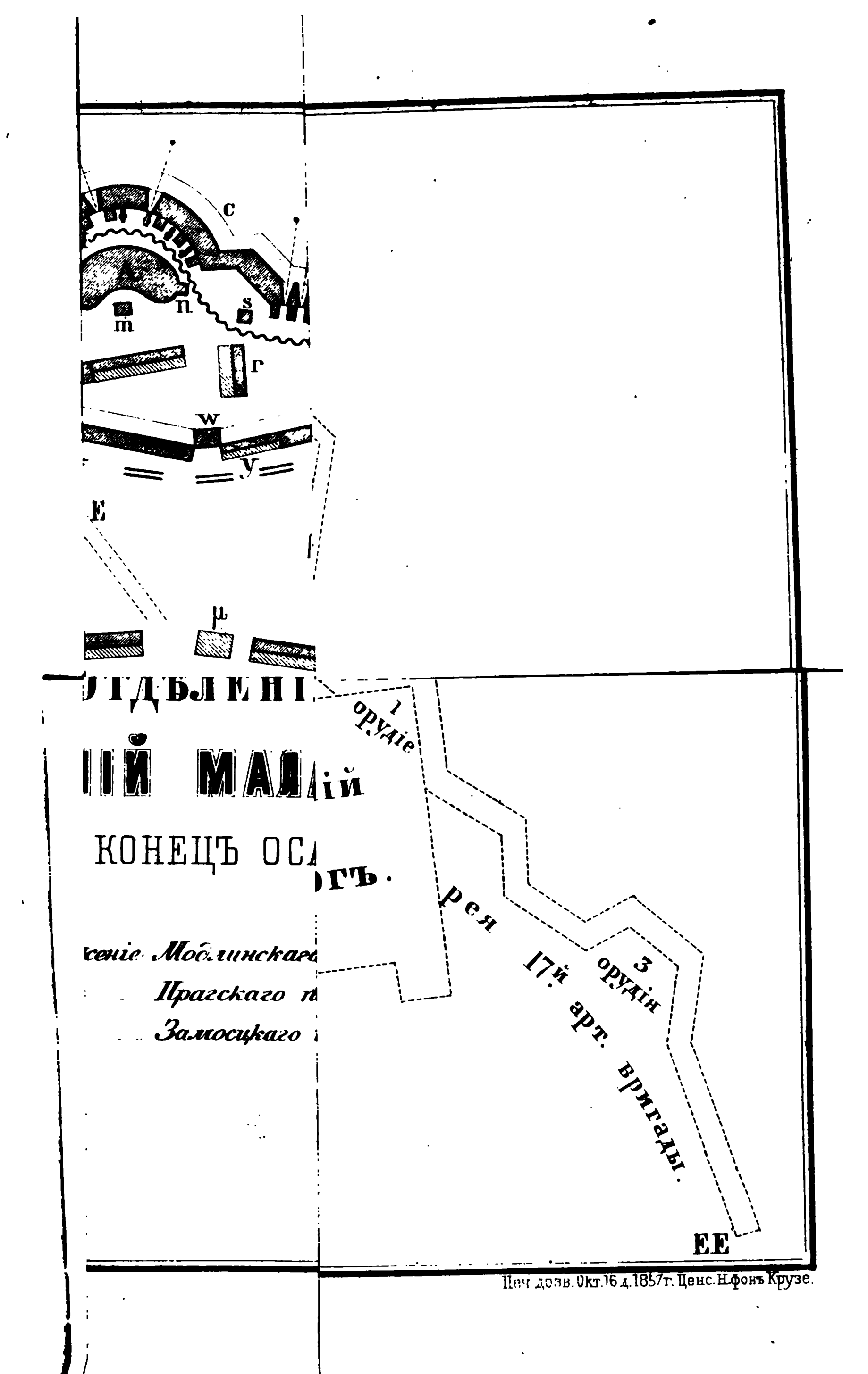
ономъ, но орудій успѣли поставить только три — 1, 2, 3. Брустверъ имѣлъ ступеньки для стрѣлковъ. Толщина насыпи футовъ 20, вышина 12, ровъ 3. Между орудіями 3 сажени. уу) 4 полевыя орудія. ух) Предполагалась потерна. ЕЕЕЕ) Полевыя орудія по Жерве–батареѣ и Доковому оврагу; считалось всего на-все 14 полевыхъ орудій.

ОПЕЧАТКИ.

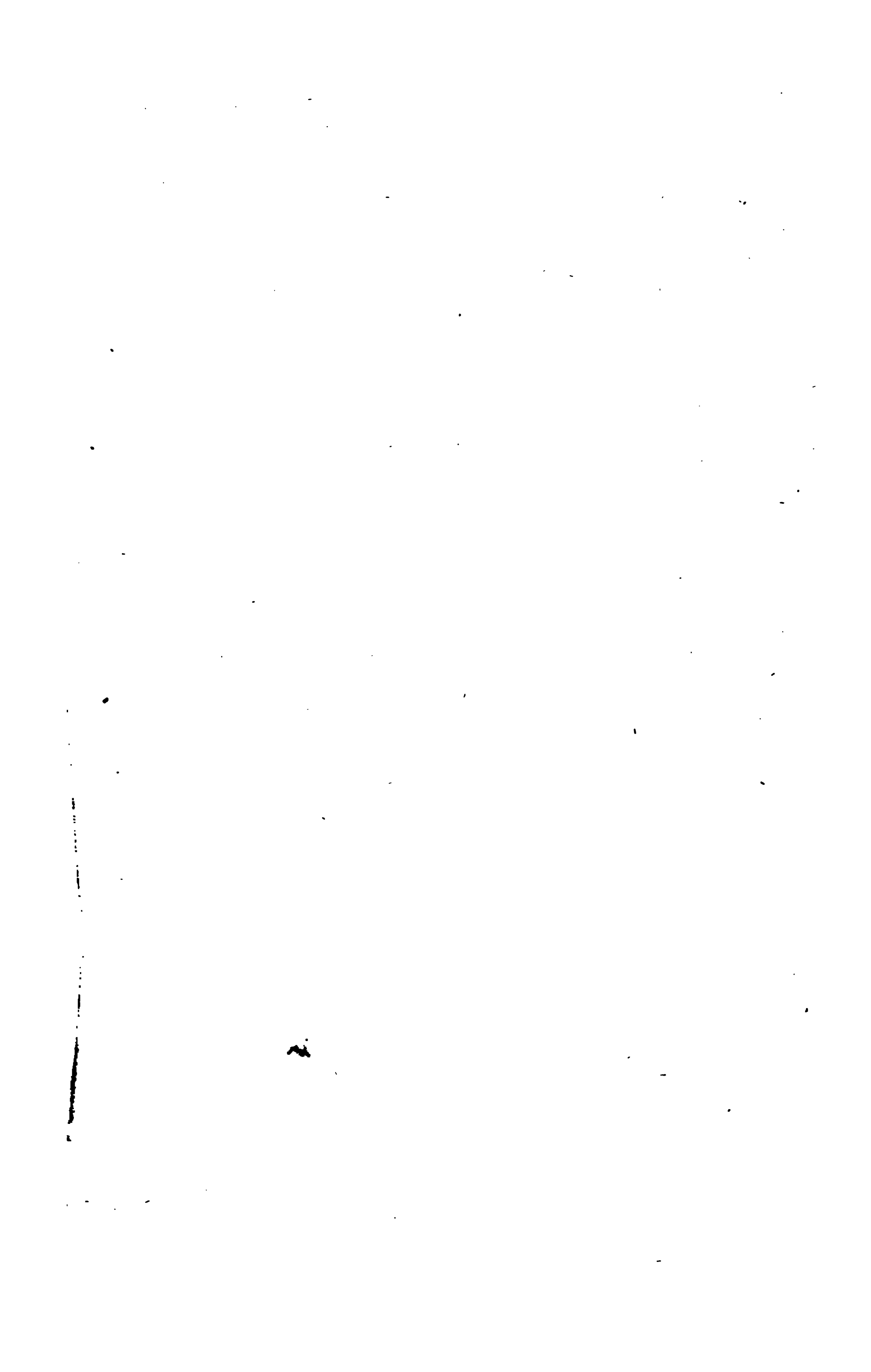
ТОМЪ II.

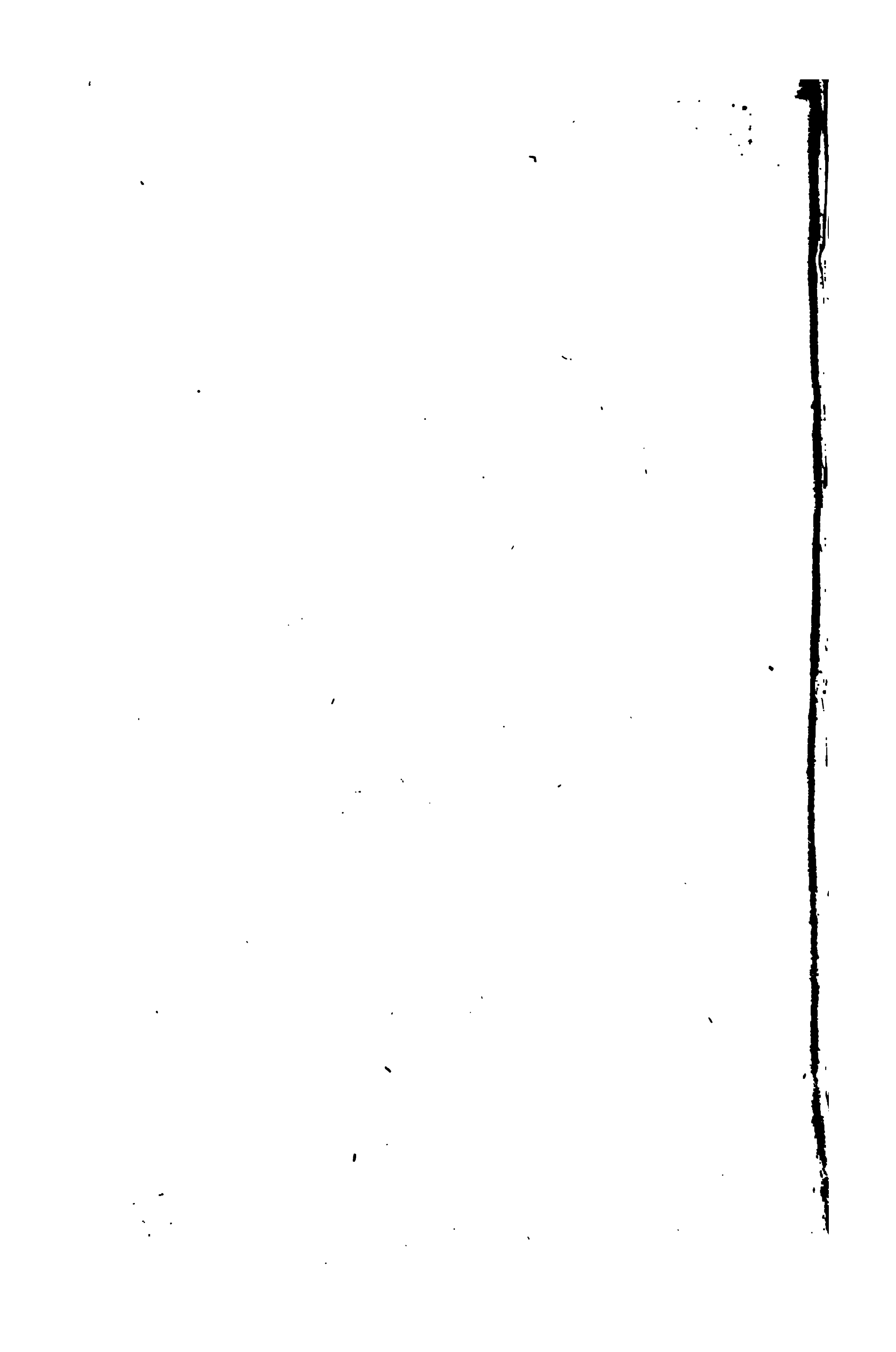
Стран.	строка.	Напечатано.	Должно читать.
50	послѣдняя	онъ [1]),	онъ [2]),
55	первая	воего	своего
68	св. 11	пе ходить.	не ходить.
146	— 4	пего	него

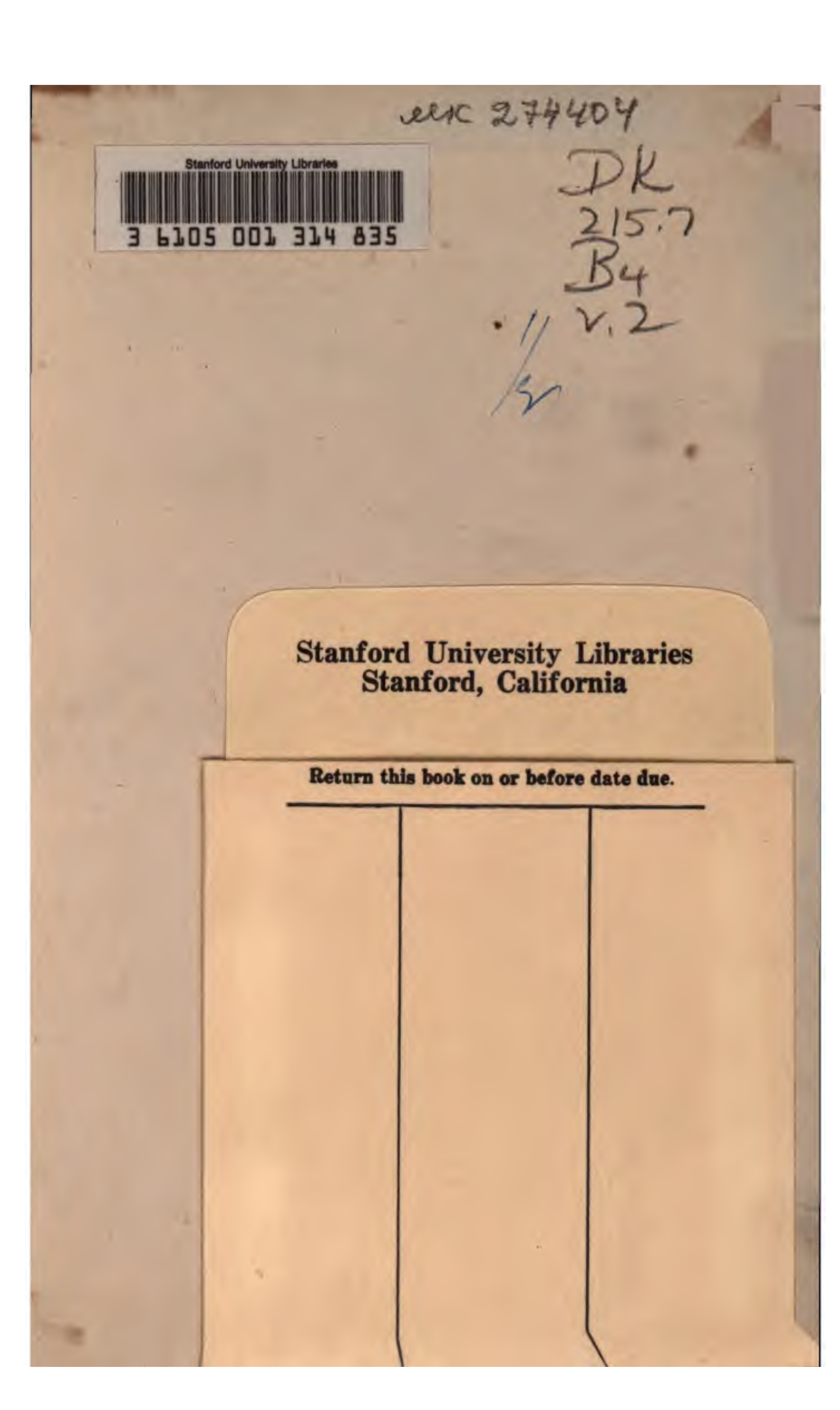

Печ дозв. Окт. 16 д. 1857 г. Ценс. Н. фонъ Крузе.

Stanford University Libraries
3 6105 001 314 835
DK
215.7
B4
v.2
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

